

Черты и силуэты прошлого

Владимир Иосифович Гурко

Оглавление

Записки государственного человека. Вступительная статья Н.П. Соколова, АД. Степанского 5

От автора 19

Предисловие 22

Часть I. Последние спокойные годы дореформенного строя (1894—1902)

Глава 1. Первые годы царствования (1894—1902) 28

Глава 2. Дореформенный Государственный совет 37

Глава 3. Министр финансов Сергей Юлиевич Витте 48

Глава 4. Министр земледелия и государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов 68

Глава 5. Министр внутренних дел Иван Логгинович Горемыкин 75

Глава 6. Министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин 84

Глава 7. Министр юстиции Николай Валерьянович Муравьев 91

Глава 8. Председатели департаментов и отдельные члены Государственного совета 94

Глава 9. Столетний юбилей Государственного совета 108

Глава 10. Государственная канцелярия 110

Глава 11. Кодификационный отдел Государственной канцелярии 122

Часть II. Наша внутренняя политика за время управления Министерством внутренних дел В. К. Плеве

Глава 1. Министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве (12 апреля 1902 г. - 15 июля 1904 г.) 129

Глава 2. Крестьянский вопрос 158

Глава 3. Некоторые из сотрудников В.К. Плеве по управлению Министерством внутренних дел 220

Глава 4. Борьба Плеве с Витте 245

Глава 5. Борьба Плеве с общественностью 276

Часть III. Начало Русско-японской войны и попытка власти достичь примирения с общественностью

Глава 1. Что породило Русско-японскую войну 303

Глава 2. Попытки власти достигнуть примирения с общественностью 348

Глава 3. Положение крестьянского вопроса во время управления кн. Мирским Министерством внутренних дел 384

Глава 4. События последних дней управления кн. Мирским Министерством внутренних дел 403

Часть IV. Усиление натиска общественности на власть

Глава 1. Министерство внутренних дел А.Г. Булыгина (18 января - 17 октября 1905 г.) 418

Глава 2. Министерство графа С. Ю. Витте 468

Глава 3. Первое министерство И.Л. Горемыкина и Государственная дума первого созыва (23 апреля — 9 июня 1906 г.) 537

Часть V. Усиление натиска общественности на власть

Глава 1. Министерство Столыпина. Вторая и Третья Государственные думы (9 июня 1906 г. — 11 сентября 1911 г.) 577

Глава 2. Министерство Коковцова и Четвертая Государственная дума 605

Часть VI. Годы мировой войны

Глава 1. Первый период войны (лето 1914 г. до весны 1915 г.) 643

Глава 2. Второй период войны (летние месяцы 1915 г.) 657

Комментарии 701

Именной указатель 757

Записки государственного человека

...И когда уже назад в разрушенную, загрязненную, заплеванную, но все же бесконечно дорогую Родину?

В. И. Гурко. Париж. 1924 г. ...Отстаивал интересы крепостников-помещиков... Комментарий к Полному собранию сочинений В.И. Ленина

Эта книга написана семьдесят лет назад, но перед отечественным читателем является, по существу, впервые. Английское издание, увидевшее свет в 1939 г., не вполне передает оригинал и дошло далеко не до каждого из советских спецхранов, так что даже историки пользовались им крайне редко. Неспециалистам же имя Владимира Иосифовича Гурко вообще мало что говорит. Между тем подробные аналитические воспоминания Гурко «Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II» должны по праву занять одно из первых мест в обширном корпусе мемуарной литературы, вышедшей из-под пера российских бюрократов. Интерес к свойствам и особенностям этой среды в последние десятилетия только усиливается, поскольку, по меткому замечанию одного исследователя, она «не только управляла, но в значительной степени и правила» Россией в конце XIX — начале XX века.

Автор, прошедший лучшие свои годы в Министерстве внутренних дел, достигший при П.А. Столыпине поста товарища министра, вполне осознает ограниченность своего опыта: «Я смотрел на события из окошка этого ведомства, смотрел, следовательно, несомненно односторонне и вовсе не намерен этого скрывать. Мои беглые заметки, представляющие краткую хронику времени, непосредственно предшествовавшего и сопутствовавшего встряске, испытанной Русским государством в царствование Николая II, хронику, иллюстрированную некоторыми личными воспоминаниями, если и имеют какую-либо цену в смысле сырого исторического материала, то лишь как освещение этих событий с точки зрения чиновника.

1 См.: Gurko V.I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford, 1939.

! Lieven D.C.B. Russian Senior Officialdom under Nicholas II: Careers and Mentalities // Jahrbucher fur Gesschichte Osteuropas 32 (1984). P. 199. ные в этом направлении попытки (сношения велись преимущественно с видным общественным деятелем Финляндии графом Армфельдом), однако, ни к чему конкретному не привели. Тогда у Плеве появилась другая мысль, и едва ли не самая правильная. Состояла она в том, чтобы исключить из состава Великого княжества так называемую старую Финляндию, т.е. ту ее часть, которая была присоединена к России еще при Петра Великом и заключала сопредельную с Россией Выборгскую губернию. По отношению же ко всей остальной

Финляндии он думал принять иную политику, а именно почти не вмешиваться в ее внутренние дела. Последнее было тем более возможно, что при умелой политике, благодаря экономической зависимости от нас Финляндии, мы всегда могли посредством установления тех или иных таможенных пошлин на финляндские товары, главным рынком сбыта которых служила Россия, не только держать ее в руках, но даже принудить ее саму просить об усилении ее связи с империей. В этих видах была даже учреждена под председательством Философова, бывшего в то время товарищем государственного контролера, особая комиссия для разработки таможенного тарифа по финляндской границе. Однако, по обыкновению, ничего из этих предположений не осуществилось и осуществиться не могло. Принятие таких смелых решений было совершенно не по плечу русской государственной власти начала нынешнего века. Как справедливо заметил Сергиевский, меры принимались дубовые, а люди, которые должны были их осуществлять, были осиновые. К тому же сам Плеве, весной 1902 г. достигнув своей заветной цели — назначения министром внутренних дел, хотя и продолжал оставаться статс-секретарем Великого княжества Финляндского, но уже не имел ни времени, ни, вероятно, особой охоты заниматься финляндским вопросом, который до известной степени и заглох, оставив, однако, одно важное, но не касающееся русско-финляндских отношений наследие, а именно возникшее при прохождении в Государственном совете финляндских законопроектов обостренное отношение между Плеве и Витте. Двум медведям в одной берлоге вообще всегда тесно: соперничество между этими двумя сильными, властными людьми всячески неминуемо должно было возникнуть, но финляндский вопрос помог этому и сделал из министров внутренних дел и финансов двух ожесточенных противников. Свидетелем борьбы между ними явилась зима 1902 на 1903 г.

Часть 1 Последние спокойные годы дореформенного строя (1894-1902)

Глава 1 Первые годы царствования (1894-1902)

20 октября 1894 г. В Петербурге ясный солнечный день. На улицах столицы необычайное скопление народа, но настроение толпы отнюдь не праздничное. На Невском, на всех переулках толпятся люди, читающие с явно озабоченным видом наклеенные на стенах печатные объявления: то извещения о состоянии здоровья находящегося на Южном берегу Крыма в Ливадии пораженного тяжким недугом императора Александра III. На площади Казанского собора также заметно необычайное оживление. В соборе, переполненном молящимися, идет молебен об исцелении страждущего монарха. Настроение столичного населения определенно удрученное, подавленное.

Болезнь государя, почти с места принявшая столь же быстрое, сколь угрожающее течение, предвещала скорую смену царствования. Событие это было в высшей степени неожиданно. Богатырская осанка Александра III, его возраст, обыкновенно совпадающий с расцветом сил, его внешний вид, не обнаруживавший никаких признаков болезненного состояния, казалось, обеспечивали стране продолжительное бессменное царствование. Известие об опасном состоянии здоровья императора было тем более неожиданно, что извещение о постигшем его недуге последовало лишь в то время, когда он принял угрожающий характер. Не успела ввиду этого страна осведомиться о болезни государя, как выяснилось, что недуг его смертельный и что, следовательно, государство силою вещей вступает в неизбежную при самодержавном строе новую полосу своей исторической жизни.

Понимало это, быть может, не столько сознательно, сколько инстинктивно население столицы; понимала это вполне определенно петербургская бюрократия и ее правящие верхи. Взоры ее невольно обращались к неведомому будущему, стремясь его угадать в свойствах и особенностях имеющего вступить на престол наследника Цесаревича, но свойства эти были мало кому известны, причем определялись они различно. Сколько-нибудь отчетливого представления о личности преемника Александра III не было ни у населения, ни даже у правящего слоя. Будущий Николай II ничем не успел к этому времени выявить свои индивидуальные особенности, тем более что участия в государственных делах он не принимал. Правда, он состоял председателем комитета по сооружению Сибирской железной дороги, но председательствование это было лишь почетное, и всем было известно, что влияние на решения этого комитета он не оказывал. Господствовавшие ввиду этого на его счет мнения были крайне разноречивы.

Но в одном отношении сходились все, а именно в признании отсутствия государственного опыта у завтрашнего руководителя судьбами России. Неудивительно, что будущее представлялось при таких условиях столь же непредвидимым, сколь смутным. Об опасениях, господствовавших в этом отношении среди лиц правящего синклита, я лично имел случай судить по словам, сказанным мне в это самое 20 октября 1894 г. управлявшим Морским министерством Н.М. Чихачевым. Передавая ему письмо моего отца, привезенное мною из Варшавы, откуда я в этот самый день приехал, я, естественно, первым делом спросил его, какие вести из Ливадии. «Самые плохие, — ответил мне Чихачев, — надежды на выздоровление нет никакой, и, по всей вероятности, кончина государя уже последовала». «Передайте вашему отцу, — добавил Чихачев, — что будущее представляется нам здесь чрезвычайно смутным. Наследник — совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно. Военная строевая служба — вот пока единственно, что его интересует. Руль государственного корабля [выпал] из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки в течение, по всей вероятности, продолжительного времени им не овладеют. Куда при таких условиях направит свой курс государственный корабль — Бог весть».

Предположение Чихачева, что кончина государя уже последовала, оправдалось. В этот же день часам к девяти вечера появились экстренные прибавления к газетам, извещавшие о кончине Александра III. Вышли они как раз ко времени отхода с Николаевского вокзала курьерского поезда в Москву и вызвали такое волнение, что пассажиры того вагона, в котором уезжал и я, безразлично — знакомые и незнакомые, невольно вступили в общую беседу, обмениваясь мнениями по поводу происшедшего крупнейшего для государства события. При этом господствовавшая нота почти у всех была одна и та же: «Что-то будет, что-то будет».

Наружный вид Москвы по приезде на другой день в первопрестольную столицу меня чрезвычайно удивил. После того всеобщего волнения, которого я был свидетелем в Петербурге, Москва поражала своим спокойным видом и, казалось, равнодушием к перемене царствования. В храмах, конечно, шли панихиды по усопшем царе, раздавался, вероятно, и траурный перезвон, но людских скоплений у церквей видно не было, и уличная толпа ничем не выказывала того волнения, которым был охвачен Петербург.

Толпа эта была обычная, деловая, спешившая, каждый по своему делу и ни в чем не выказывавшая озабоченности за будущее. Не увидел я и особенного волнения по поводу смены царствования и в среде московского поместного дворянского общества, уже сильно к тому времени поредевшего, но все еще дававшего тон московской культурной общественности. Невольно припомнил я то, чего был свидетелем в той же Москве за тринадцать лет

перед тем, а именно 2 марта 1881 г., когда было получено известие об убийстве Александра II. Тогда Москва представляла растревоженный улей, где все повседневные заботы сразу куда-то отошли, где мысли всех и каждого, как в гуще населения, так и в общественных кругах, были прикованы к вопросам общенародного значения. Резкая разница между настроениями Петербурга и Москвы в октябрьский день 1894 г. бросалась в глаза всякого сколько-нибудь наблюдательного человека. Бюрократический Петербург, быть может вследствие большей связанности личных интересов многих его жителей с возможными переменами в личном составе правительства, выявлял определенно большую зрелость политической мысли, нежели все больше превращавшаяся в торгово-промышленный центр Москва. Ушедшая в преследование своих личных утилитарных интересов, Москва проявляла явные признаки утраты присущих здоровому национальному организму государственных инстинктов, причем, очевидно, не постигала она и тесной зависимости частных интересов от того или иного общего состояния государства.

Но не один торгово-промышленный слой и связанные с ним элементы населения проявляли равнодушие к вопросам общегосударственного значения.

Замкнутость в каких-то своих особых мыслях и целях проявляли и интеллигентные общественные круги, дававшие тон преобладающим в стране настроениям. Учащаяся молодежь, столь бурно выражавшая свои чувства и мысли в конце 70-х годов, как-то присмирела, в значительной степени отошла от идейных замыслов и как бы погрузилась в мелкие мещанские интересы. Средние общественные круги выдвинули столь художественно изображенные Чеховым серенькие, будничные типы. Словом, наступила какая-то передышка в стремительно проявлявшемся в предшествующий период страстном развитии общественной мысли.

Происходило это, быть может, отчасти и оттого, что потрясенное реформой 19 февраля 1861 г. поместное дворянство уже выделило из своей среды все наиболее увлекающиеся действенные элементы, составлявшие, как известно, основные кадры революционного движения 70-х годов XIX в., а размножившаяся среда разночинцев не успела еще воспитать в себе определенные политические взгляды и довольствовалась удовлетворением своих еще скромных материальных потребностей.

Понятно, что при таких условиях бюрократический Петербург, впитавший в себя большинство культурных сил страны, сильнее откликался на вопросы государственного масштаба, нежели народная Москва. Невзирая на то что, по общему мнению, провозглашаемому именно Москвой, Петербург будто бы оторвался от страны и утратил национальные чувства, он, тем не менее, вследствие большей культурности своего населения, вернее оценивал

значение смены личности верховного правителя, нежели Москва, погрязшая в своих личных повседневных интересах и к тому же охваченная в ее верхах жаждой к наживе.

В результате Петербург, отражавший в качестве управительного центра настроения правительственных кругов, а Москва — господствовавшие в стране течения общественной мысли, произвели на меня в октябрьские дни 1894 г. впечатление двух различных сил, друг другу если не враждебных, то, во всяком случае, чуждых и мыслящих далеко не одинаково.

Невольно напрашивался вопрос, что породило эту отчужденность, правда, в известной мере с давних пор проявлявшуюся между двумя столицами, но в направлении, казалось, как раз обратном. Бывало, Москва проявляла большую чуткость к глубоким национальным интересам, Петербург же, наоборот, более формальное к ним отношение.

Казалось, что тринадцать лет в полном смысле этого слова благополучного царствования Александра III, несомненно внесшие успокоение в страну, должны были способствовать сближению бюрократической мысли с мыслью общественной, а на деле произошло как раз обратное.

Чем же это объяснить? Отрицать крупные результаты, достигнутые в области упрочения внутренней мощи и внешнего значения России за время царствования Александра III, нет возможности. Достаточно бросить самый беглый взгляд на положение страны в начале и к концу этого царствования, чтобы в этом убедиться. Вступив 2 марта на окровавленный убийством царя-освободителя русский престол, Александр III застал об ширную империю в состоянии почти хаотическом. Действительно, в государственной политике последних лет царствования Александра II не было ни последовательности, ни стойкости. Постоянная перемена политического курса то в направлении либеральности, то реакционности, то в сосредоточении всех усилий правительства к борьбе с так называемой «крамолой», то в стремлении прельстить общественность мерами, направленными к введению более или менее правового строя, лишала власть должного обаяния. Постоянные террористические акты против лиц, стоящих у власти, поддерживали в стране состояние хронического внутреннего брожения.

В тяжелом положении находилось как государственное, так и народное хозяйство. Государственные бюджеты заключались ежегодными все возрастающими дефицитами. Наряду с этим происходило обесценение бумажных денежных знаков, отражавшее нашу экономическую зависимость от государств Западной Европы.

Недоимки в поступлении окладных сборов, а в особенности выкупных платежей увеличивались из года в год, явно свидетельствуя о понижении народного, и в частности крестьянского, благосостояния¹.

Блестящая по одержанным военным успехам Русско-турецкая война закончилась чрезвычайно невыгодным для нас Берлинским трактатом², больно уязвившим национальное самолюбие и обнаружившим наше бессилие перед угрозами объединившихся против нас Англии и Германии.

За тринадцать лет царствования Александра III положение это радикально изменилось.

Царствование это представило разительный пример того огромного значения, которое представляет для государства определенная, не подверженная никаким уклонениям политическая линия. Именно этими свойствами отличалась политика Александра III, и только благодаря им, невзирая на то что она не соответствовала многим вожделениям передовых кругов общественности, она тем не менее не вызывала ни резких протестов, ни открытых выступлений. Та внешняя мощь, которой дышала богатырская фигура Александра III, соответствовала силе и твердости его характера и воли. Борьба с этой волей — передовая общественность это инстинктивно чувствовала — было столь же бесполезно, сколь небезопасно. Под главенством твердой, свыше направляющей воли такими же свойствами твердости и последовательности обладали и поставленные во главе различных отраслей управления отдельные лица, что обеспечивало всему государственному аппарату равномерный и согласованный в его отдельных частях спокойный ход.

Содействовало этому в высшей степени и чрезвычайно редкая в течение всего царствования смена руководителей как внешней, так и внутренней политики. Министром иностранных дел состояло одно и то же лицо — Н.К. Гире. Министров внутренних дел после увольнения унаследованного от прошлого царствования гр. Н.П. Игнатьева было всего лишь два, Д.А. Толстой и И.Н. Дурново, причем второй заменил первого лишь вследствие его кончины. Редки были и смены руководителей других отраслей управления. Так, военным министром состояло в течение всего царствования то же самое лицо — П.С. Ванновский.

В результате в стране господствовал ненарушимый земский мир, под покровом которого Россия медленно, но зато без резких скачков, неминуемо нарушающих нормальное течение народной жизни, экономически крепла и развивалась.

Искренно миролюбивая внешняя политика Александра III, чуждая всяких фантастических планов и достижений, но преисполненная достоинства и стойко отстаивающая основные государственные интересы, дала в равной степени блестящие результаты.

Престиж России и ее державного повелителя достигли к концу царствования давно не бывалых пределов. Можно без преувеличения сказать, что к началу

90-х годов прошлого века Александр III был общепризнанным суперарбитром Европы. К редко, но веско высказываемым им мнениям прислушивались все государства мира.

Зависело это преимущественно от того, что ни с какими отдельными государствами Россия в союзе не состояла. Памятный тост Александра III «За моего единственного друга князя Черногорского», владения которого не превышали размером территории русского уезда, одновременно подчеркивал как мощь России, не нуждающейся ни в чьей посторонней помощи, так и полную свободу действий в случае возникновения какого-либо конфликта между западноевропейскими государствами.

Неизвестность, на какую чашу весов будет брошен русский меч, останавливала отдельные государства от обострения их взаимных отношений, чем и поддерживала общеевропейский мир.

Внешняя политика Александра III дала России не достигавшуюся ею дотоле роскошь того великолепного одиночества, той «splendid isolation», которую до тех пор могла позволить себе только Англия, благоприятель-ствуемая в этом отношении ее островным положением.

Да, все это было так. Внутренняя и внешняя мощь России были, по-видимому, неуязвимы, но правы были и те лица, которые характеризовали внутреннее спокойствие страны и господствовавший в ней земский мир как тот Римский мир (Pax Romana), о котором Тацит говорил «Solitudinem faciunt et pacem appellant»*.

* Точно: «Устанавливают пустыню и называют это миром», а по существу: «Водворяют молчание и признают это умиротворением». Общественная мысль была определенно сдавлена, как политическими, так и цензурными тисками. В результате государственные инстинкты у интеллигентных масс были притуплены, а устремления ее направлены исключительно к личному благу, что и порождало то равнодушие к вопросам государственным, которое выказала в момент кончины Александра III Москва. Отстраненная от всякого даже идейного участия в строительстве государства интеллигенция, а за ней и народные массы естественно утратили интерес ко всему, что выходило из рамок их непосредственных личных интересов.

Не так, разумеется, относились к этим вопросам отдельные лица, как по своим личным свойствам, так и по присущему им умственному горизонту не перестававшие духовно жить и загораться обширными политическими и социальными проблемами. Они накапливали неудовольствие и даже гнев на существующий политический строй и ждали лишь возможности вырваться из сдавливающей общественность гнета, дабы превратиться в духовных

вождей интеллигентных масс и провозгласить народное право на непосредственное участие в государственном строительстве.

Замена на русском престоле Александра III, успевшего выработать за время продолжительного состояния в положении наследника престола, а затем и царствующего императора определенные политические взгляды, неопытным юношей, не имевшим до тех пор никакого касательства к государственной политике, была тотчас учтена упомянутыми лицами.

Не успело еще тело Александра III быть предано вечному покою, как пресса определенного направления поспешила выявить отрицательные стороны политики Александра III. Застрельщиками явились толстые ежемесячные журналы, как «Вестник Европы» и даже умеренного направления «Исторический вестник»⁶. С достаточной прозрачностью указали эти органы на необходимость изменения политического курса в более либеральном направлении.

По тому же пути решили пойти и некоторые общественные учреждения, причем особенно проявило себя тверское губернское земское собрание.

Руководимое духовными отцами будущего кадетизма И.И. Петрункевичем, Ф.И. Родичевым и И.А. Корсаковым собрание это в представленном ими молодому государю всеподданнейшем адресе, не обинуясь, высказалось за необходимость введения в стране правового строя, ^{alias} конституции.

Что мог ответить на это молодой государь?

Совершенно не разбирающийся в тем более неведомых ему государственных вопросах, что прирожденной склонности к ним он не ощущал, находящийся в то время под влиянием своей матушки, вдовствующей императрицы, естественно преклонявшейся перед политической мудростью ее покойного супруга, Николай II не мог иметь иного намерения, кроме как послушно следовать по стопам своего родителя. Это он и высказал в первом изданном им манифесте.

Но политика Александра III была естественным последствием всего его умственного и духовного склада, которым вполне поэтому соответствовала.

Следовать этой политике, не обладая теми внутренними свойствами, на коих она покоилась, была задача неосуществимая, говоря точнее, это была попытка с негодными средствами. Последнее тотчас сказалось на практике. Действительно, едва ли не главной причиной внутренних смут, омрачивших царствование Николая II и приведших в конечном счете к крушению государства, было именно стремление царя осуществить такой способ правления, который не соответствовал мощи его духовных сил. Иначе говоря, быть самодержцем, не обладая необходимыми для этого свойствами.

Сказалось это почти с первых месяцев царствования, и прежде всего в речи Николая II, обращенной им к представлявшимся ему по поводу его воцарения многочисленным земским, городским и сословным общественным организациям.

Включенные в эту речь, именно по поводу упомянутого мною адреса тверского губернского земского собрания, слова «бессмысленные мечтания» были до чрезвычайности неудачны. Получив широкое распространение, они тотчас стали предметом столь же злобной, сколь насмешливой критики. Они действительно неопровержимо свидетельствовали как о наивности политического горизонта, так и об отсутствии политического такта у молодого руководителя судьбами России.

Менее резкое, теоретически мотивированное возражение или даже отповедь произвели бы, несомненно, большее впечатление. Явно детская формулировка отношения к государственному порядку, признанному всеми культурными странами, выявляла несерьезность его, а следовательно, и возможность бороться с ним.

Таким образом, с самого начала царствования выявилась неизбежность конфликта между теми двумя силами — правительством и общественностью, — под знаком взаимной борьбы которых прошла большая часть царствования Николая II.

Борьба эта возгорелась, однако, не сразу. Подобно тому как взбаламученное море житейское", даже по миновании причины, вызвавшей его бурное состояние, не сразу может успокоиться, так и застывшие народные массы не сразу утрачивают свою бездейственность и не в одночасье переходят в возбужденное состояние. Именно вследствие этого первые годы царствования в отношении государственного управления и внутреннего настроения не многим отличались от предшествующего периода.

По инерции состояние страны, в особенности по внешнему виду, в политическом отношении оставалось прежним, а первым вестником нарождающегося резкого его изменения явилось молодое поколение в лице учащихся в высших учебных заведениях, не испытывавшее духовного гнета времени царствования Александра III.

Независимо от этого государственная политика первых лет царствования Николая II вскорости обнаружила, что «следование стопам» Александра III, оставаясь внутренним желанием молодого царя, на деле совершенно не осуществлялось.

Внутренняя политика Александра III сводилась, по существу, к укреплению существующего строя путем упрочения положения помещичьего дворянства, экономической поддержки крестьянства, возвеличения значения церкви и

воспитания народа в духе православной веры. В отношении населенных инородцами окраин политика Александра III состояла в стойком и последовательном проведении в них русских государственных начал. В соответствии с этим были учреждены Дворянский и Крестьянский земельные банки¹², образован институт земских начальников¹³, построенный в известной степени на принципе патримониальной власти, пересмотрены положения о земском и городском самоуправлении в сторону усиления цензовых элементов, учреждены во множестве церковно-приходские школы¹⁴, усилено церковное строительство.

Во всех этих областях политика Николая II претерпела существенные изменения, а главное — выявила отсутствие планомерности и стойкости.

По отношению к окраинам это выявилось почти тотчас после воцарения в увольнении, под влиянием императрицы Марии Феодоровны, главного начальника Привислянского края И.В. Гурко, твердого проводника взглядов Александра III. Во внутренней политике выразилось оно во всемерной поддержке торговли и промышленности и в прекращении мер, направленных к упрочению служилого сословия. Личное отношение Николая II к этому сословию оставалось как будто прежнее, но правительственная политика по отношению к нему изменилась радикально.

Последовали изменения и в области политики международной. Оставаясь, на первый взгляд, и по внешности прежней, она в существе приняла совершенно иной характер. Дружба с Францией при Александре III была лишь диверсией и ответом на навязанный нам Германией Берлинский трактат, а отнюдь не провозглашением неприязни к ней. Демонстративно торжественное посещение Николаем II Парижа был прямой вызов, брошенный в лицо Германии. Почти одновременное превращение наших дружественных отношений с Францией в твердый союз наложило на нас, с одной стороны, огромные обязательства, а с другой — окончательно нарушило вековую традиционную дружбу Романовых и Гогенцоллернов. То и другое лишило нас той свободы действий, которой так справедливо дорожил Александр III.

Таким образом, от «следования по стопам» ничего не осталось. Стопы эти понемногу ступевались, а главное, следовать по ним было не по силам преемнику Александра III.

Но почему это произошло? Ответ может быть лишь один. Самодержавие в руках Николая II, как единоличное и самостоятельное разрешение основных государственных вопросов, перестало существовать. Его фактически заменила олигархия правительственного синклита, состоящего из сменяющихся, никакими общими политическими взглядами не сплоченных, а посему между собою постоянно борющихся глав отдельных отраслей правления. Среди этих глав, носящих звание министров, то в большей, то в

меньшей степени брали верх то одни, то другие, могущие, однако, осуществить свое временное всемогущество лишь в пределах непосредственно подчиненного им ведомства.

Центром политической жизни, по крайней мере с внешней стороны, сделался Государственный совет. В этом установлении всего яснее выявлялись господствовавшие в данное время течения. Там же всего ярче выступали личные качества и свойства стоящих у власти государственных деятелей.

На фоне деятельности названного учреждения, в виду этого всего, легче дать краткий очерк господствовавшей в России за первый период царствования Николая II внутренней политики, равно как набросать силуэты лиц, призванных за это время к власти.

Глава 2 Дореформенный Государственный совет

Государственный совет, высшее учреждение империи с 150-миллионным населением, рассматривавшее и пропускавшее законы, касавшиеся одной шестой части земной суши, состоял к началу царствования Николая II менее нежели из ста человек. Однако из этих ста лиц, для которых многие области государства были в полном смысле *terra incognita*, фактически в обсуждении законопроектов принимало участие не более сорока: по принятому порядку проекты по существу обсуждались лишь в департаментах Государственного совета, обыкновенно соединенных, в работах которых участвовали лишь члены Совета, в департаменты специально назначенные.

Департаментов было три — законов, государственной экономики и духовных и гражданских дел; в 1899 году образован был четвертый, названный Департаментом промышленности, наук и торговли. Помещение в этом названии наук между промышленностью и торговлей характеризовало настроение тех лет, когда развитие русской промышленности, под могучим натиском С. Ю. Витте, признавалось очередной и важнейшей задачей государства, а науки, т.е. народное образование, чем-то второстепенным.

Члены Совета, в департаменты не назначенные, заседали лишь в Общем собрании Совета, которое по установившемуся распорядку фактически проектов не обсуждало, а лишь рассматривало те вопросы, по которым в департаментах произошло разногласие. Последнее происходило сравнительно редко, а касались разногласия, за ничтожными исключениями, лишь каких-либо принципиальных вопросов, причем происходили они не столько между членами Совета, сколько между главами отдельных ведомств, имевшими голос в Совете *ex officio*: между препиравшимися министрами делились голоса членов Совета. Однако и среди членов Совета, состоявших в департаментах, деятельное участие в прениях принимали не все.

Объяснялось это способом пополнения Государственного совета. Членами его назначались отставленные министры, генерал-губернаторы, послы, т.е. люди весьма пожилые и в большинстве для работы уже мало пригодные. Собственно для работы в Совете назначались в некотором количестве сенаторы, из наиболее выдающихся, однако и они не отличались молодостью, а со временем, так как звание члена Совета было пожизненным, переходили в разряд членов Общего собрания, т.е. увеличивали почти бесполезный балласт этого учреждения.

При прежних царствованиях постоянное пополнение Государственного совета производилось со строгим разбором. Проникнуть в Государственный совет по протекции было настолько невозможно, что и попытки к этому не производились. После воцарения Николая II понемногу наряду с лицами, имевшими по своему прошлому или по личным качествам неоспоримое право войти в состав высшего государственного учреждения, стали проникать и лица, заручившиеся благоволением влиятельных придворных сфер.

Заседания Совета отличались особой чинностью и даже торжественностью, в особенности общие его собрания, чему немало способствовала внешняя обстановка роскошного, художественно отделанного Мариинского дворца. Общие собрания происходили в изображенном на известной картине Репина круглом с верхним светом зале, окруженном колоннами, поддерживающими хоры. Устланный темно-красным ковром, уставленный двумя круглыми концентрическими столами, покрытыми бархатными, под цвет ковра, скатертями и покойными обширными креслами, увешанный по окружности в просветах колонн портретами царствовавших за время существования Совета императоров, зал этот, в особенности при вечернем освещении, носил печать не только торжественности, но даже некоторой таинственности. Тут, казалось, было место заседаний какой-либо масонской ложи или совета дожей, скрытого от глаз непосвященных. Не нарушал этого впечатления и состав заседавших. Седые либо лысые, испещренные морщинами, нередко сгорбленные, но при этом все облеченные в мундиры и украшенные орденами, почтенные старцы производили по первому разу впечатление не то исторической живой картины, не то декорации. Некоторой театральностью было обставлено и вступление новых членов в Государственный совет, причем принятый порядок сохранился и после включения в состав Совета членов по выборам. При первом же появлении в Общем собрании Государственного совета нового члена председатель приветствовал его вступление, на что новый член вставал и кланялся как председателю, так и членам, оборачиваясь для сего во все стороны, а вслед за этим вставали все члены Совета и кланялись вновь вступившему в их среду. Кроме того, каждый новый член Совета подписывал специальную присягу, остававшуюся неизменной со времени образования Совета, в особой, переплетенной в зеленой замше книге. Книга эта представляла своего рода

уник, так как заключала все подписи всех членов Государственного совета, когда-либо входивших в его состав, в том числе и трех императоров — Александра II, Александра III и Николая II, — бывших членами Совета до их воцарения. Где-то теперь эта историческая реликвия?

Самые заседания, происходившие под председательством великого князя Михаила Николаевича, а в его отсутствие — старшего из председателей департаментов (в описываемое время таковым был Д. М. Сольский), начинались с прочтения государственным секретарем, в описываемое время — В. К. Плеве, высочайших указов, относившихся до Совета, и сообщения о тех принятых Советом законопроектах, которые получили высочайшее утверждение с указанием, в случае происшедших в Совете разногласий, с каким мнением согласился государь. Затем кем-либо из чинов Государственной канцелярии читались законопроекты, принятые департаментами. Обязанность эту, благодаря его прекрасному голосу, четкому и вместе с тем быстрому, что особенно ценилось, чтению, обыкновенно исполнял помощник статс-секретаря Н.Ф. Дерюжинский (бывший впоследствии при обновленном Государственном совете товарищем государственного секретаря). Прения, как сказано, не происходило. Если по поводу единогласно принятого департаментами проекта кто-либо из членов Общего собрания желал высказать какие-нибудь возражения, то он должен был, по принятому обычаю, заранее об этом заявить председателю; происходило это очень редко и обыкновенно имело последствием юз-вращение проекта в департаменты для нового его обсуждения, при участии возражавшего члена, в той части, которая встретила его возражение; самостоятельного изменения Общим собранием проекта, единогласно принятого департаментами, никогда не производилось.

Обсуждение вопросов, вызвавших разногласие в департаментах, сводилось к нескольким речам, произносимым представителем ведомства, внесшего законопроект, и тех ведомств, которые против него возражали, а равно представителями двух сложившихся мнений из среды членов Совета. Говорили обыкновенно те же самые наиболее речистые лица, причем стремились блеснуть красноречием; речи их после заседания обыкновенно горячо обсуждались членами Государственного совета и вызывали комплименты по адресу ораторов. После выслушания речей приступали к голосованию, происходившему посредством отобрания голосов чинами Государственной канцелярии, обходившими заседавших членов. Разногласие обыкновенно ставилось так: «Вы, ваше высокопревосходительство, с министром таким-то или против?» Такая постановка облегчала голосование, так как некоторые члены не имели решительно никакого мнения, проекта не читали, а если бы прочли, то едва ли бы за старческой дряхлостью поняли. К последним принадлежали и лица, некогда представлявшие выдающихся государственных деятелей, но окончательно утратившие свежесть ума и работоспособность, как, например, бывший министр юстиции Набоков и

герой Плевны генерал Ганецкий. Не обходилось при этом и без курьезов; так, один из членов Совета, генерал Стюрлер, карьера которого проходила на каких-то придворных должностях, заявил однажды, что он с большинством и на почтительное замечание отбиравшего голоса чиновника, что большинства еще нет, что оно выяснится лишь после голосования, не без досады ответил: «Я вам говорю, что я с большинством» — и с этого положения так и не сошел.

При очерченном порядке заседания Общего собрания, происходившие раз в неделю, естественно, продолжались недолго, обыкновенно около часа. Исключение составлял май месяц, последний ежегодной сессии Совета, когда в Общее собрание стекались из департаментов все принятые ими в течение зимы сложные и обширные проекты; число их на повестке доходило в это время до ста. В зимние месяцы их было от 12 до 15. Большой живостью и несомненной деловитостью отличались заседания департаментов. Происходили они четыре раза в неделю, начинались в час дня и с перерывом на полчаса продолжались обыкновенно до 6 часов, что было принято за предельный срок. Внешний порядок и здесь соблюдался образцовый; заседали в вице-мундирах, курить не разрешалось, колкости и личные нападки отнюдь не допускались, а горячие прения являлись редким исключением. Чинопочитание было строжайшее: лица, не состоявшие членами Совета, кроме заменявших министров товарищей их, имевших в таком случае право голоса, за стол заседания не допускались, причем даже государственный секретарь и статс-секретарь (заведующий делопроизводством того департамента, по которому проходило дело) сидели за особым маленьким столом, лишь приставленным к столу, занятому членами Совета. Лица, приглашавшиеся «для представления объяснений», сажались за особый стол рядом с тем чиновником канцелярии, которому было поручено составление журнала по рассматриваемому проекту. Приглашались для объяснений почти исключительно директора департаментов ведомства, представившего законопроект. Исключение из этого правила, на моей памяти, делалось лишь для петербургского градоначальника, который приглашался, когда дело касалось города Петербурга или, вернее, штатов его полиции. Дважды приглашенный генерал Клейгельс был каждый раз усажен за стол заседания, причем отнеслись к нему с особым вниманием. Зато приглашенный для объяснений (в качестве управляющего Главной палатой мер и весов) профессор Д.И. Менделеев — эта мировая известность — не только был посажен за *Katzentisch*, но даже резко осажен одним из членов Совета за то, что захотел, не будучи к тому приглашен председателем, высказаться по поводу одной из статей разработанного им и обсуждавшегося проекта нового положения о мерах и весах; по установленному порядку «приглашенные для объяснений» могли давать их, лишь будучи спрошены кем-либо из членов Совета; благодаря этому присутствие их было обыкновенно бесполезно, ибо их почти никогда ни о чем не спрашивали. Вопросы обращались к министру, представившему

проект, или заменявшему его товарищу министра, а те считали неудобным выказать хотя бы малейшее незнание со всеми подробностями рассматривавшегося вопроса, хотя фактически знать их часто безусловно не могли. Объяснения их в таких случаях, бывало, не соответствовали тем мотивам, которые легли в основу обсуждаемого правила, что подчас и вызывало нетерпеливое и досадливое ерзание по стулу близко ознакомленного с делом, приглашенного для объяснений лица; случалось при этом, что лицо это вставало, подходило к своему шефу и что-то шептало ему на ухо, но тот обыкновенно лишь нетерпеливо от него отмахивался. Общественные деятели для объяснений никогда не приглашались. Исключение, если не ошибаюсь, впервые (причем оно осталось единичным) было сделано в 1900 году при рассмотрении положения о портовых сборах; были вызваны представители городских управлений главных портовых городов. Приглашение это вызвало немало толков и обсуждалось как явление чрезвычайное. Конечно, и этим представителям не было дано права участвовать в обсуждении проекта, существенно затрагивавшего интересы портовых городов: по проекту, что и было затем осуществлено, портовые сборы, до тех пор взимавшиеся в пользу городов, поступали в ресурсы казны с целью образования особого фонда, за счет которого наши приморские порты должны были оборудоваться в мере действительной надобности каждого из них без соображения с суммой полученных в нем портовых сборов. Представители городских общественных управлений были введены в зал заседаний в начале разбора дела и усажены за стол, стоявший в глубине залы; каждому из них было предложено высказать свои соображения. По выслушании их объяснений, сводившихся к тому, что портовые сборы и распоряжение ими надо сохранить за городами, городским деятелям было предложено удалиться, и самое обсуждение проекта произошло после их ухода. Надо, однако, признать, что объяснения общественных деятелей не заключали каких-либо новых данных и вообще были малоубедительны, за исключением доводов представителей прибалтийских портов — Ревеля, Риги и Либавы, свободно и горячо защищавших доверенные им интересы. Члены Совета — прибалтийцы не замедлили в кулуарных беседах подчеркнуть это обстоятельство, а товарищ государственного секретаря барон Иксуль-фон-Гильденбандт даже заявил: «Вот вам продукт высшей культуры, не то что ваше Русское Собрание». Только что тогда образовавшееся Русское Собрание — правая организация с ярко национальной окраской — было бельмом на глазу у прибалтийцев, конечно, не по его правизне, а по его национальным, скажем обрусительным стремлениям.

При всей внешней мертвенности старого Государственного совета роль этого учреждения не была тем не менее ничтожна, но сводилась она преимущественно к весьма добросовестному рассмотрению деталей обсуждавшихся законоположений, причем в этих деталях, поскольку они касались политики, большинство Совета неизменно стояло на устранении произвола администрации, на введении большей законности, на ограждении

прав частных лиц от их нарушения по личному усмотрению власти. Конечно, весьма относительно, но Государственный совет в общем был неизменно более либерален, чем состав высшей правительственной власти.

Как всякое собрание людей, не стоящих непосредственно у власти, лично ею не пользующихся и притом не несущих никакой ответственности ими за свои решения, имевшие к тому же юридически лишь значение советов, Государственный совет готов был идти на большие уступки общественному мнению, нежели лица непосредственно правящие. Конечно, среди членов Совета были и реакционеры, но таких было меньшинство. Значительно больше было индифферентов, применявших свои мнения к настроению верхов и больше всего опасавшихся оказаться не с тем мнением, с которым согласится верховная власть. Случалось, однако, что Государственный совет играл роль тормоза, а именно при попытках какого-либо министра провести какую-нибудь решительную, смелую меру. Зависело это от той оппозиции, которую почти неизменно оказывали члены Совета — бывшие министры — по отношению к мероприятиям их преемников, в особенности благодаря возрасту членов Совета, естественно склонявшему их к осторожности и медлительной во всех областях постепенности.

Влияние возраста сказывалось иногда и иным путем: часть членов департаментов, в особенности же председатели их, от которых зависело назначение к слушанию того или иного проекта, избегали вообще рассмотрения сложных дел, изучение которых было связано с немалым трудом; случалось, что такие проекты возвращались под каким-либо предлогом представившему их ведомству. Так было с весьма сложным, потребовавшим долголетней разработки, проектом о принятии и оставлении русского подданства; он был возвращен Министерству внутренних дел исключительно вследствие того, что бывший в то время (в 1898 г.) председателем Департамента законов Островский по крайне болезненному состоянию не был в силах его одолеть. Предлогом послужило возникшее тогда предположение об изменении порядка издания законов, затрагивающих интересы Финляндии.

Значительно ослабляло значение Совета отсутствие у него права законодательной инициативы, т.е. самостоятельной разработки какой-либо законодательной меры. Право это, как известно, используется крайне редко представительными учреждениями Запада, и тем не менее важность его неоспорима, а именно как сила потенциальная: оно заставляет правительство исполнять возложенные на него законодательными учреждениями поручения. Такие поручения мог давать и Государственный совет, и правом этим он пользовался широко, но на практике, за отсутствием у Совета каких-либо способов принуждения, оно сводилось к нулю: ведомства в огромном большинстве случаев не обращали на них никакого внимания, и я даже не

припомню ни единого проекта, внесенного в Государственный совет в исполнение данного им поручения.

Конечно, поручения касались лишь второстепенных вопросов и собственно техники управления. Широких политических вопросов Государственный совет в своих поручениях ведомствам не касался, да фактически и не мог касаться: всякие попытки его в этом направлении были бы, несомненно, быстро осажены. Такой случай, впрочем, и был. При рассмотрении какого-то законопроекта выяснилось, что буряты освобождены от телесных наказаний, а живущее среди них русское население по решениям волостных судов подвергается этим наказаниям. Усмотрев в этом вопиющее неравенство между народом-властелином и ничтожным иноплеменником, Государственный совет высказал пожелание об общей отмене телесных наказаний. Пожелание это, первоначально внесенное в резолютивную часть журнала департаментов, было затем помещено лишь в изложение мотивов, высказанных в Общем собрании Совета. Произошло это по настоянию опытных членов Государственного совета, высказавших в кулуарных беседах опасение, что подобное проявление инициативы членами Государственного совета вызовет неудовольствие государя, имеющего будто бы в виду отменить этот вид наказания особым манифестом после рождения наследника престола. Члены эти оказались совершенно правы. Даже в той невинной форме, в какой Государственный совет решился выразить по этому предмету пожелание, оно вызвало резкую резолюцию Николая II, а именно: «Это будет тогда, когда я этого захочу». Само собою разумеется, что резолюция эта вызвала среди членов Государственного совета разное к ней отношение. Пугливые члены испугались, а смелые высказали не скрытое негодование. Этим обстоятельством тотчас воспользовался министр внутренних дел Д. С. Сипягин, постоянно встречавший со стороны большинства Государственного совета сопротивление внесенным им определенно реакционным законодательным предположениям, для того, чтобы представить государю Государственный совет как учреждение чуть что не крамольное и, во всяком случае, стремящееся провести свои взгляды, не считаясь вовсе с волей монарха. Инсинуация эта, к тому же совершенно неверная, имела последствием, что у Николая II появилось недружелюбное чувство к учреждению, состав коего им же назначается.

Существовала, однако, область, в которой роль Государственного совета была весьма значительной, а именно изыскание компромиссных решений по вопросам, вызвавшим разногласие между отдельными ведомствами. Действительно, в сущности Государственный совет был не чем иным, как примирительной камерой находящихся в постоянных между собой неладах министров и даже ведомств, взятых в совокупности. Решающую роль в этих неладах Государственный совет имел в особенности при рассмотрении сметы государственных расходов и доходов. Все ведомства, естественно, стремились ежегодно увеличивать отпускавшиеся в их распоряжение

средства, а Министерство финансов, назначая при составлении сметы почти самовластной рукой в свое распоряжение изрядные суммы, неизменно возражало против увеличения сметных ассигнований, даже на первостепенные государственные надобности по другим ведомствам; имело оно при этом обыкновенно союзником Государственный контроль. В разрешении возникавших на этой почве разногласий Государственный совет имел, так сказать, последнее слово, так как против решения большинства его членов Министерство финансов не решалось идти.

Разногласий в Совете стремились избежать не только члены Совета, но едва ли не в большей мере, по крайней мере по вопросам сколько-нибудь второстепенным, и начальники ведомств, не желая доводить их разрешения до верховной власти, тем более что по таким вопросам государь неизменно утверждал мнение большинства членов Совета. Впрочем, тут играла огромную роль личность того или иного министра, степень его влияния, прочность на занимаемой должности и, увы, тех благ земных, которыми он мог располагать. На практике в этом отношении министры в конце прошлого века, да, вероятно, и ранее, делились на две категории: на тех, которые импонировали Совету и относились к нему полупокровительственно, и на тех, которые заискивали перед Советом, ища в нем опоры в своей борьбе с другими ведомствами.

Вообще в Государственном совете с необычайной яркостью и выпуклостью обнаруживались все особенности нашего государственного строя, напрасно именовавшегося самодержавным. В разрозненности министров, в их постоянных пререканиях, лишь редко проистекавших из-за личных счетов и видов, а основанных на различном понимании ими ближайших государственных задач, некоторые усматривали смягчение единоличного начала правления страной. Не раз приходилось слышать: «В этом состоит наша русская конституция». Но это, по крайней мере, за последнее время, безусловно неверно; фактически имелась кучка сменявшихся в пределах управления отдельными отраслями народной жизни олигархов и отсутствие единой, направляющей к заранее намеченной и ясно сознанной цели государственной власти. Олигархи эти в полном смысле слова расхищали государственную власть, превращая ее в нуль, так как и сами не могли себе присвоить хотя бы той части ее, которая относилась до дел, ими ведаемых.

Государственная власть как таковая перестала действовать и даже чувствоваться. Происходила произвольная, часто совершенно непредвидимая смена министров; существовал административный произвол над отдельными личностями, действовала сложная система тормозов и препон в отношении проявления личной инициативы и энергии в любой области, но власти творческой, направляющей народную жизнь и созидающей благосостояние страны и ее населения, не было. В сущности, государственный аппарат положительного влияния на народную жизнь не имел. Жизнь эта развивалась

сама по себе, понемногу с трудом разбивая те путы, которыми она была связана, развивалась, следовательно, не только помимо, но отчасти вопреки государственной власти, влияние которой если и сказывалось, то по преимуществу отрицательное, т.е. в качестве силы, задерживающей и тем самым озлобляющей здоровые творческие элементы страны.

Таков был общий порядок, общий ход вещей. Случалось, однако, что он прерывался, а именно при появлении у власти какого-либо министра, имеющего определенные творческие замыслы и обладавшего достаточной силой воли и влиянием, дабы сломить оппозицию своих инакомыслящих коллег. Таким министром был несомненно и прежде всего Витте, наложивший печать своего творчества на целый период царствования Николая II; таким же был и В.К. Плеве, не оставивший заметных следов своего пребывания у власти благодаря кратковременности его управления Министерством внутренних дел и несравненно меньшей стремительности своего характера. Однако, как ни сильно было влияние подобных личностей, оно все же не могло распространиться на все отрасли народной жизни, что порождало уродливо одностороннее развитие одних ее сторон при застое всех остальных.

Одним застоєм, впрочем, здесь не все ограничивалось. Происходила, кроме того, расслоенность государственной политики. Если слабые товарищи могущественного сановника данного времени не могли провести никаких существенных преобразований, не могли воплотить в действие своих замыслов и предположений, то и сатрап момента не был в силах заставить своих коллег согласовать повседневную их политику с своими начинаниями и взглядами. Следствием этого было то, что благие и, во всяком случае, энергичные мероприятия, исходящие от лица, не только обладавшего властью, но и деятельно ею пользовавшегося, в значительной мере лишались своей действительной силы за отсутствием той общей обстановки, той атмосферы, которая бы им благоприятствовала.

Приведу для иллюстрации один из наиболее ярких примеров внутреннего противоречия между правительственными мерами, применявшимися в той же области, а именно в вопросе о взаимоотношениях между представителями труда и капитала в нашей промышленности. В ведении Министерства финансов состояла фабричная инспекция. При ее помощи ведомство это стремилось не только оградить рабочих от чрезмерной их эксплуатации работодателями, но, по возможности, сгладить вообще трения между трудом и капиталом, служа между ними примирительным по средником. Но наряду с фабричной инспекцией действовал административно-полицейский надзор, который такому примирению нередко препятствовал, причем не прочь был принимать крутые меры по отношению к рабочим при возникавших забастовках не только без ходатайства о том промышленников, но даже вопреки их ясно выраженному желанию предоставить им самим мирно

сговориться с рабочими. Так продолжалось до пресловутой зубатовщины; да не прекратилось это и при ней, приняв лишь иной характер.

А наша цензура, разбросанная до известной степени по всем ведомствам, причем одни ведомства сами печатали за счет казны то, что другое — Министерство внутренних дел по Главному управлению печати — воспрещало.

Бессилие отдельных министров в деле разрешения всех вопросов, сколько-нибудь соприкасавшихся с кругом дел, подведомственных другому министерству, породило у нас в последнее царствование довольно любопытное явление, а именно стремление министров, имевших в данную минуту наибольшее влияние, включить в свое министерство все дела, сколько-нибудь соприкасавшиеся с вопросом, непосредственно подлежащим его ведению. Так, Витте настолько расширил круг дел, подлежащих ведению Министерства финансов, что фактически свел почти к нулю роль министерств путей сообщения и земледелия. К тому же, несомненно, стремился и Сипягин, причем свою задачу он поставил еще шире, а именно превратить то ведомство, в котором он в данное время управлял — сначала канцелярию прошений, а потом Министерство внутренних дел, в главенствующее над остальными ведомствами и их как бы контролирующее. Наконец, того же, несомненно, добивался и Плеве, но несколько иным путем и в более скромных пределах. Так, он мечтал о включении в Министерство внутренних дел, с одной стороны, государственных поземельных банков, Дворянского и Крестьянского, а с другой, всей фабричной инспекции и в этих видах проектировал учреждение в составе управляемого им министерства главных управлений по сельским делам и труда.

Впрочем, и в самих министерствах различные их отделы не всего действовали согласно. Так, известен случай, когда найденная при полицейском обыске рукопись послужила ближайшим поводом к ссылке ее автора в Сибирь, а самая рукопись была несколько месяцев спустя целиком напечатана в журнале за подписью ее автора²³, причем журнал не подвергся за это никаким цензурным карам*.

** Случай этот произошел еще в начале 80-х годов прошлого века с писателем Бородиным; статья, за которую до ее напечатания он был сослан в Якутск, касалась экономического положения населения Вятской губернии, а напечатана она была, уже после его ссылки, в «Отечественных записках».*

Наконец, противоречивые меры принимали суд и администрация. Припоминаю случай, происшедший в 1897 году, когда тверское губернское присутствие сделало замечание двум земским начальникам за то, что они в составе уездного съезда отложили разбирательство какого-то дела, а

тверской окружной суд признал это решение правильным и одобрил действия председательствовавшего на съезде уездного члена окружного суда. Таким образом, члены той же коллегии за совместно и единогласно принятое ими решение одновременно заслужили одни одобрение, а другие — порицание от тех высших правительственных органов, которым они были подчинены.

Глава 3 Министр финансов Сергей Юлиевич Витте

Государственный совет, как я уже сказал, в области влияния его на государственную политику был в особенности и прежде всего примирительной камерой между спорящими, а подчас и враждующими между собой министрами. Понятно, что при таких условиях в Государственном совете выявлялись всего ярче как общая политика, так и личные свойства отдельных министров, поскольку они вообще имели отношение к общей государственной политике.

Среди таких министров, конечно, на первом плане выступает фигура С. Ю. Витте. Зависело это, однако, не только от объема той власти и того влияния, которыми обладал Витте. Играла здесь роль и его несомненно выдающаяся личность, благодаря чему влияние его на заключения Государственного совета сохранилось в значительной мере, даже когда его положение стало в достаточной степени шатким.

В чинном распорядке Государственного совета Витте, несомненно, представлял некоторый диссонанс. Его огромная, несколько нескладная фигура с не в меру длинными даже для его роста руками, его лишенное особой выразительности обыденное, некрасивое лицо, его простая, чуждая всяких трафаретных оборотов, слегка грубоватая, скажу даже не совсем культурная речь с весьма заметным южным — одесским — акцентом, его полное пренебрежение ко всяким традициям «высокого собрания» производили сначала несколько странное и не вполне выгодное впечатление. Оратором его отнюдь нельзя было назвать, речь его не только не блистала цветами красноречия, но даже не отличалась складностью и особой последовательностью, и тем не менее впечатление он производил большое. Витте был, безусловно, психологом, и при всей кажущейся простоте и безыскусственности своей речи хорошо знал, с кем имел дело, и соответственно строил свои соображения. Не чужда была Витте и лесть, иногда даже слишком явная; умел он сразить противника и личными выпадами и вообще нередко прибегал к соображениям *ad hominem*; не останавливался он и перед фактами, подчиняя их своим соображениям и даже свободно их изобретая.

Вообще в основе отношений Витте к людям было глубокое презрение к человечеству. Черта эта не мешала ему быть по природе добрым и отзывчивым человеком. Сказывалось это в особенности в его отношениях к сослуживцам и подчиненным. Постоянно поддерживая своих бывших сотрудников, ни с одним из своих подчиненных он не расстался, не устроив так или иначе его судьбу, даже когда он этого не заслуживал, как, например, известный по громкому скандалу, которым закончилась его служебная карьера, директор железнодорожного департамента Максимов.

В отношении Государственного совета способ действий Витте был тот же, который он широко практиковал в других областях своей деятельности. Всегда хорошо осведомленный о том, какие лица имеют в данной среде или по данному вопросу преобладающее влияние, он направлял именно на них все свое внимание, причем для того, чтобы заручиться их содействием, а в особенности освободиться от их противодействия, прибегал к разнообразным мерам, сводившимся, однако, в сущности к одной — подкупу. Одних он подкупал лестью, других, и, увы, это было большинство, более реальными выгодами. Последнее для Витте было всегда доступно. Кроме большого числа хорошо оплачиваемых должностей — а у всякого есть если не сыновья, то племянники или вообще близкие, которых надо пристроить, — в распоряжении министра финансов имелся государственный кредит. Независимо от Государственного банка, выдававшего не только торговые, но и промышленные ссуды, в ведении Витте были и Дворянский и Крестьянский земельные банки, причем последний мог приобретать земельные имущества почти по любой цене.

Случалось, конечно, что Витте нарывался на резкий отпор со стороны лиц, которых он стремился таким путем привлечь на свою сторону. Так, например, на сделанное им назначенному министром иностранных дел кн. Лобанову предложение об уравнивании получаемого им содержания с жалованьем послов (разница составляла около 30 тысяч рублей в год) он получил в ответ: «Разве вы слышали, что я об этом хлопочу? В таком случае ваша осведомленность плохая». Подобные ответы, вследствие их редкости, не изменяли, однако, обычной тактики Витте, а в результате ему почти неизменно удавалось тем или иным способом обезоружить хотя бы часть своих влиятельных противников. По отношению к остальным образ его действий и даже обращение резко изменялись — он стремился брать их нахрапом и даже терроризировать.

Образчик последнего способа действий Витте в Государственном совете представило дело о дополнительном ассигновании около двух миллионов рублей на создание Петербургского политехнического института. Сооружение и оборудование здания этого института было первоначально исчислено, если не ошибаюсь, в 5 миллионов рублей и уже потребовало чуть не двукратного дополнительного ассигнования. С отпуском нового

двухмиллионного ассигнования стоимость этого здания должна была достигнуть почти десяти миллионов. Государственный контролер П.Л. Лобко находил испрашиваемые суммы чрезмерными и настойчиво возражал против их ассигнования, по крайней мере полностью. При обсуждении этого вопроса в департаментах Государственного совета Лобко выступил с резкой критикой Министерства финансов в деле сооружения упомянутого здания. Витте, разумеется, с не меньшей резкостью отвечал. Задетый какими-то словами, Лобко не выдержал и сказал, что о способе действий Министерства финансов в этом деле можно судить по тому, что необходимая для института площадь земли в Лесном была приобретена министерством за сумму свыше 200 тысяч рублей, тогда как продавец, некий Сегаль, купил ее лишь за несколько месяцев перед тем за 30 тысяч рублей. Желая как-нибудь сгладить возникший инцидент, председатель департамента заявил, что это, собственно, не относится до Государственного совета, что время уже позднее (приближались уже сакраментальные 6 часов, позже которых заседаний не принято было продолжать), и предложил перейти к голосованию. Но не таков был Витте, чтобы пропустить брошенное ему обвинение без резкой отповеди. «Мы здесь до ночи просидим, — заявил он с полным игнорированием прав председателя, — но раз здесь занимаются инсинуациями, я не могу молчать». В блестящей, в смысле фактов, импровизации Витте разбил наголову неосторожно расхорохорившегося Лобко, а результатом было то, что дополнительное ассигнование было принято единогласно, не исключая и возражавшего государственного контролера. Само собою разумеется, что в журнале заседания департаментов инцидент этот получил слабое отражение, причем ни данные, приведенные Лобко, ни факты, приведенные Витте, в нем не были упомянуты: импровизаций на бумаге лучше не закреплять.

Характерен для Витте и другой инцидент, разыгравшийся в Общем собрании Совета. Обсуждался вопрос об обложении промысловым сбором епархиальных свечных заводов. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, разумеется, возражал. Речь его по этому поводу, как и все его речи, впрочем, весьма редкие, была выслушана с особым вниманием. До чрезвычайности худой с пергаментным цветом кожи и иератическим ликом, как-то особенно подчеркнутым большими черепаховыми очками, Победоносцев производил впечатление приказного или, вернее, подъячего дореформенных судов, до тонкости изучившего всю судебскую казуистику. Таким он, в сущности, и был: знаток гражданского права, он при всем своем несомненно выдающемся мыслительном аппарате обладал умом исключительно аналитическим. Разобрать любое явление, подвергнуть его всесторонней критике никто не мог лучше Победоносцева, но зато всякое творчество — результат ума преимущественно синтетического — было ему совершенно чуждо и недоступно. Тем не менее речь Победоносцева, всегда логически построенная и красиво сказанная — русским языком он владел в совершенстве, отличалась и убедительностью и убежденностью, в

особенности когда, постепенно оживляясь, он воздевал руки горе и с пафосом рисовал ужасы, которые ожидают государство, если будет принята оспариваемая им мера; верный себе Победоносцев никогда не отстаивал и не предлагал, а неизменно ограничивался критикой чужих предположений или мнений. Так было и в данном случае, причем Победоносцев между прочим упомянул, что имеется особое высочайшее повеление, согласно которому епархиальные свечные заводы никаким сборам не подлежат. Наступила очередь Витте. Не помню, что именно он сказал по существу дела, но относительно упомянутого Победоносцевым высочайшего повеления выразился определенно. «Не могу я, — заявил Витте, — откапывать все высочайшие повеления — на это у меня времени нет, да и какое имеют они значение». Такого заявления не только Совет, но и стены Мариинского дворца едва ли когда-либо слышали, но к Витте уже настолько привыкли, что заявление это даже не вызвало изумления.

Ко времени воцарения Николая II Витте уже успел выявить свои основные особенности — смелость, решительность и широту творческого размаха. Им была уже проведена винная монополия, выдержал он и таможенную войну с Германией, возникшую на почве установленных им таможенных ставок на изделия германской промышленности. Заключенным в 1894 г. с Германией торговым трактатом ставки эти были удержаны ценой подъема со стороны Германии ставок на продукты нашего сельского хозяйства.

Наиболее крупным делом, внесенным Витте в Государственный совет в новом царствовании, было введение у нас золотой валюты.

Укажу прежде всего по этому поводу, что, вступая в управление Министерством финансов, Витте имел лишь слабое представление о финансовой науке и практике. Это не мешало ему, однако, с присущей ему самоуверенностью немедленно наметить самые решительные реформы, круша все установившиеся в финансовом ведомстве приемы и традиции. Среди этих реформ Витте имел в виду отнюдь не введение золотой валюты, а, наоборот, в целях оживления народного хозяйства «насыщение мельчайших каналов денежного обращения» путем увеличения выпуска кредитных знаков. Систему эту поддерживал Катков, содействовавший назначению Витте главой финансового ведомства. На этой почве в связи с заявлением Витте о возможности построить Великий сибирский путь на бумажные деньги и состоялось его назначение.

В первую пору своей финансовой деятельности Витте настолько держался этого взгляда, что остановил осуществление мер не только намеченных, но уже отчасти проведенных его предшественниками Бунге и Вышнеградским для укрепления нашей денежной единицы. Действительно, мысль утвердить наш рубль в золоте была выдвинута Бунге, а приступлено к ее осуществлению Вышнеградским.

Вдохновителем финансовой политики Витте был первоначально взятый им себе в товарищи профессор Киевского университета Антонович, а последний определенно стоял за развитие торговли и промышленности посредством увеличения количества денежных знаков, обращающихся в стране. В этих видах Антоновичем был переработан устав Государственного банка, согласно которому банку представлялось значительно расширить свою деятельность в области выдачи ссуд как крупной, так и мелкой промышленности. Едва, однако, устав этот получил силу закона, как Витте успел изменить свое отношение как к вопросу о кредитном денежном обращении, так и к самому защитнику бумажных денег Антоновичу. Здесь именно проявились в полной мере финансовые способности Витте. Он необычайно быстро разобрался в мало знакомой ему до тех пор области и не остановился перед решительным изменением своей первоначальной политики, причем расстался с Антоновичем. Последнего в качестве советника по финансовым вопросам заменил при Витте выписанный из Берлина и вступивший в состав Международного банка Ротштейн. При ближайшем участии этого банкира и была осуществлена Витте денежная реформа, т.е. укреплена в золоте наша денежная единица. Осуществлена эта реформа была, однако, не через посредство Государственного совета. Здесь она встретила ожесточенное противодействие. Оппозицию эту Витте не удалось сломить, и ему пришлось взять свой проект обратно и затем провести его через финансовый комитет, причем он получил силу закона Высочайшим указом. То было время (1896 г.), когда Витте был в апогее своей власти и не стеснялся осуществлять задуманные им меры вопреки всем и вся с нарушением нормального порядка, путем использования неограниченной власти самодержца. Способ этот для самого Витте был отнюдь не безопасный, так как не только возлагал всю ответственность за принятые решения на него одного, но и возбуждал против него весьма влиятельные круги. Надо отдать справедливость Витте, перед этой опасностью он не останавливался, рискуя тем самым подорвать и даже утратить свое положение. Но в то время власть для Витте была не целью, а лишь способом осуществления своих творческих замыслов, полем для приложения своих недюжинных сил.

Роль Витте в развитии русской промышленности общеизвестна. Влияние мер, принятых Витте в этом направлении, было потому особенно сильно, что они в общей совокупности составляли целую систему, направленную к той же цели, что и создало ту атмосферу, в которой русская промышленность получила возможность быстро и пышно расцвести. Однако была здесь теневая сторона, и притом весьма существенная, а именно, что некоторые из проводимых мер были искусственны и, следовательно, долго их применять не было возможности, а с их прекращением некоторые отрасли промышленности стали заметно слабеть. Это относится в особенности к металлургической промышленности, расцветшей главным образом благодаря казенным заказам преимущественно для надобностей как находящихся в

эксплуатации, так и в особенности строящихся железных дорог. С прекращением этого строительства занятые для этой цели заводы стали испытывать огромные затруднения для сколько-нибудь полного использования их оборудования.

Математик по образованию, железнодорожник по профессии, Витте до перехода на государственную службу, как уже упомянуто, обладал весьма ограниченным багажом познаний в области политической экономии и финансовой науки. В сущности, до этого перехода он был лишь знатоком железнодорожного хозяйства и одновременно крупным дельцом, отличавшимся выдающейся способностью практически смотреть на вещи и уметь извлекать из них непосредственную реальную пользу. Способность эта, в связи с умением легко и быстро разбираться в совершенно новых, ему дотоле неведомых вопросах, сделала из Витте блестящего министра финансов, но государственного деятеля в полном смысле этого слова из него все же не создала.

Целые области государственной жизни остались для Витте до конца его дней совершенно неизвестными и даже недоступными его пониманию. К тому же о России и русском народе он имел лишь смутное понятие, что особенно обнаружилось в бытность его в 1905 г. главой правительства. Практическая сметливость — вот что неизменно руководило Витте при разрешении им тех разнообразных вопросов, с которыми он сталкивался. Однако эта сметливость, помогая ему удачно, а иногда и блестяще разрешать вопросы дня, не давала ему того прозрения в будущее, без которого нет истинных творцов народного счастья и государственного величия. В соответствии с этим и программа экономической политики Витте была лишь программой деятельности данной минуты и отличалась той простотой концепции, которая ему вообще была свойственна. Сводилась она, в сущности, к одному накоплению наличных денежных средств в государственной казне и накоплению частных капиталов в стране. Сознывая, разумеется, что лучшим средством пополнения государственных средств является оживление хозяйственной жизни страны, к этому оживлению он и стремился, но единственный способ этого оживления он видел в развитии промышленности, и притом промышленности крупной, т.е. именно той, которая служит источником накопления частных капиталов.

Поклонник Фридриха Листа, об учении которого он написал даже небольшое исследование³¹, Витте разделял его взгляд, что сельское хозяйство представляет ограниченное поле применения людского труда, тогда как промышленность, не стесненная определенными физическими пределами, может развиваться безгранично и, следовательно, поглотить беспредельное количество труда. На сельское хозяйство в соответствии с этим Витте смотрел как на необходимую, но чисто служебную отрасль народного хозяйства. Земледелие, в представлении Витте (быть может, неясно им самим

сознаваемом, но четко выступавшем в его мероприятиях), должно давать пропитание населению, но само по себе служить источником его благосостояния не может. Именно отсюда проистекало его отрицательное отношение ко всем мерам, направленным к подъему сельского хозяйства.

На первый взгляд, совершенно непонятно более чем равнодушное отношение Витте к происходившему в России в 90-х годах прошлого века неимоверному падению цен на сельскохозяйственные продукты, в особенности на зерно, вызвавшему жестокий сельскохозяйственный кризис. Наличие этого кризиса Витте попросту отрицал, не то иронически, не то патетически восклицая в представленной им всеподданнейшей записке: «странный кризис, когда цена на землю постоянно растет»*. Но при этом не дал себе труда отметить, да, по-видимому, не давал себе труда и выяснить, соответствует ли доходность земли, определяя ее по учетному проценту, ее рыночной стоимости. Отрицать, что в 90-х годах, т.е. именно в годы управления Витте Министерством финансов, у нас разразился сельскохозяйственный кризис, по меньшей мере странно. Когда на рожь цена в волжских и многих центральных губерниях упала до 12 коп. за пуд и даже в Москве, этом центре внутренней хлебной торговли, в смысле установления именно ею средней цены на зерно внутри России, немногим превышала 20 коп. за пуд, Витте ограничился заказом группе экономистов с А.И. Чупровым во главе статей под названием «Влияние хлебных цен и урожаев»³². Сборник этот является ключом для уразумения политики Витте. Цель его издания состояла в парировании указаний прессы на бедственность падения цен на хлеб для всего земледельческого населения России, т.е. 80% русского народа. На пространстве нескольких сотен страниц гг. экономисты в качестве непреложной истины, с помощью сложных цифровых выкладок, установили, что русский крестьянин является не производителем зерна, по крайней мере поступающего на рынок, а потребителем его, а посему для него дешевая цена на этот продукт его питания выгодна.

** Заявление Витте, что цена на землю непрерывно росла у нас, тоже неверно. Достигнув в черноземной полосе в половине 70-х годов приблизительно ста рублей за десятину, она оставалась неизменной в течение долгого ряда лет и лишь в конце 90-х годов прошлого века, т.е. именно ко времени, к которому относится всеподданнейшая записка Витте, начала вновь довольно решительно повышаться. Но это повышение проявилось, лишь когда сельскохозяйственный кризис, достигший своего апогея в 1893—1894 гг., начал ослабевать. Повлияла на повышение стоимости земли и девальвация нашей денежной единицы, утвержденной при введении золотой валюты в двух третях ее прежней ценности.*

Приходили к этому выводу простым путем, а именно — с одной стороны, увеличением количества душевого потребления хлеба крестьянством, а с другой — уменьшением размера крестьянских урожаев и сокращением

крестьянской посевной площади. При этом не были вовсе приняты во внимание земли, которые состояли в арендном или искомпольном пользовании земледельческого населения. Конечно, все эти построения не представляло никакого труда разрушить, но так как конечный вывод ученых исследователей сводился к тому, что высокие цены на хлеб выгодны только для рентных землевладельцев, то наша радикальная пресса не дала себе этого труда, но даже восхваляла появившееся исследование.

«Вредно для зубров — следовательно, превосходно для страны» — вот изумительный по простоте и прямолинейности вывод, который делала радикальная часть общества. Между тем достаточно было принять во внимание, что из общего количества получавшегося в стране зерна более миллиарда пудов поступало на рынок и что этот миллиард — результат народного труда, чтобы убедиться, что не одни землевладельцы страдали от низких цен на хлеб, что от этого страдало все без исключения сельское население. Действительно, если даже признать, что все количество это доставляли владельческие экономии (что, разумеется, неверно), то и в таком случае значительную часть рыночной стоимости зерна (фактически в ту пору всю его стоимость) составляла оплата затраченного на обработку почвы и уборку урожая труда того же крестьянского населения. Отсюда следует, что чем цена на зерно была ниже, тем поневоле дешевле расценивался и оплачивался затрачиваемый на его получение народный труд. Впоследствии, когда цены на хлеб значительно поднялись, положение это вполне оправдалось: цена на сельские рабочие руки стала быстро возрастать. Спрашивается, можно ли признать, что Витте с его умом и практическим смыслом не понимал этого простейшего и очевиднейшего факта. Думается, что это недопустимо. Но в таком случае как же объяснить его безразличие к падению цен на хлеб? Быть может, невозможностью принять какие-либо меры к их подъему? Но это не так. Влиять на мировые цены на хлеб он, разумеется, не мог. От цены зерна в Германии зависела в значительной степени вся вообще наша экспортная цена хлеба, которая, в свою очередь, определяла цену хлеба внутри страны, но принудить Германию понизить таможенные ставки на русский хлеб Витте не был в состоянии. Для этого необходимы были, по меньшей мере, уступки по нашим протекционным пошлинам на изделия германской промышленности, которые нашу промышленность лишили бы возможности с ней конкурировать, даже на нашем внутреннем рынке и, следовательно, фактически убили бы многие ее отрасли. Все это так, и тем не менее была возможность принять ряд других мер к поддержанию цены русского хлеба на зарубежных рынках или, вернее, в русских портах; без этого хлеба Западная Европа обходиться в ту пору не могла. Так, ничто не препятствовало устроить сеть хлебных элеваторов, ввести варрантную систему на хранящееся в них зерно", расширить кредитные операции под хлеб, обеспечить доброкачественность хлеба, экспортируемого за границу, и т.д. Дешевая цена русского хлеба в значительной степени проистекала от необходимости у его производителя,

вследствие отсутствия у него достаточных оборотных, да и вообще всяких средств, немедленно реализовать весь урожай тотчас после его уборки по любой существующей на рынке цене. Этим, конечно, пользовались скупщики зерна и заграничные экспортеры. Ежегодно к осени, т.е. ко времени умолота, цена на хлеб при сколько-нибудь сносном урожае стремительно падала, с тем чтобы несколько подняться к весне. Перечисленные меры могли бы оказать этому мощное противодействие.

Не додуматься до них Витте, разумеется, не мог, тем более что ему об этом твердили с разных сторон. И тем не менее Витте эти меры если и осуществлял, то в столь ничтожных размерах, что влияния они никакого иметь не могли. Последнее давало ему лишь возможность утверждать, что меры эти он принимает, но расширить их, что требует затраты значительных средств, он не может, так как опыт указал, что они результата не дают. Но где же причина столь непонятного упорства Витте в этом вопросе? Причина, несомненно, была, а состояла она в том, что Витте, задавшийся целью во что бы то ни стало насадить фабрично-заводскую промышленность в России, признавал необходимым обеспечить эту промышленность дешевыми рабочими руками. В этом, в сущности, при отсутствии богатого и емкого внутреннего рынка, заключался главный шанс русской промышленности в ее борьбе с промышленностью западноевропейской. Технически безмерно хуже оборудованная, нежели промышленность Запада, имея в своем распоряжении рабочих недостаточно развитых, лишь недавно привлеченных к фабрично-заводскому труду, а следовательно, не успевших приобрести необходимые навыки для достижения сколько-нибудь высокой производительности в работе, русская промышленность могла окрепнуть лишь при возможности пользоваться исключительно дешевой рабочей силой. Но расценка рабочего труда на той ступени экономического развития, на которой находилась Россия, зависела почти исключительно от стоимости основных продуктов питания. Мало того, безвыгодность земледельческого промысла обеспечивала постоянный приток сельских рабочих на фабрики и заводы. Впрочем, в этом случае, как во многих других, Витте действовал под влиянием весьма ценимого им Д.И. Менделеева. Соображения Менделеева по вопросу о значении дешевых жизненных припасов для процветания промышленности были им впоследствии изложены в известном его труде «К познанию России»³⁴. Таким образом, удержание на низком уровне хлебных цен вполне отвечало замыслам Витте. А замыслы эти были грандиозные; в своих воспоминаниях он продолжает утверждать, что пройдет немного лет, как Россия превратится в первую по промышленности страну мира".

Вот где, думается, надо искать разгадку отношения Витте к земледелию, а тем более к рентному сельскому хозяйству. Не будучи само по себе, ни при каких условиях, источником накопления свободных капиталов, сельское хозяйство в случае своего процветания, т.е. при поглощении большего

количества труда и высокой оплате этого труда, могло явиться серьезным тормозом для развития нашей фабрично-заводской промышленности.

Наконец, не следует забывать, что Витте был в высшей степени государственным человеком, т.е. человеком, стремившимся не столько к насаждению довольствия и счастья среди граждан страны, сколько к обеспечению величия и силы государства как целого. В соответствии с этим на отдельные слои населения он смотрел преимущественно как на строительный материал государственной мощи.

Тут приходится вновь указать, что Витте был сыном своего века — горячим поклонником капиталистического строя и капитализма вообще. Но этот капитализм или, вернее, его возрастание он видел в торговле, в промышленности обрабатывающей и добывающей, но отнюдь не в сельском хозяйстве.

Безразличное отношение Витте к сельскому хозяйству, вызванное первоначально той специфической политикой, которую он преследовал, получило сильное подкрепление в той оппозиции, которую он встретил в своей деятельности со стороны сельских хозяев. Сказать, что вся эта оппозиция была беспристрастна, нельзя. Нападки на Витте за установление золотой валюты были малообоснованны; не вполне справедлива была и критика его политики таможенной, протекционной для промышленности. Критики этой в связи с стремлением подорвать его положение, а в особенности противодействовать проводимым им мероприятиям Витте хладнокровно перенести не мог и очень скоро от равнодушного отношения к сельским хозяевам перешел во враждебное, причем неизменно отождествлял их с поземельным дворянством, которому приписывал преследование исключительно узких сословных интересов.

Отмечу, однако, что ненависть Витте была направлена не против магнатов землевладения, а против тех мелких и средних землевладельцев, о которых он сам говорит, что класс этот был разорен и жил изо дня в день. К нашей земельной знати Витте относился иначе; ее он старательно стремился оторвать от массы помещного сословия, заинтересовывая в крупных промышленных предприятиях и тем уничтожая их промышленную солидарность с сельскими хозяевами.

Знать эта нужна была Витте как для укрепления своего положения у престола, куда ее представители имели доступ, так и для удовлетворения присущего ему мелкого чувства — снобизма, ибо, к сожалению, Витте не был вовсе лишен этой слабости. Ради проникновения в высшее петербургское общество он ухаживает за его представителями и всячески ищет приобрести их расположение. Одним он устраивает продажу по сходной цене казенных земель, другим он выдает крупные промышленные

ссуды и субсидии, у некоторых приобретает для Крестьянского банка по особой оценке их земельные имущества. Правда, он же, старательно их соблазнявший, бросает им в своих воспоминаниях резкое обвинение в угодничестве, продажности и безграничной жадности³⁶.

Злоба Витте на поместное сословие отразилась в заключающемся в его воспоминаниях описании действовавшего с 1897 по 1902 г. Особого совещания по делам дворянского сословия. Недаром Витте говорит, что совещание это было образовано для изыскания мер воспособления мелкому дворянскому землевладению, хотя ни в его названии, ни в его документах, относящихся до его учреждения, не было указано специально на мелкое землевладение. На деле действительно именно мелкий, а отчасти и средний дворянско-землевладельческий слой находился в неимоверно тяжелых экономических условиях, и если возможно было возражать против его поддержания на сословной почве, то преимущественно лишь теоретически. Практически слой этот охватывал почти весь состав борющихся с нуждой землевладельцев. Сельскохозяйственный кризис на представителях этого слоя отразился столь же тяжело, как и на крестьянстве. Невзирая на всю их воспитанную поколениями любовь к земле, они вынуждались к ликвидации своих владений и к переходу в другие отрасли занятий. Между тем многие из них были поэтами своего дела; искали они не каких-либо чрезвычайных барышей, а лишь возможности как ни на есть связать концы с концами, прокормить семью и дать воспитание детям. И вот этих-то людей Витте клеймит за их мнимую жадность, за преследование ими будто бы исключительно узкосословных целей и даже за стремление построить свое благополучие на счет всего остального населения. В действительности не любил и даже презирал этих людей Витте именно за их бедность, за их неумение (обусловленное, однако, обстоятельствами, находящимися вне их влияния) наживать богатство, накапливать капиталы. Дельцов финансового мира, зарабатывающих миллионы, промышленников, удваивающих в несколько лет свое состояние, он уважал и к их ходатайствам относился с предупредительностью.

О дворянском совещании Витте говорит, что там сошлись люди, которые были врагами народа, и что поэтому он употребил все усилия, чтобы это совещание никаких серьезных мер не приняло. Последнее, безусловно, верно, но Витте забыл упомянуть, к какой стороне деятельности этого совещания он проявил явно враждебное отношение и добился ее прекращения. Проявил же он это отношение, лишь когда совещание это от обсуждения сословных интересов (способов вступления в ряды дворянства, круга деятельности дворянских собраний и т.п.) перешло к рассмотрению интересов общенародных. Произошло это, когда совещание разделилось на отдельные комиссии, причем была образована комиссия экономическая под председательством министра земледелия Ермолова. Комиссия эта стала сразу на ту точку зрения, что экономические интересы дворянства неразрывно

связаны с интересами земледелия вообще и что единственной действительной помощью помещному сословию могут служить лишь такие меры, которые привели бы к подъему общего уровня русского сельского хозяйства. Осведомившись через своих представителей — участников комиссии о том пути, на который комиссия стала, Витте немедленно весьма резким письмом на имя ее председателя заявил, что комиссия вышла из пределов вопросов, предоставленных ее обсуждению, и что он, Витте, решительно возражает против дальнейшей ее деятельности в принятом ею направлении. Попытки Ермолова отстоять свободу действий комиссии, как все его попытки бороться с Витте, оказались безрезультатными. Да оно и трудно было. Витте находился в то время на апогее своего влияния, а близость его ко двору была настолько значительна, что ему было поручено читать лекции по политической экономии великом] князю) Михаилу Александровичу, состоявшему в ту пору наследником престола. Кончилось дело тем, что Ермолов покорился властному окрику своего могущественного коллеги. Описывая этот инцидент, не заметил Витте и того противоречия с самим собой, в которое он впал по этому вопросу. Действительно, в той части своих воспоминаний, где он говорит о сельскохозяйственном совещании и об образовании местных сельскохозяйственных] комитетов, он же утверждает, что комитеты высказались прежде всего за обеспечение интересов крестьянства, за упразднение их сословной обособленности и вообще обратили главное внимание на удовлетворение народных нужд. Но из кого же состояли эти комитеты? Председателями их были уездные предводители, а членами в подавляющем большинстве дворяне-землевладельцы и в том числе — *horribile dictu* — земские начальники. Таким образом, оказывается, что, с одной стороны, земельное дворянство — враг народа, а с другой, что оно же заботится прежде всего о народных нуждах, презирая собственные выгоды. Наконец, из кого же состояло русское земство? Впрочем, неприязнь к сельскому хозяйству и к представителям рентного землевладения из средне- и мелкопоместного дворянства Витте перенес и на земство, покоившееся исключительно на этом элементе.

Общеизвестна записка Витте, составленная им в 1899 г. по поводу проекта введения земских учреждений в западных губерниях. В этой записке Витте доказывал, что земство при самодержавном строе плохой и опасный орган управления, и решительно высказывался за сокращение поля его деятельности. Последнее он проводил еще и в другой записке, относящейся к тому же времени и касавшейся народного образования. В ней Витте возбуждал вопрос о полном изъятии из ведения земств всего школьного дела с передачей его в распоряжение Синода. О культурном значении земства, которого, кажется, еще никто не отрицал, Витте здесь не обмолвливается ни словом, зато усиленно напирает на то, что земство «переоблагает крестьян».

Враждебное отношение Витте к земству было вызвано, конечно, не одной его неприязнью к помещному дворянству. Значительную роль здесь играло

земское самообложение. Урезать это право Витте всячески стремился и, по-видимому, преимущественно с этой целью проектировал отнятие у него забот о народном образовании. Так, именно в записке, касающейся этого вопроса, он указывал, что земство тратит на этот предмет ежегодно 7 миллионов рублей, которые с большей пользой для дела были бы употреблены, если бы расходовались непосредственно государством. Наиболее ярким образчиком отношения Витте к земству был внесенный им в 1902 г. в Государственный совет законопроект о предельности земского обложения, внесенный им совместно с министром внутренних дел Сипягиным. Проект этот вызвал много толков и возражений, причем прошел в значительно смягченном виде, в том смысле, что поставил земству определенные пределы обложения в самом законе, а не по усмотрению администрации, как это первоначально было предложено. Правда, закон от этого стал уже совершенно нелепым, фактически ограничив право самообложения тех уездных и губернских земств, обложение которых было наиболее ничтожным: на его основании земства могли ежегодно увеличивать установленные им сборы с недвижимых имуществ не свыше 3% обложения предыдущего года. Получилось, что те земства, обложение которых достигало, допустим, 300 тысяч рублей, могли его увеличить лишь на 3 тысячи рублей, а земства с обложением имуществ в 3 миллиона рублей имели право сразу его повысить на 90 тысяч рублей. В процентном отношении повышение обложения в обоих случаях было одинаковое, а в конкретных суммах совершенно различное, причем относительно высокое обложение могло быстро и беспрепятственно возрасти, а низкое нельзя было повысить соответственно требованиям жизни. Первое фактически так и произошло: изюмскому уездному земству закон этот не помешал довести обложение десятины земли до 6 рублей, суммы, по сравнению с доходностью земли, — чрезмерной. Что же касается земств с низким обложением, то закон и на них едва ли отразился, так как с разрешения администрации увеличение земских сборов свыше 3% было также возможно, и на практике администрация впоследствии в этом никогда не отказывала. Таким образом, весь закон свелся практически к нулю, а между тем произведенное им впечатление было самое неблагоприятное. Словом, это был один из тех булавочных укулов государственной власти, который, отнюдь не увеличивая ее престижа, достигал лишь одного результата — раздражения общественности.

Здесь Витте руководило желание направить возможно большее количество народных средств в кассы Государственного казначейства, чему обложение земское, а также и сельско-мировое (он и против него высказывался) в известной мере препятствовало. Тем не менее объяснить одним этим его поход против земства нельзя. Правом самообложения обладали и городские самоуправления, причем, если смотреть на них с точки зрения Витте, они являлись при самодержавном строе такой же аномалией, как и земские учреждения. Однако против них Витте не ополчался, против торго-

промышленного слоя он никогда не выступал, а всякие общественные организации, связанные с торговлей и промышленностью, не только поддерживал, но даже сам вызывал к жизни. Так, в 1899 г. по инициативе Витте были разрешены периодические съезды представителей металлургических и промышленных предприятий, а также вагоностроительных и механических заводов северного и прибалтийского районов. Съезды эти имели тем большее значение, что большинство из них образовало постоянные органы, охраняющие интересы той промышленности, которую они представляли, органы, вскоре получившие большую силу и значение. Объясняется это опять-таки тем, что Витте был типичным горожанином, т.е. купцом, промышленником, и все близкое к земле ему было чуждо и значения для него не представляло. Правда, впоследствии он заинтересовался и так называемым крестьянским вопросом, равно как и вопросом земельным. Но к этим вопросам он ближе подошел, уже оставив финансовое ведомство и превратившись в председателя Комитета, а затем Совета министров.

В частности, права земств безгранично поднимать обложение недвижимых имуществ Витте опасался именно с точки зрения интересов промышленного класса. Имущества этого класса, расположенные вне черты городов, а именно оборудование фабрик, подлежали земскому обложению, представители же этого класса в земских собраниях составляли незначительное меньшинство.

Обнаруженное Витте в поданной им записке о земстве резко отрицательное отношение к местному самоуправлению кажется на первый взгляд странным и даже непонятным. Автор Манифеста 17 октября 1905 г., Витте вполне оценивал значение общественного мнения и не упускал случая привлечь его на свою сторону, что ему нередко и удавалось. Свое умение он, как известно, в этом отношении проявил в особенности в Америке при ведении им там мирных переговоров с японцами, предшествовавших заключению Портсмутского договора: в несколько дней сумел он так себя поставить, что склонил на свою, и тем самым русскую, сторону американское общественное мнение, что сыграло существенную роль в деле установления мирных условий⁴¹. Но дело в том, что в глазах Витте общественное мнение было одно, а общественная деятельность — совершенно другое. Будучи по складу своего характера человеком чрезвычайно властным, он был, в сущности, может того сам не сознавая, так называемым просвещенным абсолютистом. Искренне и горячо отстаивая народное просвещение, нетерпеливо и страстно стремясь провести всевозможные реформы, направленные к всестороннему экономическому развитию страны, он, однако, полагал, что все это может быть достигнуто скорее и осуществлено лучше ничем не ограниченной и вполне свободной от внешних давлений единоличной властью, нежели органами, построенными на выборных началах и вынужденными считаться с изменчивыми взглядами демократии. Соответственно с этим общественное

мнение для Витте было важно не само по себе, не как указание того или иного образа действий, и даже не как творческое начало, а лишь как орудие для достижения своих, им самим заранее намеченных целей. Словом, считался он с ним не как с фактором народной жизни, а лишь как с трамплином для проведения своих начинаний, для осуществления своей воли. Его скептическое мнение о человечестве, взятом в массе, естественно приводило его к убеждению, что народ должен управляться без его непосредственного в том участия, причем правители, не ради пользы дела, а для укрепления своего положения и своей власти, должны так облекать свои мероприятия, чтобы они привлекали общественное одобрение. Конечно, его формулой абсолютизма было «Und der König absolut wenn er in sein Willen thut»; но разве сторонники народовластия не подходят сами под другую формулу, в сущности, тождественную: «Et le peuple souverain, si son desir est le mien», и разве не сводится часто на практике весь вопрос к тому, при помощи какого орудия легче достигнуть осуществления своих взглядов. В положении Витте в бытность его министром финансов это несомненно было для него легче при существовании единичной власти; естественно, что ее он и отстаивал, причем общественное мнение было для него важным, но лишь подсобным средством для укрепления своего положения.

Сознавая огромное влияние повременной прессы на общественное мнение, Витте всемерно стремился быть в лучших отношениях с ее представителями, причем и тут, конечно, не брезгал никакими средствами. Умел пользоваться Витте и нашими учеными силами, как по существу в отношении наиболее полного освещения разрабатываемых им вопросов, так и в целях авторитетного для общества доказательства правильности проводимой им политики. Так, он неизменно пользовался столбцами «Нового времени» для защиты своих финансовых мероприятий при посредстве не без выгоды для себя ему преданных экономистов. Не стесняло, однако, Витте при случае надевать на прессу намордник, когда высказываемое ею не отвечало его видам. Еженедельный орган долголетнего противника его финансовой политики — С.Ф. Шарапова — «Русское дело» он прекратил путем цензурных запретов. Однако надо признать, что он прибегал к таким способам неохотно, очевидно сознавая их тщетность и даже обратное действие. Иной способ действия по отношению к печатным произведениям своих противников был ему более свойственен и более по душе, а именно примененный им к изданной за границей брошюре Циона, заключавшей злостные нападки на его финансовую политику. Брошюру эту, запрещенную цензурой для ввоза в Россию, Витте, узнав про эту меру, немедленно освободил от запрета, о чем не преминул, конечно, осведомить общественное мнение путем печати. Но одно — единичная брошюра явно памфлетного характера, а другое — постоянная, хотя и остроумная, критика постоянного печатного органа, каковую заключало «Русское дело» Шарапова. Покончить с этой критикой Витте удалось лишь иным, не административным способом. Дело в том, что Шарапов заменил свой журнал выпуском брошюр,

выходивших под разными названиями, но представлявших, в сущности, такое же периодическое издание, имевшее тех же сотрудников и заключавшее ту же критику, как и прекращенный журнал. Просуществовал он, однако, недолго, прекратившись одновременно с получением Шараповым денежной субсидии для принадлежащей ему мастерской по производству легких крестьянских плугов...

Говоря о неразборчивости Витте в средствах, нельзя упускать из вида те невероятные трудности, тем более раздражительные, что они отчасти сплетались из множества мелких и притом закулисных противодействий, которые встречало осуществление всякой сколько-нибудь крупной меры. Разнообразные, часто сменявшиеся и иногда совершенно неожиданные влияния на исход того или иного вопроса вынуждали Витте искать опоры в своей деятельности решительно во всех сферах, в том числе и у таких беспринципных людей, как пресловутый редактор «Гражданина» кн. Мещерский, как успешно торговавший патриотизмом и монархизмом генерал Богданович, и даже таких явных авантюристов, как известный всему Петербургу Андронников, которого Витте использовал как осведомителя. Поставленный в иные условия, Витте был бы, вероятно, разборчивее в средствах и, конечно, не являлся бы с людьми, которых он в душе мог только презирать. Действительно, Витте превосходно разбирался в обстановке, легко и быстро к ней приспособлялся и действовал по пословице — с волками жить, по-волчьи выть. Обстановка, среди которой протекала деятельность Витте, была тяжелая, но способ борьбы Витте с ней был таков, что лишь ухудшал ее.

Вообще, нравственной брезгливости у Витте и следа не было, а преследуемые им государственные цели как-то органически переплетались с целями личными, из которых основными были удовлетворение безграничного властолюбия и весьма у него развитого, иногда даже мелочного, честолюбия. Оценивал же Витте людей, как свидетельствуют его воспоминания, хотя и пристрастно, но только в смысле беспощадной ненависти к своим врагам, друзей же он мысленно вовсе не прихорашивал.

Все же нельзя отрицать, что обстановка неудержимо толкала не его одного, а и многих других современных ему государственных деятелей, нравственно стоявших неизмеримо выше его, к побочным способам достижения своих целей, иначе говоря, к интриге в ее бесконечных разновидностях. Но Витте дошел в этом отношении до виртуозности, конечно обусловленной его природной беспринципностью. Тем не менее именно этой обстановкой надо объяснить то искреннее почитание, которое Витте постоянно и открыто высказывал, несмотря на несомненную непопулярность подобного мнения, памяти Александра III. При нем Витте был сначала министром путей сообщения, а затем министром финансов, при нем же приступил он к своим крупнейшим реформам и на опыте убедился, что при Александре III надо

было заручиться лишь согласием царя на проведение какой-либо меры — остальное зависело уже от исполнителя, которому никакие посторонние влияния помешать не только не могли, но и не пытались. Иное положение создалось впоследствии, и Витте надо было проявить необыкновенную энергию, настойчивость и ловкость для осуществления проводимых им мер, притом совершенно безразлично от их политической окраски и той отрасли управления, которой они касались. Впоследствии Витте нередко публично заявлял, что если некоторые его меры не были достаточно вперед продуманы, то вследствие того, что ему было необходимо их проводить с исключительной спешностью, так как он никогда не был уверен в завтрашнем дне.

Наблюдая за Витте в Государственном совете, легко можно было подметить и другую черту его характера и ума: отсутствие у него мелочного самолюбия и тупого упрямства при отстаивании своих взглядов и выслушании возражений на них. Легко усваивая всякий предмет, он, в сущности, не обладал незыблемо установившимися убеждениями и взглядами, а оппортунизм был вообще свойственен его природе. Цель его была неизменная — экономическое развитие России как основы ее политического могущества, но способы достижения этой цели у него менялись.

Способность Витте изменять свои взгляды, и притом только что им высказанные, иначе говоря, способность убеждаться приводимыми ему доводами обнаруживалась также в Государственном совете. Так, бывали случаи, когда Витте поддерживал в департаментах Государственного совета до обычного в середине заседания перерыва одно мнение, а после перерыва переходил на другую сторону и защищал мнение обратное.

Но в особенности обнаруживалась эта черта Витте в частных беседах. Высказываемые ему возражения он выслушивал внимательно и не усматривал в них, как это свойственно многим даже умным людям, что-либо для себя обидное. Впрочем, происходило это иногда и от другой причины, а именно от присущей Витте склонности подлаживаться под мнение своего собеседника, чтобы тем привлечь его в число своих сторонников.

Подводя итоги деятельности Витте в роли министра финансов, надо признать, что здесь на первом плане, несомненно, стоят его крупнейшие заслуги по упорядочению нашего государственного хозяйства. Заключение не только бездефицитных, но из года в год дававших крупные излишки государственных бюджетов; укрепление русских финансов как введением золотой валюты, так и весьма удачной конверсией государственных займов с понижением платимого по ним процента с 6 до 4; весьма значительное увеличение нашей железнодорожной сети; насаждение и развитие у нас как высшего, так и среднего технического образования; прекрасно подобранный состав как ближайших сотрудников, так и вообще всех многочисленных

служащих в финансовом ведомстве; образцово поставленная податная инспекция; блестящее осуществление и организация всего крупнейшего дела винной монополии — все это плод усиленной работы СЮ. Витте. Несомненно, многое сделано им и в области хозяйства народного. Благодаря принятым им разнообразным мерам развилась почти со сказочной быстротой наша промышленность и тем оттянула часть сельских жителей от земледелия, которое, вследствие увеличения численности населения, уже не могло использовать всей рабочей силы крестьянства. Насажение и развитие у нас промышленности было, несомненно, очередной государственной задачей, и ее Витте разрешил с энергией, решимостью и свойственным ему широким размахом.

Приложи Витте свои незаурядные силы и исключительную работоспособность одновременно и к другой отрасли народного труда — земледелию, и деятельность его приобрела бы огромное историческое значение. Углубись Витте своевременно в вопрос сельскохозяйственный, и он понял бы, что центр тяжести — в образовании крупных крестьянских владений, работающих на рынок, при сохранении рентного землевладения, двигателя сельскохозяйственной техники. Изучи Витте крестьянский вопрос, и он мог бы вовремя повлиять на упразднение общины и одновременную отмену закона о неотчуждаемости наделной земли. Последнее привело бы к свободной игре экономических сил народа, при которой земля естественно перешла бы в наиболее крепкие руки, могущие наилучшим образом использовать ее производительную силу. Такая политика не только укрепила бы развитую им, но отчасти повисшую в воздухе за отсутствием достаточного внутреннего рынка промышленность, она не только подняла бы уровень нашего сельского хозяйства; она достигла бы неизмеримо большего, а именно спасла бы Россию от падения в ту бездну, в которую ее ввергли доселе бесчинствующие на нашей родине изуверы. Этому воспрепятствовало бы обогатевшее и, следовательно, умственно развившееся земельное крестьянство, постигшее на деле, что не увеличением площади принадлежащей ему земли, а усиленным использованием ее производительных сил может русский земледелец стать на ноги и обеспечить себе довольство.

Но, увы, Витте мог вложить свою душу лишь в то, что непосредственно от него зависело, чем он единолично и почти безотчетно ведал. В этом выражалась его безграничная властность. Земледелие, сельское хозяйство не входило в круг его ведения, и он относился к нему сначала равнодушно, а затем, встретив со стороны его представителей противодействие его политике, — нескрывая враждебно. На крестьянство Витте смотрел преимущественно как на дешевую рабочую силу для той же промышленности, причем земельное крестьянство было в его глазах не столько производителем ценностей, сколько плательщиком налогов, поступающих преимущественно от потребления им зелена вина.

За эту одностороннюю политику, которую тщетно, ибо слишком поздно, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, стремились выправить после ухода Витте заменившие его у власти, в смысле главных в этой отрасли государственных деятелей, Столыпин и Кривошей, Россия платит ныне всем своим достоянием. В происшедшем катаклизме бесследно исчезли все следы несомненно выдающейся работы Витте в деле упрочения нашего государственного хозяйства и развития фабрично-заводской промышленности.

Остается надеяться, что этот жестокий урок не пройдет даром, что будущие воссоздатели русской государственности постигнут, что основой благосостояния русского народа может служить лишь правильно поставленное, технически совершенное, использующее в возможно большей степени народную рабочую силу земледелие, и одновременно убедятся, что использовать всю эту силу в одном земледелии нельзя, что необходимо часть этой силы, и притом значительную, привлечь к другой — неземледельческой работе, почему развитие фабрично-заводской промышленности для России столь же важно, как интенсификация ее сельского хозяйства.

Возвращаясь к роли Витте в Государственном совете, упомяну в заключение про ту усиленную агитацию, которую он повел там в 1901 г. при прохождении проекта нового устава о воинской повинности в Финляндии. Едва ли особенно интересуясь финляндским вопросом, Витте проявил в этом деле исключительную энергию и сплотил всю либеральную часть Государственного совета преимущественно в целях борьбы с внесшим этот проект военным министром Куропаткиным, борьбы, возникшей из-за усиленных требований военным ведомством денежных средств на увеличение нашей боеспособности, в особенности на Дальнем Востоке и, в частности, в Порт-Артуре. Тут же столкнулся впервые Витте с уже выдвигавшимся на первые роли, только что назначенным министром статс-секретарем Финляндии Плеве. Витте как будто уже почуял ту враждебную силу, которую может для него представить Плеве, и заранее хотел ее в известной степени парализовать. Ему это не удалось, но зато предчувствия его в скором времени оправдались.

Глава 4 Министр земледелия и государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов

Совершенную противоположность Витте представлял другой министр того времени, очень часто появлявшийся в стенах Мариинского дворца, — А.С. Ермолов, министр земледелия и государственных имуществ.

Столь же простой в своем обращении и столь же чуждый чиновничьего формализма, как и Витте, Ермолов с его приземистой, далеко неказистой

фигурой, с его обросшей во всех направлениях головой, с его странной манерой разговаривать, держась вполборота к собеседнику, находясь как будто постоянно наготове от него уйти, отнюдь не производил впечатления сановника, да и вообще сколько-нибудь крупного государственного деятеля. Весьма образованный и начитанный, Ермолов отличался чрезвычайной добросовестностью и, несомненно, душою был предан порученному делу. Автор многих сочинений по сельскому хозяйству, из которых некоторые обладали, несомненно, достоинствами, он, к сожалению, был лишен организаторских способностей и не умел претворить в дело ни свои обширные познания, ни те замыслы, которые зарождались в его уме. В своих сочинениях, благодаря которым он и был назначен министром земледелия еще при Александре III, он нарисовал широкую программу тех мер, которые ему казались необходимыми для подъема русского сельского хозяйства, причем даже проектировал поднятие уровня Каспийского моря и учреждение в России особых ферм для разведения страусов. На деле, однако, не только не принялся Ермолов за поднятие морских уровней, но вообще ни одной существенной меры за долголетнее управление министерством не провел.

Достаточно было войти в занимаемый Ермоловым превосходный дом министерства, построенный при гр. Киселеве в широком масштабе времен Николая I, чтобы сразу убедиться, что хозяин столь же скромный, сколь нехозяйственный человек. В особенности поражала в этом отношении приемная министра. Огромных размеров прекрасная зала производила впечатление запущенного помещения заброшенной барской усадьбы: облезшие стены, покрытые во многих местах паутиной, старинные красного дерева кресла с прорвавшейся и облезшей обивкой, окончательно выгоревшие на солнце, когда-то пышные занавеси, непротертые окна, двойные рамы, которые, очевидно, не открывали годами, — все это красноречиво свидетельствовало о равнодушии хозяина к какой-либо пышности, но также о неумении его держать в порядке хотя бы свою челядь. Так оно и было. Начальственности у Ермолова не было никакой не только во всем его внешнем облике, но и по существу: его многочисленные подчиненные не только держались с ним совсем запанибрата, но и слушались его по малости. При этом не обладал Ермолов и умением распределить работу между собою и своими подчиненными, и это до такой степени, что, например, сам держал корректуру издававшейся его министерством «Земледельческой газеты».

В особенности же не обладал Ермолов способностью воодушевлять своих сотрудников, придать им ту энергию, ту жажду творчества, без которых ничего значительного и важного осуществить нельзя. Впрочем, на сотрудников Ермолова, среди коих были, несомненно, и дельные и знающие люди, удручающе действовало сознание, что всякое их начинание все равно неминуемо замрет за отсутствием у главы ведомства энергии и умения обеспечить ему развитие. Именно благодаря этому в зеленом ведомстве, как

называли Министерство земледелия по цвету канта на присвоенных ему мундирах, царила зеленая скука и необыкновенная затхлость. На двери одной из комнат министерства красовалась надпись: «Песчано-овражное делопроизводство». Надпись эта вполне подходила всему ведомству. Как на дне какого-то песчаного оврага пребывало там в блаженном покое все русское сельское хозяйство.

Неудивительно, что при таких свойствах трудолюбивейший и всемерно стремившийся принести пользу родине Ермолов не сумел наладить надлежащее использование наших обширнейших государственных имуществ и необъятных лесных пространств, не сумел дать правильную постановку нашему горному делу и, уходя из министерства, оставил наше сельское хозяйство, столь хорошо ему известное и столь ему дорогое, на прежнем, можно сказать, ветхозаветном уровне. Надо, однако, признать, что кроме отсутствия у Ермолова организаторских способностей была и другая причина, лишавшая его возможности принести сколько-нибудь существенную пользу русскому сельскому хозяйству и улучшить эксплуатацию государственных имуществ, а именно систематический отказ Министерства финансов в ассигновании мало-мальски достаточных на это средств. Конечно, и в этом отношении сыграли тоже большую роль природные свойства Ермолова — отсутствие сильной воли и упорной настойчивости, с одной стороны, и неумение достигать чего-либо путями обходными — с другой. Безусловно честная, прямая природа Ермолова делала его совершенно неспособным к какой-либо интриге, независимо от той цели, к которой она была направлена. Между тем без доброй доли ловкости, без умения разобратся во всей сложной петербургской бюрократической обстановке достигнуть чего-либо в то время было невозможно.

Насколько Ермолов не умел пользоваться присвоенной ему властью для создания в бюрократическом мире таких отношений, которые помогали бы ему осуществлять свои предположения, можно судить в особенности по тому, что он не сумел использовать с этой целью весьма действительное имевшееся у него для этого средство, которым неизменно и весьма умело пользовались его предшественники. Состояло оно в том, что все так называемые аренды — денежные выдачи, назначавшиеся на определенное число лет — от 3 до 12 — занимающим более или менее высокое служебное положение должностным лицам, ассигновались из доходов от государственных имуществ и назначались по всеподданнейшим докладам министра государственных имуществ, т.е. почти всецело фактически зависели от этого министра. Ермолову настолько были чужды подобные приемы достижения своей цели, что и это средство в его руках было для него почти бесполезным, причем он настолько слабо отстаивал свои прерогативы, что этим средством, случалось, пользовались другие его коллеги, в том числе и его противники. Они испрашивали назначение таких аренд для нужных им

лиц помимо Ермолова, который в таких случаях получал соответственное распоряжение непосредственно от верховной власти. Дошло даже до того, что Витте вознамерился захватить все это дело путем передачи назначений аренд по всеподданнейшим докладам министра финансов. Однако тут Ермолов проявил несвойственную ему энергию и решимость, и Витте потерпел неудачу. Любопытно, что в то время, как разыгрывался этот инцидент, ни Витте, ни Ермолов не скрывали в частных беседах, что назначение аренд им необходимо для укрепления их влияний.

Что же касается причин, по которым Министерство финансов постоянно отказывало в предоставлении необходимых средств для мероприятий, предположенных Ермоловым, то городские и чиновничьи сплетни приписывали это каким-то личным счетам, возникшим между Витте и Ермоловым на почве неотданного визита между женами этих последних. Однако суть дела была, безусловно, не в этом. Витте, не допуская самым решительным образом значительного увеличения расходов по Министерству земледелия, делал это как в целях сохранения бюджетного равновесия и накопления свободной наличности Государственного казначейства, так и в сознании, что те средства, которые могли бы быть предоставлены на развитие сельского хозяйства и в пределах которых, собственно, и испрашивал их Ермолов, существенного влияния на уровень этого хозяйства иметь не могли. К этому, несомненно, присоединялось и полнейшее недоверие Витте к организаторским способностям Ермолова, отсутствие всякой уверенности, что отпущенные средства будут израсходованы с пользой для дела. Отнюдь, по своему обыкновению, не стеснялся Витте это громко и высказывать. «Дайте мне, — говорил он, — другого министра земледелия — решительного и дельного, и я его забросаю средствами». Нельзя, однако, утверждать, что Витте был при этом вполне искренен, что отрицательные свойства Ермолова не были лишь удобным способом для оправдания отказа в отпуске необходимых средств на подъем отрасли русского народного труда. Взгляд Витте на сельское хозяйство как на нечто второстепенное в области производства ценностей не подлежит сомнению. Неоспоримо также, что он не верил, что наш землевладельческий класс способен к творческой деятельности, не верил, что он с пользой для дела употребит те средства, которые могут быть ему предоставлены путем облегчения ему кредита. При этом он, по-видимому, не признавал и значения развития сельскохозяйственных знаний в крестьянской земледельческой среде. Эта среда должна была, по мнению Витте, прежде всего выделить необходимый для развития фабрично-заводской промышленности рабочий материал, причем он полагал, что это выделение произойдет тем в большем размере и тем скорее, чем ниже будет сельскохозяйственная техника. Наконец, не мог Витте простить землевладельческому классу его страстной критики общей проводившейся им экономической и финансовой политики.

Бороться Ермолову с Витте было, конечно, во всех отношениях не под силу, тем более что мужества для того, чтобы поставить вопрос ребром — или дайте мне возможность работать, или освободите меня от моих обязанностей, — он тоже не имел. При таких условиях Ермолов поневоле ограничивался, так сказать, зачатками различных мероприятий, вероятно надеясь, что при изменившихся условиях зачатки эти легко будет развить в соответствии с действительными потребностями русского масштаба. Действительно, не было той отрасли дел, сосредоточенных в Министерстве земледелия, по которой Ермолов не входил бы в Государственный совет с проектами, направленными к их развитию, но все они представляли преимущественно отвлеченные положения и правила, а собственно средства для их применения либо совершенно отсутствовали, причем полагалось, что они будут назначаться ежегодно в сметном порядке, либо исчислялись в каком-то миниатюрном виде, причем тем не менее неизменно сопровождались возражениями со стороны Министерства финансов. Последнее вполне понятно: Витте даже при скептическом отношении к сельскому хозяйству, благодаря присущему ему широкому размаху, вероятно, охотнее отпускал бы очень крупные средства, могущие оказать действительное влияние на дело, для которого они назначались, нежели суммы ничтожные, но тем самым силою вещей непроизводительные. Так было с институтом инспекторов по сельскохозяйственной части: один инспектор на губернию, причем их предположено было вводить постепенно, очередями, в первую же очередь число их ограничивалось, если не ошибаюсь, двенадцатью. Так было и с проектом о мелиоративных ссудах на земельные улучшения и оборудование хозяйств улучшенным инвентарем и [Сельскохозяйственными] промышленными заведениями. Первоначальное предположение Ермолова о выдаче на бездоходные, но имеющие государственное значение мелиоративные работы, как то: укрепление сыпучих песков и оврагов, беспроцентных ссуд было Витте в Государственном совете благополучно провалено, причем размер сумм, ежегодно отпускаемых из средств казны для выдачи этих ссуд, определен в до смешного малом размере. Так было и с положением о сельскохозяйственных опытных имениях, фермах, станциях и т.п., которое свелось в сущности к установлению различных типов подобных учреждений, к их законодательной классификации. При рассмотрении этого положения в Государственном совете, между прочим, выяснилось, что средства, находившиеся в распоряжении Министерства земледелия для выдачи из них пособий земским и иным общественным учреждениям на содержание сельскохозяйственных опытных станций, мастерских и т.п., конечно, недостаточные, но все же в общем представлявшие значительную сумму, в буквальном смысле распылялись. Число учреждений, получавших подобные пособия, было довольно значительно, но самый размер этих пособий был нередко прямо смехотворный: имелись учреждения, получавшие в год по 25 и даже по 10 рублей пособия. Происходило это, несомненно, по той же причине — мягкости характера Ермолова, не позволявшей ему отказать какому-либо учреждению в удовлетворении его

просьбы о пособии, хотя бы, по необходимости за отсутствием средств, в минимальном размере.

Об этой мягкости и о том, насколько Ермолов сам ее сознавал, свидетельствует следующий случай. В проект об учреждении должностей инспекторов по сельскохозяиственной] части было введено правило, в силу которого на эти должности могли быть назначаемы лишь лица с специальным сельскохозяиственным] образованием. В Государственном совете по этому поводу было высказано, что лиц с подобным образованием у нас вообще мало и что напрасно министр желает сам себя ограничить, что от него всегда будет зависеть назначать специалистов при наличии подходящих среди них кандидатов, но зато при отсутствии таковых он будет иметь возможность назначить лиц с общим высшим образованием, среди которых, несомненно, найдутся лица, вполне подходящие по своему практическому знакомству с сельским хозяйством для исполнения обязанностей инструктора сельского хозяйства. Ермолов вопреки своему обыкновению, однако, упорно отстаивал свое предположение, причем в частной беседе откровенно сознался, что правило это ему необходимо, так как он иначе не будет в состоянии отделаться от навязывающихся и со всех сторон навязываемых ему уже ныне, еще до издания закона, кандидатов на учреждаемые должности, по его мнению непригодных, но имеющих диплом высшего образования. Однако и в данном случае, как всегда, Ермолов защищаемого им правила отстоять не сумел, а в результате среди первых назначенных им сельскохозяиственных инспекторов оказались не только не специалисты, но вообще люди, с сельским хозяйством имеющие не много общего.

Количество вопросов, возбужденных Ермоловым за время пребывания на должности министра земледелия, было бесчисленно, причем едва ли не еще многочисленнее были те особые специальные, ведомственные и междуведомственные, с приглашением экспертов и местных деятелей и без них комиссии, в которых он председательствовал, но ничего реального из всех этих комиссионных занятий, бесед, а иногда и серьезных трудов не получалось. Кроме общих очерченных причин — свойств характера Ермолова и той обстановки, в которой он действовал, — [это] зависело и от полнейшего отсутствия у него умения председательствовать. Все его комиссии неизменно начинались с произносимой им длинной речи, в которой он выказывал близкое знакомство с подлежащими рассмотрению вопросами и проектировал, в общих чертах, широкие и решительные меры для их разрешения. Но этим и ограничивалась его роль в комиссии, работы которой шли затем без всякого его руководства и тем самым без всякой системы. Все это было хорошо известно участникам комиссий, состав которых был более или менее тот же, и это, конечно, лишало и их всякой охоты принимать живое и деятельное участие в них. Впрочем, представители Министерства финансов в ермоловских комиссиях имели, по-видимому,

постоянный наказ проваливать все, что в них обсуждалось, что им без особого труда и удавалось. Сдать дело в архив или передать дело в комиссию Ермолова было в то время едва ли не синонимом.

При всем этом, как это ни удивительно, сам Ермолов не терял присущей ему весьма своеобразной энергии. Ничего или почти ничего не достигая, он тем не менее продолжал стремиться чего-то достигнуть, и не было того сколько-нибудь близкого ему вопроса, которого бы он не старался так или иначе разрешить, и эту энергию Ермолов сохранил до конца своих дней. В бытность министром искал Ермолов, насколько это позволяли условия времени, сотрудничества и поддержки общественных деятелей. Проектируя учреждение местных органов Министерства земледелия, он стремился связать их деятельность с работой земских учреждений. При его содействии состоялся в Полтаве районный съезд по кустарному производству и состоявшийся вслед за тем в 1902 г. всероссийский кустарный съезд в Петербурге. Съезд этот работал под председательством известного впоследствии по его деятельности в Первой Государственной думе гр. П.А. Гейдена, причем не был стеснен рамками своей программы и тем самым явился до известной степени выдающимся для того времени общественным явлением. Однако вынесенные съездом разнообразные резолюции, из которых, впрочем, многие имели лишь отдаленное отношение к кустарным промыслам, как, например, отмена телесных наказаний, остались на бумаге и никаких конкретных последствий не имели.

Столь же бесплодна по своим результатам была другая попытка Ермолова привлечь общественные силы к сотрудничеству с управляемым им министерством, а именно образование при министерстве сельскохозяйственного совета. На ежегодные сессии этого совета, продолжавшиеся около двух недель, Ермоловым приглашались общественные деятели и известные сельские хозяева, но и это учреждение ничего не дало ни Ермолову, ни делу и постепенно, как все начинания Ермолова, сошло на нет.

Само собой разумеется, что если Витте принадлежал к числу министров, терроризовавших некоторых членов Государственного совета, то, наоборот, Ермолов принадлежал к числу ищущих у них защиты и опоры. По отношению к нему те самые члены Совета, которые не решались возражать на самые резкие выходки Витте, держали себя покровительственно и дружески журили его за будто бы недостаточную разработанность вносимых им проектов, причем в особенности доставалось их редакции, которая действительно хромала. Дело дошло даже до того, что Ермолов взял к себе в товарищи в 1898 г. статс-секретаря Департамента законов Государственного совета барона Иксуль-фон-Гильденбандта в качестве испытанного редактора, вполне знакомого с принятой в Государственном совете законодательной техникой. Назначение это было весьма странное. Иксуль

ни об одном из вопросов, ведавшихся Министерством земледелия, понятия не имел, а свои познания в сельском хозяйстве самопределалял, говоря, что и картофель-то он видал только в кушанье. Редакция законопроектов Ермолова при сотрудничестве Иксуля стала, быть может, лучше, но результат остался прежний: под всеильными ударами Витте они лишались всякого внутреннего содержания и служили лишь для приумножения нашего бумажного законодательства.

По своим политическим взглядам Ермолов, несомненно, принадлежал к либеральному лагерю. В бурные дни конца 1905 г. он даже настолько расхрабрился, что за довольно многолюдным ужином общественного характера демонстративно чокнулся с лицом, предложившим тост за введение в России демократической конституции, причем лицом этим была известная актриса императорских театров М.Г. Савина; правда, что в то время Ермолов перестал быть министром, превратившись в рядового члена Государственного совета.

В заключение не могу не привести анекдота про Ермолова, рассказанного им самим, достаточно для него характерного. Отправился однажды Ермолов на Страстной неделе исповедоваться в Исаакиевский собор, причем по своей скромности стал в хвост всегда многочисленных в это время исповедников. Священник, по присущей им всем любознательности, спросил его на исповеди, чем он занимается, и на ответ, что он служит в Министерстве земледелия, пожелал узнать, какую должность он занимает. Ермолов не счел возможным на исповеди уклониться от правдивого ответа. «Как вам не стыдно, — грозно сказал ему священник, — пришли исповедоваться, а сами так нагло врете, ну кто может поверить, что вы министр».

Батюшка, по существу, был прав, не только по внешнему облику не был Ермолов министром, но не был он им и по существу. Прекрасный, честный человек, трудолюбивый и даже ученый кабинетный работник, Ермолов мог быть мужем совета, но мужем дела он не был и быть не мог.

Глава 5 Министр внутренних дел Иван Логгинович Горемыкин

В семилетие —1894—1902 гг. перед Государственным советом, если не считать унаследованного от прошлого царствования, но вскоре назначенного председателем Комитета министров И.Н. Дурново, прошли два министра внутренних дел — И.Л. Горемыкин и сменивший его осенью 1899 г. Сипягин. Первый из них, Горемыкин, известен преимущественно как

двукратный председатель Совета министров при существовании у нас представительных учреждений. Но Горемыкин до 1905 г. и после него в

отношении высказывавшихся им политических взглядов представляет в значительной степени два разных лица.

Прослужив в течение долгих лет в Сенате, правда не по судебному, а по 2-му, так называемому крестьянскому, департаменту, Горемыкин невольно впитал в себя приверженность к законности и отрицательное отношение к административному произволу. По природе, несомненно, умный, тонкий и вдумчивый, с заметной склонностью к философскому умозрению, он считался при назначении министром внутренних дел не только в либеральном лагере, так как по личным связям принадлежал к либеральному сенаторскому кружку, но даже сторонником, конечно платоническим, толстовского учения. Но выдающейся чертой характера Горемыкина и его умственного настроения, чертой, с годами все больше в нем развивавшейся, было ничем невозмутимое спокойствие, очень близко граничившее с равнодушием. Именно этой чертой, надо полагать, объяснялась и некоторая его склонность к учению Толстого о непротивлении злу. *Laissez faire, laissez passer*⁵³ — вот что было, в сущности, его лозунгом, а основным правилом в жизни — *Quieta non movere*. Не трогайте, не делайте ничего — само все устроится, все «образуется» — вот к чему сводилось его основное жизненное правило и чему научил его служебный жизненный опыт. Любимым, постоянно им повторяемым выражением было «все пустяки», что обозначало — не надо горячиться, не надо волноваться, [следует] спокойно ожидать, чтобы события и время сами лишили вопрос дня его остроты. Тогда само все устроится — зрелый плод от одного прикосновения свалится вам в руки либо сгниет и тем самым просто исчезнет.

К такому образу действия, а вернее, к такому бездействию побуждало Горемыкина и другое его свойство — присущая ему в высокой степени лень. Это не была лень мысли, ум его постоянно работал и тонко разбирался в окружающей обстановке, а лень всякого «дела»; впрочем, это даже не была лень в точном смысле слова, а очень близкое к этому свойству — опасение всякого беспокойства, опасение чем-либо нарушить свой покой. Глубокий эгоист и при этом сибарит, очень ценивший комфорт во всех его видах, Горемыкин как-то инстинктивно избегал всего, что могло бы повлиять на спокойное, размеренное, вперед тщательно рассчитанное и приуготовленное течение его жизни.

Свои личные дела Горемыкин вел превосходно. Будучи безусловно честным человеком, он, однако, составил себе к концу жизни прекрасное состояние исключительно бережливостью и хозяйственностью* и умением использовать все свои обширные связи и знакомства, не прибегая при этом к предосудительным средствам.

Вообще, людьми Горемыкин умел пользоваться превосходно, умел подбирать полезных для себя сотрудников и использовать знания и

способности каждого в полной мере, умел, как говорится, чужими руками жар загребать. Широкого размаха у него не было и в помине, щедростью он отнюдь не отличался, и даже благодарности за оказанные ему услуги не испытывал, а за исключением близких ему лиц, т.е. собственно семьи в самом тесном смысле слова, едва ли кого-либо любил. Политику свою он строил преимущественно на собственных, а не на государственных интересах, а при столкновении этих двух интересов отдавал предпочтение собственным. Основывал же он свою даже государственную политику на глубоко продуманных, всесторонне и тонко рассчитанных, но маленьких средствах.

К человечеству он питал такое же презрение, как и Витте, но у Витте это презрение сказывалось в его отношении к отдельной конкретной личности, с которой ему приходилось иметь дело и на худших струнах которой он неизменно желал играть. К человечеству как целому, в особенности к русскому народу, он не относился безразлично и прилагал все усилия к улучшению его положения, в особенности же к возвеличению России. Словом, Витте был патриотом, убежденным и горячим. У Горемыкина презрение к человечеству принимало иную форму и выражалось главным образом в индифферентизме. В соответствии с этим власть для Витте имела значение не сама по себе и даже не как способ удовлетворить свое честолюбие и тем не менее обеспечить свое материальное положение**>; она ему была нужна для применения к делу его кипучей энергии, его огромных, несомненно, творческих сил. Власть для Горемыкина в этом отношении была не важна, и имела она значение преимущественно ради того значения и того материального довольства, того комфорта, которые она ему доставляла. Такая сравнительно мелочь, как пользование казенной квартирой, для Горемыкина имела огромное значение. Для сохранения власти Витте мало перед чем останавливался, но отказаться ради нее от живой деятельности, от проявления своей воли и осуществления своих мыслей он даже если бы в уме и решил, то на практике осуществить бы не мог. Стремился к сохранению власти, а при утрате ее — к возвращению к ней всемерно и Горемыкин; однако к средствам, практикуемым Витте, не прибегал. Присущее Горемыкину джентльменство не позволяло ему действовать через тех темных личностей, содействием которых не пренебрегал и не брезгал Витте. Чужда была Горемыкину широко практиковавшаяся Витте система создания сторонников путем подкупа. Но зато, достигнув власти, все склоняло Горемыкина к бездеятельности или, по крайней мере, к медлительности и осторожности. В каждом новом возбуждаемом вопросе он видел прежде всего те неприятности, которые при его разрешении могут для него возникнуть, то беспокойство, которое он может ему причинить. Подходил он к каждому вопросу ввиду этого с величайшей осторожностью, и если не мог или не считал почему-либо для себя выгодным его просто обойти или спихнуть, то принимался за его разрешение с нарочитой медлительностью, стремясь взять его измором, так сказать, тихой сапой, предварительно

обеспечив сочувствие к предположенному его разрешению среди нужных для него лиц, а в особенности самых верхов.

** Основанием состоянию Горемыкина послужил изданный им сборник кассационных решений 2-го департамента Сената, обер-прокурором которого он состоял в течение нескольких лет. Сборник этот, необходимый для всех крестьянских учреждений империи, выдержал несколько изданий, причем новые издания пополнялись позднейшими решениями Сената, что вынуждало лиц, связанных с крестьянским делом, приобретать новые экземпляры сборника, что, в свою очередь обеспечивало постоянный, непрекращающийся сбыт его.*

*** В частной жизни Витте проявлял ту же широту размаха, как и в своей государственной деятельности, и тратил большие деньги, но сибаритом Витте не был, и деньги для него никогда не были целью, а лишь средством, но средством необходимым; стеснять себя в чем-либо Витте не был в состоянии.*

Тихонько, сидя у себя в кабинете в покойном кресле, обдумывал Горемыкин свои ходы и затем нередко составлял имевшие у него особое назначение записки. К составлению таких записок он привлекал лиц, хорошо знающих предмет, причем предварительно набрасывал сам те выводы, к которым надлежало прийти, и те главные мотивы, которые надо было развить. При этом он неизменно требовал возвращения ему вместе с составленной запиской и его собственноручных набросков ее. Самую записку он затем тщательно рассматривал и всегда делал в ней некоторые изменения, так что автор никогда не знал, что, собственно, из его записки достигало назначения. Такими, в сущности, маленькими средствами он строил свою карьеру, и, устроив ими свою судьбу, он, по-видимому, думал, что ими же может обеспечить судьбу государства.

С общественным мнением Горемыкин, по крайней мере в бытность министром внутренних дел, по существу не считался, но идти против него, а тем более чем-либо его раздражать всячески избегал, и это все по той же причине — нежеланию нарушить не только свой, но и общественный покой. С земскими учреждениями, с которыми он сам был до известной степени связан, так как состоял в течение нескольких трехлетий уездным гласным Боровичского уезда, он стремился сохранить не только мирные, но даже дружественные отношения. Одной из мер его в этом направлении было увольнение от должности тверского губернатора П.Д. Ахлестышева, даже невзирая на то, что у Ахлестышева были большие связи и что, следовательно, его увольнение могло даже создать Горемыкину могущественных врагов в правом лагере. Ахлестышев принадлежал к той породе администраторов, про которых Тургенев говорил, что они страдают административным восторгом; носился он с своим званием, как с сырым яйцом, все боясь его как-нибудь

уронить, а с тверским земством стал в столь неприязненные отношения, что создал ему исключительное положение в общественном мнении. Достаточно сказать, что на смету тверского уездного земства, не помню на какой год, Ахлестышев предъявил 165 протестов. Тверское губернское земство, в сущности не отличавшееся от многих других, благодаря стараниям Ахлестышева приобрело особый ореол, а тверская губернская управа при нем почти постоянно состояла из лиц по назначению от правительства. Горемыкин вполне понял всю невыгодность такого положения для министра внутренних дел и, войдя в переговоры с представителями большинства тверского губернского земского собрания, добился от них выбора такого личного состава управы, который давал ему возможность его утвердить, не капитулируя явно перед оппозиционными правительству земскими людьми.

Такими частными мерами Горемыкин, однако, не ограничился, он, кроме того, остановил введение в действие получившего силу закона нового лечебного устава, по которому от земства фактически отнималось заведование содержимыми на земские средства больницами и приемными покоями.

Приостановил он и другие разрабатывавшиеся в Министерстве внутренних дел предположения о сокращении компетенции земства и даже взял обратно представленный его предшественником в Государственный совет проект изъятия из ведения земства всего продовольственного дела.

Однако наиболее решительно проявил Горемыкин свое отношение к земским учреждениям по поводу представленного им в 1898 г. в Государственный совет проекта введения земств в западных губерниях, а также в губерниях восточных — Астраханской, Оренбургской и Ставропольской. В ответ на приведенный мною выше отзыв на этот проект Витте, в котором последний говорил, что «земство непригодное орудие управления», Горемыкин не без пафоса писал: «Основой действительной силы государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность; выработать в народе способность к самоустройству и самоопределению может только привычка к самоуправлению, развитие же бюрократии и правительственной опеки создает лишь обезличенные и бессвязные толпы населения, людскую пыль». На почве этого проекта и выраженных по его поводу суждений, по-видимому, и удалось Витте поколебать доверие к нему государя.

Желание Горемыкина использовать общественные силы для обеспечения при их помощи местных потребностей и сознание необходимости развития местной самодеятельности и воспитания культурных слоев населения в целях их постепенного приобщения к работе государственной были использованы Витте для внушения государю, что Горемыкин стремится к ограничению прав монарха, к введению в России конституции. По существу это было

совершенно неверно. Существовавший в России государственный строй Горемыкин почитал совершенно незыблемым и, по-видимому, не предвидел не только его возможного крушения, но даже постепенной эволюции. Насколько в нем крепко было это убеждение, можно судить по тому, как он отнесся к мнению, высказанному ему королем греческим Георгом, которого он посетил при плавании в 1908 г. по Средиземному морю на яхте небезызвестного миллионера, грека по происхождению, англичанина по подданству, Захарова (Горемыкин, как я уже упомянул, умел заводить приятные знакомства и ими при случае пользоваться). Король Георг сказал ему, что главное, как для России, так в особенности для благополучия царского дома, чтобы государь строго соблюдал конституцию, и при этом сослался на собственный пример. «Оставаясь на почве конституции, — сказал Георг, — я всегда совершенно спокоен за свою судьбу». Горемыкин приводил эти слова как пример полного незнакомства иностранцев с условиями России. «Что же он воображает, что русский император и король торговцев губками и коринкой — одно и то же. Власть русского царя тем сильнее, чем больше он ее проявляет» — вот как заканчивал свой рассказ Горемыкин.

Если Горемыкин не отличался энергией, то силой воли и упорством он, несомненно, обладал. Хорошо знакомый с техникой административного управления, он умел заставлять своих многочисленных подчиненных вполне точно исполнять сделанные им распоряжения и вообще согласовывать свой образ действий с данными им указаниями. Сам он всегда знал, чего хотел, и к раз намеченной цели шел осторожными, тихими, но верными шагами. Приступая к всякому действию неохотно и лишь после всестороннего его обдумания, он, остановившись на каком-либо решении, уже не испытывал колебаний и проводил его без всякой горячности, но решительно и настойчиво. При этом он не терял хладнокровия и самообладания ни при каких обстоятельствах. В этом отношении он тоже не был сходен с Витте, который при всей своей решимости и кипучей энергии не отличался непоколебимостью характера и исключительной силой воли. Чрезвычайные события нарушали внутреннее равновесие Витте, и он способен был при этом растеряться. С особой яркостью обнаружилось это различие между Горемыкиным и Витте в 1905 и 1906 гг.

При совокупности всех очерченных свойств и особенностей Горемыкина понятно, что четырехлетнее его управление Министерством внутренних дел ничем не отразилось на ходе дел в государстве и не оставило следов не только в стране, но и в самом министерстве. Между тем одним из мотивов назначения Горемыкина министром было желание двинуть давно назревший вопрос о реформе так называемого крестьянского законодательства, знатоком которого он не без основания признавался. С этой целью назначен он был в начале 1894 г. товарищем министра внутренних дел и, если мне память не изменяет, по его указаниям был составлен перечень вопросов,

касающихся крестьянского управления, которые должны были обсудить учрежденные еще в 1894 г. губернские совещания. Совещания эти, действовавшие под председательством губернаторов, имели в своем составе местных общественных деятелей (включенных в них по избранию администрации) и должны были закончить свои работы к весне 1896 г. Однако труды этих совещаний Горемыкин по назначении министром внутренних дел не использовал и вообще за все четыре года управления министерством лишь однажды собрал своих сотрудников для обсуждения крестьянского вопроса, причем не дал им никаких ни указаний, ни поручений и, побеседовав с ними часа два, ограничил этим всю свою деятельность в этой области.

Такое отношение к крестьянскому законодательству у Горемыкина было сознательное: он вполне постигал все те огромные трудности, которые были сопряжены с осуществлением какой-либо реформы в крестьянском деле, и все те препятствия и нападки, которые он неизбежно встретил бы при проектированном им в любом направлении пересмотре положений 19 февраля 1861 г. Препятствия и нападки эти неизбежно последовали бы, с одной стороны, либо от сторонников общины, либо из лагеря защитников личного землевладения, а с другой — либо из среды почитателей особого крестьянского управления и суда, либо от приверженцев всеобщего административного и общего судебного строя. Но идти на эти препятствия и неизбежные нападки значило по меньшей мере утратить спокойствие и рисковать своим положением. Ни то ни другое Горемыкина отнюдь не прельщало. К тому же сам он сохранял некоторую приверженность к народническому направлению 60-х годов, причем хвалился своим участием в проведении крестьянской реформы 1864 г. в Царстве Польском, где он занимал должность вице-губернатора. Его перу принадлежали очерки истории крестьян Польши⁵⁶, в которых он *passim* высказывался за политику государственной опеки над крестьянами. Им же в качестве одного из чиновников сенаторской ревизии Саратовской и Самарской губерний было произведено в 1880 г. исследование экономического быта и юридического положения местного крестьянства. Составленная им по этому поводу записка обладала, по заключавшимся в ней данным, серьезными достоинствами, но, собственно, сколько-нибудь определенных мер для улучшения положения крестьянства не заключала. Однако народническая жилка и в этой записке сквозила довольно ясно, а отзвуки ее, хотя уже слабые, сохранились в словах Горемыкина еще в 1905 г. Как ни на есть, в бытность министром внутренних дел Горемыкин, по-видимому, и по существу не усматривал особенной надобности в пересмотре положений 19 февраля 1861 г. Он, конечно, понимал, что положения эти устарели, но думал, что постепенно силою вещей и под напором жизни они сами отчасти отомрут, отчасти изменятся кассационными решениями Сената, как раз по тому департаменту, обер-прокурором которого он еще столь недавно состоял.

В таком отношении к крестьянскому вопросу, в сущности, отражался, как в фокусе, весь Горемыкин, все его мирозерцание, весь его умственный склад. Тишина и спокойствие — вот к чему надо прежде всего стремиться во всех областях. Усыплять общественное мнение, употребляя для этого в количестве неограниченном лавровишневые капли; не возбуждать каких-либо волнующих общественность вопросов; не принимать вызывающих критику мер; стремиться со всеми быть в ладу — вот к чему должна сводиться вся система внутренней политики, не исключавшая, однако, принятия в исключительных случаях мер решительных и бесповоротных.

Как ни однобока подобная политика, она, однако, была несравненно лучше той, которая у нас постоянно проводилась, а именно: много треску, бесконечные угрозы, беспрестанное раздражение общественности и окраин с их населением и полное отсутствие последовательности и настойчивости.

Избегая всяких крутых, а тем более острых вопросов, ясно, что Горемыкин ни с какими важными или хотя бы сложными законопроектами не выступал, а поэтому в Государственном совете почти не являлся. Вместе с тем он избегал принимать участие и в разыгрывавшихся в стенах Мариинского дворца междуведомственных пререканиях, благоразумно предпочитая быть лишь их сторонним свидетелем. Вообще, в вопросы, не касавшиеся его ведомства, он не вторгался, так как это могло также нарушить его столь им ценимый покой. При таких условиях политическую фигуру Горемыкина в Государственном совете определить было трудно или, вернее, невозможно. За сессии 1897—1898 и 1899 гг. припоминаю лишь его участие в рассмотрении департаментами новых штатов петербургской полиции или, вернее, образования полицейской конной стражи. Способ его защиты обсуждаемых предположений был совершенно своеобразный; самого проекта он совершенно не касался, да едва ли даже он его читал, а ограничился рассказом о том, что происходило на улицах Петербурга при незадолго перед тем состоявшемся приезде Президента Французской республики и как-то очень ловко и умно сумел придать сделанным им тогда распоряжениям либеральный характер, в смысле предоставления возможности населению принять свободное и широкое участие в чествовании высшего представителя демократической республики. Затем он незаметно перешел к общей внутренней политике, касаясь ее, однако, так сказать, с анекдотической стороны. При этом всем своим обращением и своей речью он как бы вводил членов Совета в закулисную сторону политики, словно вел с ними конфиденциальную беседу. Мерно поглаживая и расправляя свои пышные бакенбарды — любимый и постоянный жест, — он с добродушным видом и слегка прищуренными, лукаво смеющимися глазами как бы ставил себя на одну доску с рядовыми членами Государственного совета, превращал их в своих конфиденентов и сотрудников. Члены департаментов, имевшие почти постоянно дело лишь с товарищами министров, обычно заменявшими начальников ведомств, вообще очень

ценили участие в их суждениях самих министров. Принятый Горемыкиным тон и вся его речь, как бы дававшая просветы в самые тайники нашей внутренней политики, и, наконец, тот легкий либерализм, которым была подернута его речь, — все это как нельзя больше не только нравилось, но даже льстило членам Совета. В обсуждавшемся вопросе они, несомненно, в особенности сознавали свое подневольное положение и невозможность не согласиться с предположениями главного представителя административной власти в деле полицейской охраны царской резиденции. Легко и охотно сделанные Горемыкиным уступки по некоторым вызвавшим возражения подробностям проекта окончательно их прельстили: Горемыкин ушел из заседания под общий хор одобрительных о нем отзывов.

Горемыкин твердо знал правило фонвизинской придворной грамматики, согласно которому несколько полугласных подчас сильнее и могут одолеть одну гласную⁵⁸, и неизменно стремился завязать и сохранить хорошие отношения с лицами и маловлиятельными, но которые могут стать таковыми в любую минуту путем того или иного назначения.

Невзирая на все свое искусство лавировать в петербургских сферах, Горемыкин осенью 1899 г. во время своего отсутствия из Петербурга был заменен на должности министра внутренних дел Д.С. Сипягиным. Очевидно, что одно Горемыкин упустил из виду, а именно, что отсутствующие всегда виноваты; его увольнение было для него страшным ударом и притом совершенной неожиданностью; он узнал о своей отставке на русской границе при возвращении из Парижа.

Но что же, собственно, было причиной отставки Горемыкина? Установить определенно я не могу, скажу лишь, что та причина, которая в то время признавалась достоверной, а именно борьба Витте с Горемыкиным на почве отстаивания последним прав земских учреждений, едва ли по существу верна. Что такова была внешняя сторона этой борьбы, несомненно: именно к этому времени относится записка Витте о несовместимости местного земского самоуправления с самодержавным государственным строем. Однако, думается мне, что Витте избрал этот вопрос, так как именно он сулил ему наибольшие шансы успеха в деле отстранения Горемыкина от одной из важнейших отраслей правления. На деле же это была борьба двух противоположных характеров, а в особенности темпераментов. Витте был весь натиск и энергия, Горемыкин — олицетворением постепенности и медлительности при упорстве в столкновении с инакомыслящими. Действовать совместно эти два характера не могли, и более горячий противник, играя на охранении прав престола, победил рассудительного и по существу более преданного самодержавному строю кунктатора.

Глава 6 Министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин

Заместитель Горемыкина Д.С. Сипягин был типичным представителем старого русского барства, со взглядами которого совпадало и его представление о государственном управлении. Россия для него все еще представлялась вотчиной, которой должен отечески править русский царь. От природы ограниченного ума, он хотя и обладал дипломом высшего образования, однако и образованностью отнюдь не отличался. Бесконечная сложность назревших и вновь возникавших вопросов, связанных с дальнейшим развитием России, от него ускользала. Наравне со всеми он видел, что русский государственный корабль явно сбивается с пути, что сколько-нибудь определенного курса он не держит, а как-то безнадежно толкается в разные и притом иногда прямо противоположные стороны, но основные причины этого грозного явления были вне его понимания. Зло, по его мнению, состояло в особенности в том, что отдельные министры недостаточно оберегали царскую власть, причем этой же властью пользовались при проведении тех мер, которые расшатывали прочность самодержавия и уничтожали престиж его ставленников на местах.

Сущность своих взглядов в этом отношении Сипягин обнаружил еще до назначения министром, а именно за год до того, состоя главным управляющим собственной Его Величества канцелярией по принятию прошений. В составленной им тогда записке он проектировал установление в виде общего обязательного правила, чтобы министры все свои принципиальные меры и имеющие политический характер законодательные предположения, ранее испрошения царского согласия на их осуществление, передавали в управляемую им канцелярию, с тем чтобы главным управляющим этой канцелярией (т.е. он, Сипягин) докладывал их государю. Таким незатейливым путем он предполагал, что будет достигнуто единство государственной политики и уловлены зловредные покушения на расшатывание патриархально-самодержавного государственного и сословно-административного местного управления. Это до невероятности странное предположение, имевшее в виду не то воскрешение опричнины, не то учреждение в лице управляющего канцелярией должности *Eminence grise*, казалось Сипягину верным средством как для объединения деятельности отдельных министров, так и для обеспечения более близкого участия верховной власти в фактическом управлении государством. Сипягин при этом, очевидно, не отдавал себе отчета в том, что устанавливаемая им заставка с контрольным пунктом могла лишь явиться лишним тормозом для развития государства, но отнюдь не обеспечивала единства действий начальников отдельных ведомств, политика которых фактически сказывалась и отражалась на управлении не столько в силу тех или иных предполагаемых ими преобразований, сколько от суммы того множества единичных решений, которые они ежедневно принимали, и распоряжений, которые отдавали. Впрочем, в основе предположений Сипягина заключалась правильная мысль,

а именно, что в рамках самодержавного строя наладить на единый дружный лад высшее государственное управление, придать ему творческую силу можно было лишь путем образования однородного кабинета, возглавляемого одним лицом, ответственным перед престолом, но и обладающим властью по отношению к отдельным членам кабинета и лично их избирающим из среды своих единомышленников. Не имея возможности прямо высказать эту мысль и хорошо сознавая, что осуществление ее возможно лишь косвенным путем в каком-либо замаскированном виде, Сипягин решил провести эту контрабанду под ложным флагом. Причем он мог рассчитывать, что, сделавшись поначалу лишь контролером политической деятельности министров, он со временем силою вещей превратится в их руководителя, а затем и формально станет в их главе.

Проект Сипягина, разумеется, привел в ужас министров. Не только по личным соображениям не желали они пропускать через сипягинское сито свои предположения; они вполне понимали и государственную нелепость изобретенного им порядка. Между тем Сипягин, имевший обширные связи при дворе, уже успел получить предварительное одобрение своего проекта. Необходимо было, следовательно, пустить в ход все средства и нажать все пружины. Это и было сделано, причем прибегли к старому, испытанному способу провала нежелательных мер — учреждению особой комиссии для рассмотрения сипягинского проекта, с привлечением в состав комиссии лиц, облеченных в силу своей прежней государственной деятельности особым авторитетом. Комиссии этой стоило, однако, немало труда достигнуть своей цели. Затруднение состояло в том, что у комиссии не было уверенности, что ее заключения будут приняты, если автор проекта будет все же настаивать на благодетельности своих предположений. Совещанию удалось, однако, уговорить Сипягина самому отказаться от своего проекта, что и положило конец всему этому делу. Это, однако, не помешало тому, что Сипягин после назначения министром внутренних дел все же продолжал стремиться к осуществлению своей основной мысли и намерения — объединению всей министерской коллегии под своим главенством, но уже иными путями. Как бы то ни было, но назначенный министром внутренних дел Сипягин, конечно, тотчас взял обратно из Государственного совета представленный его предшественником проект распространения земского самоуправления на западные и некоторые восточные губернии, причем вознамерился построить свою политику на усилении значения дворянства как служилого сословия. При этом он обнаружил, однако, лишь свой изумительный дилетантизм. Избранный им для этого способ был наивен до чрезвычайности; состоял он в учреждении в составе Министерства внутренних дел особого департамента по делам дворянства. Соответствующий проект был им представлен в Государственный совет, причем он уже наметил и директора этого нового департамента — екатеринославского губернского предводителя А.П. Струкова, известного консервативностью своих взглядов, а в особенности преданностью идее упрочения за дворянством роли и значения коренного

служилого сословия. Осуществить этот проект ему, однако, не было суждено, так как Государственный совет до убийства Сипягина его не рассмотрел, а заменивший Сипягина Плеве взял его из Государственного совета обратно.

Наряду с этим Сипягин, занимавший в течение некоторого периода должность губернатора, носился с мыслью всемерного возвеличения этой должности и придания ей исключительного значения в общем правительственном аппарате. Начальники губерний в его представлении должны были быть не простыми администраторами, а местными представителями верховной власти, изображающими, подобно послам при иностранных державах, особу монарха. Надо сказать, что действующий закон, не в силу предоставленной им губернаторам фактической власти, а в части, определяющей характер их деятельности (так называемая Бибииковская инструкция, по имени министра внутренних дел времени Николая Павловича, ее составившего, и впоследствии введенная в положение о губернском управлении), давал для этого некоторую почву. Способ, к которому при этом прибег Сипягин, был, однако, столь же детский, как и избранный им в вопросе об увеличении значения дворянства: он убедил государя принимать приезжающих в Петербург губернаторов отдельно от других представляющихся лиц и выслушивать от них подробный доклад о состоянии вверенной им губернии и вообще о всех местных нуждах. Сипягин, по-видимому, однако, сам вскоре убедился, что получавшаяся при этом разногласия лишь усиливала общий хаос: по крайней мере, порядок этот продолжался недолго и Сипягин не стремился его восстановить.

Что же касается управления министерством, то он понимал его тоже своеобразно. В министре внутренних дел он видел всероссийского губернатора. Не охватывая в должной мере вопросов общегосударственных, он поневоле вдавался во все мелочи управления, причем, по-видимому, был убежден, что может, сидя в своем кабинете на Фонтанке, деятельно участвовать в разрешении всех местных дел. Время свое он посвящал ввиду этого преимущественно продолжительным беседам с приезжавшими в Петербург представителями местной администрации. Завел он при этом любопытный порядок, а именно: каждый прибывавший в столицу губернатор должен был до приема его Сипягиным представить список тех вопросов, по которым он намерен был говорить с министром. Заключавшиеся в этом списке вопросы распределялись между соответствующими той отрасли управления, которой они касались, департаментами, с тем чтобы последними были составлены подробные по каждому вопросу справки. По получении этих справок и внимательного их изучения Сипягин принимал прибывшего губернатора и часами с ним беседовал по поводу какого-нибудь моста, необходимого, по мнению губернатора, для какой-либо местности управляемой им губернии или какого-нибудь перешедшего в Сенат, вследствие поданной на него жалобы, решения губернского присутствия или присутствия по земским и городским делам. Разговоры эти в огромном

большинстве случаев не только были бесплодны, но и не могли быть иными по многим вполне понятным, казалось бы, причинам. Но это, однако, не влияло на Сипягина, и этой системы он держался все время управления министерством, причем количество требовавшихся справок все увеличивалось. Дошло до того, что в департаментах почти все дело сводилось к составлению справок, составлению всегда спешному, но очень подробному. Ходячей шуткой между чиновниками некоторых департаментов было называть министерство конторой Капаныгина (бывшее в то время бюро в Петербурге по получению справок о сдающихся квартирах). Немудрено, что при таких условиях никаких мер общего характера, связанных в большинстве случаев с необходимостью издания новых законов, министерством не разрабатывалось, а тем более не осуществлялось. В сущности, даже решение текущих дел фактически перешло к товарищам министра, причем была учреждена новая третья должность товарища министра внутренних дел, на которую был назначен занимавший в то время должность товарища государственного секретаря А.С. Стишинский. Одновременно взамен состоявшего при Горемыкине товарищем м[инист]ра барона Иксуль-фон-Гильденбандта он избрал П.Н. Дурново, бывшего в царствование Александра III директором департамента полиции, а со времени увольнения от этой должности находившегося в Сенате по его 1-му (административному) департаменту. С назначением этих лиц, в определенно консервативных взглядах которых Сипягин был вполне уверен, важнейшей частью министерства бесконтрольно правил Дурново, а частью, подведомственной Стишинскому, а именно крестьянскими учреждениями, — никто.

Прекраснейший и честнейший человек, чуждый всякой интриги, душою преданный делу и отличающийся необыкновенной добросовестностью и трудолюбием, Стишинский был органически не способен ни к какой власти.

Необходимо, однако, отметить, что при своей умственной ограниченности и малой образованности Сипягин обладал каким-то особенным внутренним чутьем (чего Витте, например, был в значительной мере лишен). Так, вернувшись из совершенной им в 1900 г. поездки по России, где он, однако, силою вещей видел лишь внешнюю показную сторону, кроме администрации и представителей лишь той части русской общественности, которая в общем в то время отнюдь не была охвачена революционными стремлениями, он, к немалому изумлению сопровождавших его чиновников министерства, определенно им заявил, что в России творится что-то неладное и нарождается революция. Замечательно, что Витте, вполне сознававший умственную ограниченность Сипягина, однако признавал за ним какой-то, как он выражался, «женский инстинкт». Однако инстинкта, хотя бы и женского, для управления Россией, очевидно, было недостаточно. Сознание, что «что-то в Дании подгнило», не давало еще возможности изобрести способ замены подгнившего крепким и здоровым.

В департаментах Государственного совета Сипягин появлялся редко, заменяя себя и там своими товарищами, а в те исключительные разы, когда появлялся, производил впечатление жалкое. Не обладая ни даром слова, ни логическим мышлением, ни знанием техники порученного ему дела, он беспомощно путался в своих объяснениях. Обстоятельство это, однако, не мешало тому, что вносимые им законопроекты, хотя и с разногласиями и урезками, все же благополучно принимались Советом, хотя многие из них отнюдь не нравились его членам. Так, при Сипягине было введено положение о земских начальниках в трех западных и трех северозападных губерниях; при нем же было передано все продовольственное дело от земских учреждений — крестьянским. Слишком было известно то влияние и благоволение, которым пользовался Сипягин, чтобы большинство членов Совета решалось идти против него. К тому же по многим вопросам у Сипягина был могущественный защитник в лице Витте. Так, именно Витте фактически провел в Государственном совете закон о передаче продовольственного дела земским начальникам и уездным съездам. Руководствовался при этом Витте, вероятно, надеждою, что с этой передачей уменьшатся периодически производимые ассигнования из казны на продовольственные нужды неурожайных местностей. Надо признать, что в ведении земских учреждений дело это было поставлено плохо, в особенности в отношении пополнения продовольственных сельских запасов крестьянскими обществами. Не обладая правом принять какие-нибудь принудительные меры по отношению к этим обществам, земские учреждения лишены были возможности понудить их к накоплению этих запасов.

Впрочем, Витте вообще вполне учел как значение Сипягина, так и возможность использовать его в своих целях. Небезынтересно бывало наблюдать, как Витте, взявши Сипягина под руку, расхаживал с ним по залам Мариинского дворца во время перерывов заседаний Государственного совета. Менее схожих между собой людей трудно было себе представить. Благообразный, невзирая на несколько баранье выражение лица, родовитый барин Сипягин с тщательно расчесанной бородой и в прекрасно сидящем на нем вицмундире и небрежный во всем своем внешнем виде, плебей по наружности, но заведомо умный Витте, казалось, не могли иметь ничего общего между собой. Не надо было поэтому обладать особой проницательностью, чтобы определить, что Витте пользуется свободной минутой, чтобы обработать по какому-нибудь делу своего далеко не бесхитростного коллегу. Тем не менее в известной мере это ему часто удавалось. Независимо от той поддержки, которой добивался Витте от Сипягина перед государем, он еще достигал от него таких общих распоряжений по Министерству внутренних дел, которые обеспечивали проведение на местах мероприятий по Министерству финансов. Так, например, Витте Добился при Сипягине иного отношения со стороны местной губернской и уездной администрации к податным инспекторам, нежели это было до него. Циркуляром Сипягина податные инспектора были

даже введены в состав административных присутствий уездных съездов по крестьянским делам на правах полноправных членов. Последнее, несомненно, отвечало пользе дела: личный состав податной инспекции, надо отдать справедливость Витте, набирался весьма тщательно и в общем был вполне удовлетворительный. Фабричная инспекция, которую губернская административная власть вообще недолго любила, была также до известной степени ограждена Витте через посредство Сипягина от вмешательства в ее действия общей полиции.

Находясь, несомненно, под влиянием Витте и исполняя многие из предположений последнего, Сипягин, однако, одновременно вел и свою определенную линию. Действительно, мысль объединить деятельность отдельных министерств, которую он хотел осуществить, как я уже сказал, еще будучи главноуправляющим собственной Его Величества канцелярией по принятию прошений, он отнюдь не оставил, но способ при этом уже был другой — а именно учреждение должности главы кабинета с подчинением ему в общих вопросах отдельных министров⁶³.

Несмотря на то что двухлетнее управление Сипягина Министерством внутренних дел не оставило следа в стране, ему удалось воздвигнуть себе памятник в виде перестроенного здания министерства на Фонтанке. Витте охотно ассигновал значительные суммы для этой цели, а за исполнением предприятия Сипягин наблюдал самолично. В соответствии с указаниями последнего в столовой был сделан сводчатый потолок, а стены отделаны в древнерусском стиле. Сипягин был хлебосольным и любезным хозяином; он любил хорошо поесть и попотчевать своих друзей отличным обедом; он был знаток кулинарии и большой ценитель русской старины во всех видах; и уж он не пожалел казенных денег для усовершенствования этого своего любимого обиталища. Художественные панели украсили стены столовой; на одной из них изображалось избрание на царство Михаила Федоровича Романова. И, весьма любопытно, на кожаной обивке стульев помещалась собственная монограмма Сипягина. Целью честолюбивых стремлений Сипягина было устроить там прием государя. В действительности в этом заключалась и первопричина всей затеи. Но вмешалась жестокая судьба. Сипягин был убит накануне того дня, когда он должен был дать обед государю. В своем великолепном дворце он прожил всего лишь несколько месяцев.

Распространенное предание гласит, что в этой самой комнате ему было дано знамение приближающейся трагедии. В тот день, когда он въезжал во дворец, тяжелая бронзовая люстра древнерусского стиля упала с потолка и разнесла в щепки накрытый для обеда стол. Говорили, что это происшествие глубоко огорчило Сипягина. Позже, после убийства Плеве, также занимавшего эту квартиру, широко распространилось убеждение, что этот дом приносит несчастье своим обитателям.

Вне ближайшего семейного круга, кажется, никто, за исключением одного Витте, не оплакивал его смерти. Витте не только лишился ценного помощника и ходатая перед государем, но также обрел в лице сменившего Сипягина Плеве серьезного и опасного противника, которому в конце концов и удалось его свергнуть.

Глава 7 Министр юстиции Николай Валерьянович Муравьев

Прочие, кроме обрисованных мною в предыдущих главах, министры описываемого времени редко утруждали Государственный совет своими сколько-нибудь крупными законодательными предположениями; не принимали они и деятельного участия при рассмотрении проектов других ведомств. Политическая физиономия их при таких условиях в пределах Мариинского дворца (поскольку он был занят Государственным советом, так как в нем же, занимая особое помещение, находился и Комитет министров) выступала лишь случайно и притом бледно. К тому же военно-морское законодательство проходило помимо Совета, а ежегодные сметы их были фактически забронированы. За исключением каких-нибудь случайных и незначительных ассигнований, расходы этих ведомств предварительно обсуждались в особых комиссиях и приходили в Государственный совет после состоявшегося уже соглашения с отпускавшим государственные средства ведомством, т.е. Министерством финансов, а потому Государственному совету не приходилось в этом деле играть роль той примирительной камеры, которой, как я уже сказал, он был по существу. Идти против состоявшегося соглашения значило идти против правительства вообще, и притом в области управления, а не законодательства. Но об этом Государственный совет не смел и помышлять.

Равным образом совершенно выходила из компетенции Государственного совета вся наша иностранная политика, в том числе и торговая; хотя таможенные договоры и проходили через него, но это было только формальностью. Министр иностранных дел, следовательно, тоже совершенно не зависел от Совета, а потому и сам в нем роли не играл. Не выступал с какими-либо проектами и протестами и Государственный контроль, ограничивая свои замечания чисто формальными соображениями, например, по вопросу об отнесении той или иной учреждаемой должности к тому или иному разряду по выслуживаемой на ней пенсии. Сменившиеся за описываемый период деятельности Совета министры народного просвещения (Боголепов и Ванновский) проявляли свою деятельность почти исключительно в порядке управления и в Государственном совете не высказывались и ничем особенным не выказывались. Министр путей сообщения кн. Хилков представлял, несомненно, несколько отличный тип self made man⁶⁴ — как известно, он начал свою карьеру машинистом в

Америке, — но, по-видимому, он был исключительно техником. Свои безусловно демократические взгляды он ничем в Совете не обнаруживал, кроме лишь того, что голосовал при разногласиях всегда с наиболее либеральным из сложившихся мнений.

Выдающуюся во всех отношениях фигуру представлял Н.В. Муравьев — министр юстиции. Опытный судебный деятель, занимавший, однако, лишь прокурорские должности, ученый, образованный, превосходный оратор, Муравьев отличался огромным честолюбием и в карьерных целях всегда прислушивался к настроению верхов и с ними согласовал свои действия. Так, в 1895 г., при открытии им в Ревеле новых судебных установлений он в согласии с намечавшимися тогда новыми веяниями произнес блестящую, привлекающую всеобщее внимание речь, в которой говорил, что под крыльями могучего русского орла есть место всем народностям. «В составе русского государства, — сказал он, — несть ни Еллина, ни Иудея». В том же 1895 г. при открытии им деятельности комиссии по пересмотру судебных уставов он с особой яркостью подчеркнул, что суд должен быть независим от всяких посторонних влияний. Со временем отношение его к этому вопросу, однако, изменилось и, думается мне, под влиянием как изменившихся настроений на верхах, так и страстного желания занять должность министра внутренних дел. Консервативные взгляды были при этом тогда обязательны, да он и по существу их разделял. Состоя министром юстиции, он понимал, что не может не быть сторонником законности и права, что перед судебным ведомством ему необходимо отстаивать судебскую независимость, если не от власти генерал-прокурора, которым он состоял по званию министра юстиции, то, по крайней мере, от администрации. Положение при этих условиях создавалось для него довольно сложное, и осторожный Муравьев выходил из него тем, что в дальнейшем избегал всяких сколько-нибудь ярких выступлений и вообще направил свою деятельность преимущественно к окончанию начатой еще в 1881 г. разработки нового уголовного уложения и необходимого в связи с изданием нового уложения переустройства судебных учреждений. Первое, а именно новое уложение, ему и удалось провести через все многочисленные обсуждавшие его комиссии. Государственным советом оно было рассмотрено в 1903 г. Второе же, связанное с изменением судебной компетенции земских начальников, он не довел, да и не мог довести до конца, так как для этого необходимо было соглашение с министром внутренних дел и притом явное обнаружение либо ярко консервативного, либо либерального направления, а это не входило в его виды. В результате получилось то, что утвержденное еще в 1903 г. новое уголовное уложение целиком никогда в действие приведено не было. Фактическое применение получило оно лишь в той части, которая касалась государственных преступлений. Была еще одна мера, которую провел Муравьев, и притом с некоторым треском, а именно отмену ссылки по судебным решениям с заменой ее тюремным заключением, а также и по приговорам сельских обществ по отношению к их членам, отбывавшим наказания за уголовные

преступления, с заменой ее полицейским надзором. По поводу этой меры, проходившей в Государственном совете в 1900 г., Муравьев произнес в Общем собрании Совета блестящую речь, в которой между прочим сказал: «Министр юстиции императора Николая II говорит — ссылка отменена». Это гордое заявление осталось только заявлением — фактически эта мера не уменьшила сколько-нибудь значительно число ежегодно ссылаемых в Сибирь.

Заканчивая эти беглые абрисы личностей некоторых министров русской империи за 1894—1902 гг., я не могу не сказать, что за некоторыми исключениями они были людьми, стоящими выше среднего уровня, причем большинство их было близко знакомо с порученным им делом и отдавало ему и свои помыслы, и свои силы. Если, взятые в совокупности, они все же оказались бессильными с пользой для страны управлять государственным кораблем, то преимущественно вследствие того, что корабль этот все больше превращался в безнадежно застрявший воз с впряженными в него лебедью, раком и щукой. Если по временам и оказывалась впряженной в него такая сила, которая почти парализовала взаимно уничтожающие друг друга усилия остальных стремящихся его везти, то и тогда не получались те результаты, которые были бы, действующая эта сила в других условиях и при другой обстановке. Именно такой силой был за семилетие, о котором идет Речь, СЮ. Витте; можно сказать, что период этот прошел под знаком Витте, и отрицать, что многое им было достигнуто, нельзя. Но, увы, не только достигнутое им было односторонне и тем самым в известной степени непрочно, но и способы, которыми он действовал, были сами по себе не только беспринципными, но и в высшей степени вредоносными, разрушительными. Они заключали в себе элемент развращения и разложения. Не без основания некоторые из противников Витте говорили, что все ему могут простить, за исключением лишь того, что он ввел в обиход управления такие приемы, которые вконец расшатали весь государственный аппарат. Для осуществления своих предположений представители высшей власти во все времена и во всех странах вынуждены прибегать кроме прямых открытых действий еще и к некоторой закулисной работе. Вопрос сводится лишь к тому, в чем заключается эта работа и насколько именно в ней находится центр тяжести и залог ее успеха. Витте систематически прибегал в этой работе к способам безнравственным и именно на них почти исключительно опирался. Но тем самым он поставил перед остальными представителями высшей власти дилемму: либо тоже, поскольку у них была для этого возможность, действовать коррупцией, либо знать, что их усилия плодотворно работать и вести страну по пути прогресса заранее обречены на неуспех: слишком уже Витте разжег аппетиты, слишком много развел он шныряющих за кулисами всевозможных акул. В конечном результате именно эти акулы, выплыв на поверхность, захватили власть, если не непосредственно, то через своих ставленников, что и привело к ее

окончательной гибели. На одного ли Витте падает ответственность за применявшийся разрушительный способ действия — другой вопрос.

Глава 8 Председатели департаментов и отдельные члены Государственного совета

Среди членов Государственного совета сколько-нибудь существенное, хотя все же ограниченное, влияние на основные черты нашей государственной политики, поскольку она отражалась в законодательстве, имели лишь председатели департаментов Государственного совета, причем их влияние зависело отчасти от того, что они одновременно, по своему званию, были членами Комитета министров. Голосами их в названном Комитете министры весьма дорожили, так как там они нередко играли решающую роль при постоянно возникающих между министрами пререканиях. Большинство голосов по обсуждаемому в Комитете вопросу часто зависело от того, на чью сторону склонятся их мнения. Само собою разумеется, что влияние председателей департаментов обнаруживалось преимущественно не на заседаниях этих департаментов, а за кулисами: министры раньше внесения в Государственный совет сколько-нибудь важных, а тем более спорных и политически острых законопроектов предварительно сговаривались с председателем того департамента, по которому должны были пройти эти проекты, и старались заручиться его сочувствием и содействием.

Председателями департаментов Государственного совета за взятый мною период были: Законов — М.Н. Островский, а затем с осени 1899 г. — Э.В. Фриш; Экономии — Д.М. Сольский; Духовных и гражданских дел до 1899 г. тот же упомянутый мною Фриш, а позднее — И.Я. Голубев; Промышленности, наук и торговли — по его утверждению в 1899 г. — Н.М. Чихачев. Из всех перечисленных лиц наибольшим влиянием пользовался Сольский, что происходило отчасти и вследствие того, что он был одновременно и председателем Финансового комитета, учреждения в законе не предусмотренного, но имевшего немалое значение, так как в нем предварительно обсуждались все важнейшие вопросы финансовой политики, в том числе и вопрос о совершении государственных займов и всех касающихся их условий.

Сольский был бюрократ старой школы, занимавший еще в царствование Александра II должность государственного контролера. Несомненный знаток финансовых проблем, обладавший огромным опытом во всех сметных вопросах, он нес при ежегодном прохождении государственной росписи через председательствуемый им департамент огромную работу и при рассмотрении отдельных частных сметы всегда мог привести к их решению в желательном для себя смысле. Возражать против высказанного

им мнения Министерство финансов никогда не решалось. По вопросам же существенным и основным Витте неизменно сам сговаривался с Сольским, причем ему обыкновенно удавалось заручиться его содействием.

К старой школе принадлежал и Островский, бывший министром государственных имуществ в течение почти всего царствования Александра III. Литературно образованный (он был единокровным братом писателя Островского) и весьма добросовестный работник, он искренне желал принести пользу на всех занимаемых им должностях, причем отличался безусловной честностью. Однако широким государственным умом он не был наделен, а творческими способностями не обладал вовсе. Пройдя в молодости через суровую жизненную школу и пробив себе дорогу упорным трудом, притом еще в то время, когда мнение начальства признавалось непреложным, он, с одной стороны, чрезвычайно дорожил достигнутым им положением, а с другой, сохранил до конца дней своих какое-то инстинктивное уважение к мнению лиц, обладающих большой властью. Все это заставляло его быть крайне осторожным в своих действиях и избегать столкновения с лицами, могущими ему повредить.

По отношению к Витте осторожность Островского была сугубая, тем более что в экономических и специально финансовых вопросах он разбирался с большим трудом и сам вполне это сознавал. Припоминаю, как он искренне мучился, когда зимой 1898 г. ему пришлось участвовать в бывшем под личным председательством государя особом совещании для рассмотрения представленной Витте и упомянутой мною выше записки по вопросу о привлечении в Россию иностранных капиталов. Часть членов комитета относилась к эксплуатации иностранным капиталом природных русских богатств несочувственно. Получив записку Витте, Островский обратился к лицам, которым он доверял в отношении их знакомства с экономическими вопросами. Лица эти оказались принадлежащими к числу противников прилива в Россию иностранных капиталов, и им не стоило большого труда убедить в этом Островского. Но тут возникло другое затруднение. «Хорошо, — говорил Островский, — вы меня убедили, но как я могу спорить по этому вопросу с Витте. Вот вы дали мне ряд мотивов и даже изложили их на письме — я, конечно, могу ими воспользоваться. Но ведь ни вы, ни я не знаем, что мне на эти мотивы возразит Витте; где я найду контрвозражения, ведь вас за мной не будет. А к тому же Витте способен привести не только мотивы, но еще и факты. Ну как я разберусь в этом?» Ответить на это было, разумеется, трудно. И тем не менее после многих колебаний Островский все же решился, конечно, весьма мягко и стараясь обойти всю чисто экономическую сторону вопроса, возразить Витте*. В результате, кстати сказать, желание Витте не было исполнено. Комитету министров было предоставлено и впредь «иметь свободное суждение» по всем подлежащим его разрешению вопросам, связанным с вопросом о водворении в России иностранных капиталов.

Не могу не сказать, что положение Островского было отнюдь не единичным. Малое знакомство с экономическими вопросами было присуще большинству наших государственных деятелей, получивших образование и даже близко стоявших к управлению страной в конце прошлого века. Ведь, в сущности, до появления Витте (поневоле приходится вновь и вновь к нему возвращаться) никакой экономической политики в России не было, а все финансовые вопросы сводились к стремлению свести без дефицита государственную роспись доходов и расходов, причем средство для этого было одно — изыскание новых и увеличение старых налогов. О повышении материальных средств населения, об увеличении не государственного в узком смысле слова, а народного богатства почти никто не помышлял. Экономические вопросы при таких условиях мало интересовали чиновничий мир, так как с ними они никогда не приходили в соприкосновение. Понятно, что с ними не был знаком и Островский, хотя долгие годы служил в Государственном контроле, где был деятельным сотрудником создателя нашего контроля — Татаринова, а затем в течение с лишком десяти лет управлял Министерством государственных имуществ, на попечении которого состояло, или, вернее, должно было состоять, все наше сельское хозяйство.

** Решился на это выступление Островский после того, как его посетил посланный к нему Витте для его склонения на свою сторону В.И. Ковалевский, бывший в то время директором одного из департаментов Министерства финансов. Ему, как лицу, стоящему ниже его по служебному рангу, Островский, не опасаясь, определенно изложил те мотивы, которые заставляют его колебаться присоединиться к мнению Витте. К удивлению Островского, Ковалевский не только не возражал на приведенные ему доводы, но заявил, что он их сам вполне разделяет, причем может лишь выразить свое удивление тому, насколько Островский близко знаком с данным вопросом. Этот маленький случай может тоже служить иллюстрацией несогласованности действий отдельных частей того механизма, который в общем составлял русский государственный аппарат.*

Кроме односторонности своих познаний Островскому за описываемое время существенно мешало плодотворно работать крайне болезненное состояние. Через силу, принимая величайшие предосторожности, он все же продолжал являться в Государственный совет, болезненно цепляясь за свою должность, которую ему и удалось сохранить до самой смерти. Вообще, в этом отношении на посторонний взгляд Государственный совет должен был производить по меньшей мере странное впечатление: с одной стороны, Сольский, давно лишившийся свободного употребления ног и с трудом передвигавшийся при помощи двух палок, с другой — Островский, сидевший во время заседаний отгороженным от окон, снабженных, однако,

тройными рамами с внутренним между ними отоплением, плотной высокой ширмой.

Председатель Департамента духовных и гражданских дел Фриш — юрист, законник, тоже весьма добросовестный работник — производил впечатление формалиста-чиновника, отнюдь не возвышающегося над средним уровнем умеренно умного и умеренно образованного человека. Я, впрочем, не имел случая сколько-нибудь [близко его] наблюдать, а потому не в состоянии дать хотя бы его силуэт.

Совершенно иной тип представлял, во всяком случае, адмирал Чихачев, бывший одно время морским министром, но известный в особенности как делец, учредитель и организатор Русского общества пароходства и торговли⁶⁵, нашего самого крупного пароходного предприятия, председателем правления которого он одно время состоял, и, наконец, как человек, много содействовавший оживлению северных берегов Черного моря, в том числе и Южного берега Крыма. Экономистом он, конечно, тоже не был, но практиком в торговых и промышленных делах был выдающимся. К сожалению, ко времени назначения председателем департамента государственного совета он уже в значительной степени утратил энергию и работоспособность и по многим вопросам послушно шел на поводу своего докладчика — статс-секретаря департамента Д.А.Философова.

Чихачев принадлежал к либеральному лагерю Государственного совета, причем во все времена был определенным, отнюдь не скрывавшим этого юдофилом. Председатель в смысле умения вести заседание и руководить прениями он был слабый.

Заменивший Фриша на председательском кресле Департамента духовных и гражданских дел И.Я. Голубев был выдающийся юрист, причем отличался он необыкновенной типичностью. Лишенный всякой растительности на лице с запечатленным на нем определенно скопческим, старушечьим выражением, Голубев еще до назначения председателем департамента был несомненно самым добросовестным и самым трудолюбивым членом Государственного совета. Не было того проекта закона, которого бы он не изучил во всех подробностях, и не было того проекта журнала департаментов, которого бы он тщательно не прочитал и не высказал на письме своих замечаний на него. По специальности цивилист, он вникал, однако, решительно во все вопросы и голосовал по каждому из них вполне сознательно. Замечания его весьма не только дельные, но и существенные, когда они касались вопросов гражданского права, приобретали, однако, мелочный характер едва ли не по всем остальным. К редакции законов он относился с придирчивостью. Примером может служить его замечание по поводу одной из статей положения о мерах и весах, в которой было сказано, что меры жидкости должны иметь «форму тел вращения». Невзирая на повторные заявления

Менделеева, что он не может найти другого определения для круглых сосудов, могущих иметь различный диаметр в разных своих плоскостях, Голубев все же настойчиво утверждал, что с определением, помещенным в проекте закона, как недостаточно ясным, он согласиться не может и журнала до подыскания другого определения подписать не желает; и он поставил на своем: было найдено другое определение, его удовлетворившее (было ли оно яснее, другой вопрос), а именно, что сосуды эти должны иметь в «горизонтальном сечении форму круга». Недаром бывший в то время государственным секретарем Плеве с обычным ему сарказмом называл Голубева почетным помощником статс-секретаря Государственного совета.

Впоследствии Голубев был председателем Департамента духовных и гражданских дел, а в обновленном Государственном совете занимал в течение многих лет должность вице-председателя, причем отличался прежним тщательным изучением рассматривавшихся проектов и умелой, когда он председательствовал, постановкой вопросов при прохождении сложных и вызывавших наибольшее количество поправок законоположений. В смысле политическом Голубев представлял весьма любопытную смесь типичного формалиста-чиновника и одновременно либерала судейского типа. При старом строе, когда он еще представлялся непоколебимым, Голубев в высшей степени соблюдал чиновничество и сам был послушным исполнителем указаний свыше. Дорожил он при этом до крайности благоволением свыше, причем обнаруживал временами мелочное честолюбие. Но по мере того, как старый строй стал обнаруживать признаки недолговечности, а общественность, наоборот, признаки нарастающей силы, Голубев, отнюдь не упуская случая по-прежнему выказывать преданность престолу, стал стремиться завербовать и сочувствие общественных элементов. Так, председательствуя в обновленном Государственном совете, он умел так вести заседания, что с внешней стороны, по крайней мере, члены Государственного совета были убеждены, что свободе их суждений не будет поставлено никаких строго не обоснованных преград. Достигал он этого способом чрезвычайно простым, а именно посредством предварительных переговоров с лидерами оппозиции. В этих переговорах Голубев говорил всегда и непременно одно и то же, а именно, что он-то был бы рад дать им полную свободу высказаться, и даже даст им эту свободу, но что это приведет к его устранению от должности вице-председателя Государственного совета, что им же едва ли будет выгодно. Однако в последние месяцы существования старого строя, а именно в декабре 1916 г. и январе 1917 г., Голубев вдруг обнаружил немалую долю гражданского мужества. По некоторым вопросам он сам вперед предупреждал оппозиционных членов Государственного совета, что критика с их стороны ныне вполне своевременна. Правда, что он же, не прерывая ораторов в их речах, затем устранял из стенограммы речи то, что могло вызвать на него нарекания в смысле попустительства. Делал он это, однако, всегда после переговоров с говорившими и получения их на то согласия. Немудрено, что

Голубев пользовался при таких условиях, в особенности среди выборных членов Государственного совета, популярностью и особым уважением. После Февральской революции 1917 г. оно выразилось в составлении этими членами денежного фонда имени Голубева для выдачи из него стипендий по какому-либо учебному по выбору самого Голубева заведению. Старика, доживавшего свои последние дни, — он умер несколько месяцев спустя — оказанное ему внимание, по-видимому, чрезвычайно тронуло. Прибывшим на его квартиру для поднесения этого фонда членам Совета он при этом по поводу происшедших чрезвычайных событий высказал убеждение, что главной задачей является сохранение в России двухпалатной системы законодательных учреждений. Тут еще раз обнаружился весь Голубев со всеми особенностями его мышления. На Россию надвигалось величайшее из мыслимых испытаний: внутри ее расшатывала при помощи германских денег облекшаяся в мантию друзей пролетариата кучка фанатиков, окружившая толпой грабителей; на улице господствовала чернь; извне наседали могущественный враг, а Голубев, по собственному заявлению, изучал государственное устройство культурных стран и приходил к заключению, что спасение России состоит в сохранении в ней верхней законодательной палаты.

Несомненно интересные фигуры представляли в Государственном совете обломки прошлого, пережившие своих сверстников, деятели времен Александра II и начальных лет царствования Александра III. Среди них особенно выделялись гр. Пален и гр. Игнатьев.

Министр юстиции еще при введении судебных уставов Александра II, высоко державший знамя судейской независимости от всяких посторонних давлений и влияний, ревниво оберегавший нравственный престиж судейского звания и всемерно ввиду этого стремившийся к тщательному подбору личного состава судей и прокурорского надзора, Пален был чистокровным балтийцем и говорил по-русски с ярко выраженным, типично немецким акцентом*. Он был известен необыкновенной прямоотой характера и отличался безупречной, можно сказать рыцарской в лучшем смысле этого слова, честностью. Невзирая на свои весьма почтенные годы, он вполне сохранил ясность ума; говорил он, правда, редко, но всегда деловито и убедительно, умея в каждом вопросе сразу схватить сущность, и хотя на ломаном русском языке, но все же ясно высказать свое, чувствовалось, искреннее и чуждое всяких посторонних соображений, мнение. Назначенный осенью 1901 г. председателем учрежденного при Государственном совете особого присутствия для рассмотрения проекта нового уголовного уложения, Пален проявил, невзирая на свой возраст, необыкновенную работоспособность и деловитость. Работы этой комиссии, в состав которой были введены такие знатоки уголовного права, как Таганцев, Розинг и Дервиз, пошли совершенно необычайным темпом, и в 1903 г. выработанный

комиссией проект уголовного уложения был утвержден, разумеется, без изменений Общим собранием Государственного совета.

Министр внутренних дел начала царствования Александра III, покинувший этот пост после провала его предположений о созыве земского собора; предположений, клонящихся если не к конституции, то, по крайней мере, к созданию эмбриона ее, гр. Н.П. Игнатьев был в некоторых отношениях прямой противоположностью Палена. Умный, тонкий и весьма хитрый, он был, несомненно, выдающийся дипломат и оказал огромные услуги России в бытность посланником в Пекине, при заключении весьма выгодного для нас Айгунского договора. Не менее значительна была его деятельность в качестве русского посла в Константинополе, где он сумел поднять на необыкновенную высоту престиж русского имени, причем сам пользовался исключительным авторитетом и обаянием. К описываемому времени он, однако, почти совсем удалился от всяких государственных дел, предавшись на склоне дней самым разнообразным аферам, совершенно в конечном результате его разорившим. В прениях Совета он участвовал редко, причем определенностью своих заявлений не отличался.

** О немецком акценте Палена и способе его выражаться на русском языке ходило множество анекдотов; так, между прочим утверждали, что однажды какому-то явившемуся к нему просителю, находившемуся в крайне удрученном состоянии, он участливо сказал: «Оботритесь духами», что должно было обозначать «ободритесь духом». О впечатлении, произведенном этим заявлением на просителя, анекдот не повествует.*

Живым памятником старины являлся также П.П. Семенов-Тянь-Шанский, еще участвовавший, несмотря на свой возраст, в работах департаментов Совета. Бывший при подготовке реформы 19 февраля 1861 г. личным секретарем первого председателя редакционной комиссии Я.И. Ростовцева и принимавший до конца участие в работах этой комиссии, Семенов считал себя хранителем заветов творцов крестьянской реформы и с жаром отстаивал положения 19 февраля во всей их полноте. Земельная община с ее периодическими переделами была для него святыней, прикасаться к которой могли лишь враги России. Интересным Семенов был, однако, лишь вне стен Мариинского дворца, когда он в частной беседе рассказывал с каким-то особым благоговением об эпохе великой реформы и живыми красками рисовал личности ее творцов.

К деятелям прежнего времени несомненно принадлежал военный министр в течение всего царствования Александра III, П. С. Ванновский, хотя он и был на короткое время извлечен из архива назначением в 1901 г. министром народного просвещения. На этой должности Ванновский, как известно, ограничился провозглашением нелепой по существу, но оправдывавшейся характером предшествующей деятельности министерства, — «эры любви» в

школьном деле. Военный по недоразумению, он был, однако, хорошим организатором военного хозяйства, с педагогикой имел мало общего, хотя некогда и работал в области военного образования.

Среди прежних деятелей упомяну в заключение еще про Е.А. Перетца, занимавшего некогда должность государственного секретаря. Типичный по наружности представитель чиновника-бюрократа времен Александра II с обязательными для того времени подстриженными бакенбардами и бритыми усами и подбородком, Перетц был прекрасным оратором. Речь его отличалась не только плавностью и тщательностью отделки, но неизменно заключала какие-либо отвлеченные принципы, изложенные не без притязания на ученость и, во всяком случае, на широкие государственные взгляды. Наравне с другими обломками старины выступал он, однако, редко.

Если перечисленные лица не принимали постоянного участия в занятиях Совета и вообще не оказывали на них сколько-нибудь существенного влияния, то все же их значение не было ими вполне утрачено, но проявлялось оно спорадически и притом вне их прямой компетенции в качестве членов Государственного совета. Значение их состояло в том, что они, наравне с некоторыми другими лицами, привлекались для более или менее келейного предварительного обсуждения каких-либо исключительно важных или особо острых вопросов. Происходило это всего чаще, когда кому-либо из министров нужно было либо провести меру, встречавшую возражения влиятельных кругов, либо — и это в особенности — когда необходимо было провалить какое-либо вдруг возникшее, более или менее стороннее предположение. Испрашивалось в таких случаях рассмотреть данный вопрос в специально образованном совещании. Вот в эти совещания вводились как иконы прежние заслуженные деятели, а затем министры опирались на их «испытанный государственный ум и опыт» для достижения своей цели. Нельзя, однако, сказать, что такие совещания собирались для проведения каких-либо личных взглядов, а тем более выгод. Они чаще всего обуславливались необходимостью парализовать какое-либо постороннее влияние и предотвратить крупную государственную ошибку или явно невыгодную для государства аферу. В таких случаях министры временно забывали свои взаимные нелады для дружного отпора дилетантским затеям или покушениям авантюристов на казенный сундук.

В подобное совещание был передан приведенный мною выше проект Сипягина. Приведу для примера и другой случай другого свойства, а именно дело о составленном инженером Балинским проекте сооружения метрополитена в Петербурге⁶⁶. Проект этот был грандиозный — осуществление его требовало ни много ни мало как 380 миллионов рублей. О значительности этой суммы можно судить по тому, что заключавшиеся нами в ту эпоху государственные займы никогда не достигали такой суммы, не превышая обыкновенно 200 миллионов рублей. Между тем иностранные

капиталисты, согласные финансировать это предприятие, желали получить правительственную гарантию, не помню, в каком размере процентов на влагаемый в это дело ими капитал. Витте, разумеется, против этого восстал, но Балинский успел заручиться весьма солидными сторонниками, весьма разнообразного общественного положения. Его поддерживал состоявший с ним в дружеских отношениях Горемыкин, за него же усиленно ходатайствовала небезызвестная балерина Кшесинская. Через ее посредство проект Балинского получил предварительное одобрение свыше, выраженное в весьма решительной резолюции. Добился каким-то образом Балинский и сочувствия Сипягина, бывшего в то время министром внутренних дел. Провалить это дело при таких условиях Витте единолично не решился и прибег к испытанному средству — образованию особого при Государственном совете совещания под председательством Сельского. Совещание это не замедлило дать определенно отрицательный отзыв на представленный ему проект, высказавшись, однако, за оплату Балинскому расходов по составлению проекта в размере, если память мне не изменяет, 100 тысяч рублей. Проект Балинского представлял, однако, по-видимому, значительные достоинства. Судить об этом можно в особенности по тому, что иностранные капиталисты, после отказа в гарантии, выразили согласие на осуществление проекта и без казенной гарантии, при условии предоставления им права беспошлинного ввоза необходимых для сооружения метрополитена материалов и частей, но Витте и это признал (уже впоследствии единолично) недопустимым.

Ближайшему и притом нередко весьма тщательно во всех их подробностях обсуждению подвергались законопроекты в департаментах Государственного совета. Среди членов, заседавших в департаментах, имелись специалисты по всем главнейшим отраслям государственного управления, и отказать им в добросовестном изучении проектов и стремлении изменить их к лучшему отнюдь нельзя. По вопросам финансовым и экономическим такими специалистами за взятый мною период считались В.В. Верховский, Н.В. Шидловский и Ф.Г. Тернер.

Верховский — талантливый, речистый и даже блестящий в своих репликах — не был, однако, серьезным экономистом и принадлежал к категории дилетантов, слишком легко все схватывающих, так сказать, на лету, чтобы дать себе труд углубиться в серьезное изучение предмета. Он был известен в Совете как ярый противник Витте и его финансовой политики. Выделился он в этом отношении в особенности при рассмотрении Советом проекта о введении в России золотой валюты. Невзирая на то что он занимал в то время лишь должность товарища главноуправляющего учреждениями императрицы Марии — Протасова-Бахметьева — и собственно членом Государственного совета не состоял, ему тем не менее удалось, благодаря тому, что он постоянно заменял в Совете своего шефа, сплотить против проекта настолько значительную группу членов Совета, что Витте пришлось взять свой проект

из Государственного совета и затем провести эту меру непосредственно Высочайшим указом. В последние годы описываемого мною времени Верховский уже значительно сдал и, хотя по-прежнему возражал почти против всех мер, предлагавшихся Министерством финансов, уже не имел прежней энергии и, во всяком случае, не был лидером оппозиции против Витте. Его выступления понемногу все больше приобретали характер выпадов, а не серьезной критики.

Значительно менее талантливый и тоже не обладавший серьезными познаниями в области экономики — насколько помнится, он вообще имел лишь домашнее образование — Н.В. Шидловский отличался дотошностью и входил в тщательное рассмотрение всех подробностей проекта, вплоть до редакции его отдельных статей. Последнее объяснялось его прежней службой в Государственной канцелярии, где он был статс-секретарем одного из департаментов и благодаря этому близко знаком с законодательной техникой. Шидловский был также противником политики Витте, и представителям Министерства финансов в департаментах Совета приходилось постоянно вести с ним словесную полемику.

Более беспристрастным, можно сказать, бесстрастным участником прений по финансовым вопросам был Тернер. Бывший профессор Петербургского университета, перу которого принадлежало несколько небезынтересных исследований по экономическим вопросам, Тернер стремился подвергать ученому анализу отражающиеся на народной жизни проекты экономического либо финансового характера. От науки он, однако, уже к этому времени несколько отстал и вообще заметно устарел, так что большого впечатления своими речами не производил и значительным влиянием не пользовался.

Как бы то ни было, вопросы сметные и податные подвергались при участии как означенных, так и некоторых других лиц тщательному обсуждению, а касавшиеся их проекты испытывали значительные изменения в сторону их несомненного улучшения. Достаточно упомянуть в этом отношении утвержденное в 1898 г. положение о промысловом налоге, составлявшее первую попытку ввести у нас прогрессивное подоходное обложение, по крайней мере, в отношении крупных, обязанных публичной отчетностью предприятий.

По вопросам управления и вообще внутренней политики, а также по вопросам школьным и учебным наиболее видную роль играл А.А. Сабуров — министр народного просвещения в последние годы царствования Александра II. Являясь наиболее решительным и ярким представителем либерального течения в Государственном совете, он мало вдавался в подробности обсуждавшихся законопроектов, ограничиваясь обыкновенно критикой лишь наиболее реакционных его правил. Блеском речь его не отличалась — говорил он медленно и как-то вяло, причем избегал всяких

личных нападков и обостренных с кем-либо пререканий. Влияние Сабурова, а оно, несомненно, было, проявлялось преимущественно за кулиса ми, в «кулуарах» Государственного совета, где вообще обыкновенно происходили сговоры и соглашения между сторонниками отдельных мнений, в особенности же с представителями ведомств. Впрочем, либеральная оппозиция имела и частные совещания у себя по квартирам, конечно отнюдь не оформленные. Среди лиц, назначенных в полном составе тою же властью, не могло быть и речи об образовании чего-либо похожего на политическую партию, тем более стоящую в оппозиции к правительству.

Положение членов Совета, стремившихся отстаивать права общественности, было вообще очень трудное. Всякие попытки в этом направлении признавались в то время чуть что не революционными. Доходило это до такой степени, что когда однажды по обсуждавшемуся проекту земским учреждениям представлялось какое-то новое право (к сожалению, не припомню, какое именно), введенное в журнал департаментов указание на значение земских учреждений и вообще общественной инициативы было статс-секретарем департамента Философовым почти целиком исключено, хотя Философов сам был земским гласным и притом сторонником местного самоуправления. Если принять во внимание, что журналы департаментов Совета опубликованию отнюдь не подлежали и дальше Общего собрания Совета никуда не шли, а просто сдавались в архив, приведенный факт нельзя не признать красноречивым свидетельством больше чем боязливого отношения правительственных верхов к этой стороне государственной жизни.

Другим заметным членом либерального лагеря, также принимавшим деятельное участие в рассмотрении проектов, касавшихся управления, был кн. Л.Д. Вяземский, бывший ранее управляющим уделами, а перед тем атаманом уральского войска. Среди членов Совета Вяземский приобрел известность после испытанной им крупной неприятности. Ему был объявлен в приказе по Военному министерству высочайший выговор за вмешательство в распоряжения правительства, и одновременно он был устранен от участия в заседаниях Государственного совета на довольно продолжительное время за то, что при разгоне очередной, преимущественно студенческой, демонстрации у Казанского собора вступился в действия полиции и, пользуясь своим военным званием, оградил от казачьих нагаек нескольких курсисток⁶⁸.

Остальные, кроме поименованных, члены Государственного совета выступали, так сказать, спорадически, преимущественно по тем вопросам, которые были им ближе известны по их прежней службе, причем у некоторых были свои особые коньки. Так, например, И.И. Шамшин, состоявший председателем особой комиссии по разработке нового устава о службе гражданской, при образовании какого-либо нового

правительственного учреждения заявлял, что вопрос должен быть отложен впредь до утверждения разрабатываемого его комиссией устава, по правилам которого и должны быть определены штаты учреждаемых новых должностей в отношении присваиваемого им класса и разряда по выслуге пенсий. Предложение это, разумеется, отклонялось, что не мешало Шамшину вскорости вновь выступить с тем же заявлением. Так это продолжалось в течение многих лет, причем разрабатываемый Шамшиным устав не только никогда не увидел света, но даже не был внесен на рассмотрение ни старого Государственного совета, ни новых законодательных учреждений. Потребность же в нем несомненно была, так как установление нового, повышенного в соответствии с изменявшимися условиями жизни размера пенсий за службу было вопиющей необходимостью.

Несколько особое положение в Государственном совете занимали его члены прибалтийского происхождения. Наши немецкие бароны относились в общем хотя и добросовестно, но по существу довольно равнодушно ко всем законодательным предположениям, не затрагивавшим так или иначе Остзейских провинций. Но зато все, что сколько-нибудь задевало интересы этого края, а в особенности его дворянства, вызывало с их стороны чрезвычайно согласованную и деятельную работу. Старания их при этом не ограничивались защитой своих интересов в самом Государственном совете. Имея своих сородичей во всех ведомствах, и прежде всего в «сферах», они пускали в ход самые разнообразные пружины для достижения намеченной ими цели.

Одним из примеров умелого и ловкого охранения баронами своих интересов может служить дело о праве собственности местных дворянских обществ на так называемые прибалтийские дворянские имения. Имущества эти были переданы прибалтийским дворянским обществам в XVIII в. из состава государственных имуществ с тем, чтобы на доходы с них дворянство исполняло некоторые государственные повинности, как то: содержание местной полиции и т.п. Впоследствии от несения этих повинностей дворянство было освобождено с принятием расходов по ним на счет казны, однако самые имения оставались во владении дворянских обществ. В 1890 г. по поводу выдвинутого тогда вопроса о земельном устройстве поселенных на части этих имений крестьян, все еще остававшихся, можно сказать, в феодальных отношениях к владельцам имений, Министерство внутренних дел вынуждено было выяснить, кому же, собственно, принадлежит титул собственности на них — дворянству или государству. От этого зависело устройство поселенных на них крестьян, а именно: по правилам ли, относящимся к частным имениям, или по установленным для государственных имуществ. Если бы дело не касалось прибалтийского дворянства, то нет сомнения, что вопрос был бы разрешен самим министерством или, по крайней мере, им было бы сделано какое-нибудь определенное представление по этому спорному вопросу либо в Сенат, либо

в Государственный совет. Но дело касалось прибалтийских баронов, а потому и решить его так просто нельзя было и помыслить. Остановились ввиду этого все на том же способе — учреждении при Государственном совете особой для его разрешения комиссии. Председателем был назначен член Совета Герард, а в состав ее ввели представителей всех четырех прибалтийских дворянских обществ (четвертое — острова Эзель, имевшее особое от материковой части Эстляндской губернии дворянское общество). Вот тут-то и закипела работа у прибалтийцев. Первым их шагом была жалоба государственному секретарю на одного из чинов Государственной канцелярии, заведовавшего делопроизводством комиссии, за составление им юридической справки по делу. Из справки этой с очевидностью выяснялось, что спорный вопрос не может быть разрешен на почве права гражданского, а всецело относится к праву публичному, т.е. должен быть разрешен исключительно с точки зрения целесообразности, иначе говоря, что государство сохранило в полной мере право распоряжения спорными имуществами по своему усмотрению. Такая постановка дела, конечно, была не по шерстке прибалтийцам, а потому, и вполне оценивая значение делопроизводства при решении вопроса, они не замедлили приложить все старания к замене заведовавшего делопроизводством другим лицом, им вполне угодным. Действуя через своего сородича — товарища государственного секретаря — барона Ю.А. Иксуля, они указывали, что заведующий делопроизводством вышел из своей роли, позволив себе в разосланной членам комиссии справке предрешить ее заключение. Последнее было с формальной стороны неверно, ибо, наоборот, согласно справке, комиссия имела возможность разрешить вопрос по своему усмотрению; однако по существу справка, конечно, предрешала вопрос в смысле юридической принадлежности имений государству. Ход этот баронам не удался, так как злокозненная справка была разослана членам комиссии «по распоряжению» ее председателя. Тогда прибегли к другому способу — устроили, что в комиссию был введен в качестве знатока прибалтийского гражданского права (кстати сказать, никакого отношения к вопросу не имевшего) сенатор Гасман, в благоприятном для себя отношении которого заранее Убедились.

Невзирая на эти ходы, прибалтийцам не удалось добиться, чтобы комиссия признала спорные имения собственностью дворянства, — слишком было явно обратное. Не удалось, однако, или комиссия на это не решилась, признать титул собственности на имения и за государством. Она ограничилась разрешением вопросов, касавшихся устройства крестьян, поселенных в имениях, признав, что они должны быть устроены по правилам, относящимся к государственным, а не частновладельческим земельным имуществам, и оставив вопрос о праве собственности на имения открытым. Заключение это получило высочайшее утверждение, имения остались во владении дворянских обществ, равно как право распоряжения процентами с капитала, причитавшегося с крестьян за выкуп

предоставляемой им части земли. Прибалтийцев, однако, это не удовлетворило. Прошло лишь несколько лет, и они получили в 1905 г. разрешение не только на распоряжение упомянутым капиталом, но и на залог оставшейся в их владении, за наделом крестьян, части имений с правом свободно распорядиться залоговой суммой. Мотивом к их ходатайству были происшедшие в 1905 г. погромы некоторых баронских имений, на покрытие убытков по которым и предназначались все указанные суммы. Нелишне добавить, что самый залог имений прибалтийское дворянство произвело в прусском кредитном обществе, и притом в сумме, достигавшей их полной стоимости, чем оно и забронировалось от всяких покушений государства вернуть имения в свое владение.

La charite bien ordonnee commence par soi-meme⁶⁹ — правило это прибалтийское дворянство усвоило в совершенстве и проводило неукоснительно. Однако едва ли именно его следует упрекать в том, что интересы горсти немцев в Прибалтике соблюдались в большей мере, нежели интересы общегосударственные, равно как интересы большинства местного иноплеменного населения.

Глава 9 Столетний юбилей Государственного совета

Начальные годы века были для наших высших государственных учреждений подряд юбилейными. В течение этих лет праздновали свое вековое существование многие министерства, праздновал его и Государственный совет. Как это ни странно, но юбилеи эти носили какой-то грустный характер; как будто хоронили прошлое, не ожидая вместе с тем ничего хорошего от будущего. Но особенно тягостное впечатление произвел, невзирая на всю его внешнюю торжественность, юбилей Государственного совета, состоявшийся в 1901 г.

Началось с того, что в представленном проекте данного Государственному совету по поводу его юбилея высочайшего указа государем было еще лано два весьма знаменательных изменения. В проекте было, между прочим, сказано, что Государственный совет был учрежден в 1801 г. из лиц, «доверием монаршим и общим почтенных». Государь слова «и общим» собственноручно вычеркнул. Одновременно исключил он из помещенной в проекте фразы «мнениям Совета с уважением внимали венценосные прадеды, приснопамятный дед и незабвенный родитель наш», слова «с уважением». Значение этих поправок, или, вернее, исключений, было вполне понятно членам Совета. Действительно, как это ни странно, но Государственный совет, сплошь составленный по назначению короны, а в большинстве из бывших ближайших и нередко долголетних сотрудников престола, непосредственно им самим выбранных, не пользовался

благоволением свыше. Вполне благонамеренное собрание лиц, из которых многие, несмотря на их преклонные года, с чрезвычайной добросовестностью посвящали все свои силы и весь свой разум на служение не только родине, но и престолу, тем не менее состояло под некоторым подозрением.

С особенной резкостью это выступило именно в день юбилея, увековеченного кистью Репина на известной его картине, изображающей состоявшееся в этот день торжественное заседание Совета⁷⁰. Прибывший на это заседание император, встреченный всеми членами Совета в вестибюле Мариинского дворца, прошел непосредственно в зал собрания, где тотчас его открыл. Продолжалось заседание весьма недолго, так как все оно состояло в прочтении государственным секретарем данного Государственному совету указа и раздаче чинами Государственной канцелярии членам Совета юбилейных медалей. Никаких речей, никаких взаимных приветствий произнесено не было; в зале царило какое-то томительное молчание, чувствовалась какая-то всеми осознаваемая неловкость. Вместо праздничного, хотя бы слегка приподнятого настроения господствовали всеобщая угнетенность и стеснение. Между носителем верховной власти и его советниками висела невидимая, но густая завеса. Не войдя в соседний зал, где был приготовлен открытый буфет с шампанским и где предполагалось, что после тоста за императора, провозглашенного председателем Государственного совета, царь выпьет за здоровье членов Совета, государь тотчас уехал. Такое почти демонстративно холодное отношение носителя верховной власти, не Удостоившего никого из членов Совета хотя бы краткой беседы, глубоко оскорбило почтенных старцев, в мере своих сил и разумения честно и верно в течение всей их жизни служивших русским монархам.

Государственный совет в описываемое время, конечно, уже отживал свой век, но причины, по которым он не приносил той пользы, которую мог бы принести, таились не в нем и даже не зависели от его состава, а тем более от престарелого возраста многих его членов. Верхние законодательные палаты Запада имеют в своей среде не меньшее число былых сил и былых энергий. В английской палате лордов есть члены, приближающиеся к ста годам, и, однако, палата эта вплоть до последнего времени была одной из творческих сил страны. Конечно, не препятствовала работе Государственного совета и та внешняя чинность, которой отличались его заседания. Этой чинностью и даже торжественным внешним ритуалом, оставшимся неизменным в течение многих веков, отличается в гораздо большей степени демократически избранная английская же палата общин. Душили деятельность Государственного совета, во-первых, келейность его собраний, отсутствие всякой гласности у них, а главное, та роль примирительной камеры, которую он играл. Будь, с одной стороны, однородное правительство, а с другой — свободно гласно высказывающееся собрание умудренных житейским опытом

былых государственных работников, и деятельность этого собрания давала бы иные, значительно более плодотворные результаты.

Глава 10 Государственная канцелярия

В общем строе старого Государственного совета несомненным значением обладала состоявшая при нем Государственная канцелярия. Учреждение это не было в точном смысле присутственным местом, так как с публикой, не ведая никакими частными интересами, сношений она не имела, а во-вторых, потому, что собственно занятий в ней почти не происходило. Служащие в канцелярии, кроме молодежи, работали по домам и в Мариинский дворец приходили на заседания Государственного совета и его департаментов, а в иное время если и появлялись, то преимущественно как в клуб, где за чашкой чая или кофея, разносимого лакеями в придворных ливреях, делились городскими слухами и обменивались мнениями по злободневным политическим вопросам, нередко вступая по их поводу в горячие споры.

Центром, где собирались чиновники канцелярии, служила читальня Государственного совета, куда сами члены Совета заходили редко: ею почти всецело завладела канцелярия*. Конечно, все отдельные части канцелярии, обслуживавшие каждая один из департаментов Совета, имели свои особые помещения, но там занимались лишь писаря и экспедиторы да происходила считка корректур журналов Совета и составление справок по назначенным к слушанию проектам. То и другое производилось молодежью — преимущественно причисленными к канцелярии. Справки составлялись чисто механически при помощи ножниц и клея, так как состояли они, за редкими исключениями, из одних статей действующего закона, относящихся к рассматриваемому проекту, и имели целью облегчить членам Совета ознакомление с ними, освобождая их от необходимости разыскивать нужные статьи в 16 томах нашего свода, а также в собрании узаконений и распоряжений правительства в отношении тех правил, которые еще не были введены путем кодификации в самый свод. С этой целью нужные статьи вырезались из отдельных томов свода и брошюр собрания узаконений, наклеивались на листы бумаги и отправлялись в Государственную типографию, где они и печатались по числу лиц, которым рассылались рассматриваемые в Совете дела. Изводилось при этом изрядное количество экземпляров свода и собраний узаконений, хотя едва ли справками этими пользовались члены Совета; разве заглядывал в них Голубев, но и тот, вероятно, по природной недоверчивости, добросовестности и точности, обращался к подлинным своду и сборникам.

** Комната эта впоследствии, при перестройке Маршинского дворца в 1906 г. для его приспособления под Государственный совет нового устройства, была уничтожена, войдя в состав нового обширного зала заседаний Совета.*

При описанных условиях служба в Государственной канцелярии, естественно, весьма ценилась: ежегодные четырехмесячные отпуска, во время летнего перерыва занятий в Государственном совете; почти полная свобода распоряжения своим временем; близость к центру государственного управления и сравнительная тем самым осведомленность по злободневным политическим вопросам; частое общение с министрами и посему большая возможность, при желании работать, сделать карьеру, наконец, приятная, почти однородная среда сослуживцев — все это заключало такие исключительные преимущества, которые не могли не привлекать каждого, и поэтому давало полную возможность подобрать кадр даровитых и трудолюбивых работников. Конечно, не весь состав канцелярии принадлежал к этой категории; наоборот, он резко делился на две части, которые Плеве характеризовал как знатных иностранцев и белых рабов. Но знатные иностранцы, за редкими исключениями, подвигались по службе медленно, карьеры не делали и занимали в большинстве случаев сверхштатные, неоплачиваемые должности либо даже оставались в течение долгих лет причисленными, конечно, тоже не получающими содержания. Фаворитизма, продвижения по протекции, по крайней мере, на ответственные Должности, не было, да оно и было невозможно: работа канцелярии требовала значительного умственного развития, большого навыка и немало го труда. Если дни у работающих чинов канцелярии могли быть более или менее свободными, то зато вечера и даже ночи сплошь проводили они за письменным, правда собственным, столом.

Чтобы определить значение канцелярии, достаточно сказать, что никогда в департаментах Совета, а тем более в Общем его собрании отдельные статьи закона не принимались в определенной точной редакции: принимались, собственно, правила закона, но самое их изложение всецело и неизменно предоставлялось канцелярии. Действовала она при этом весьма свободно, т.е. внесенный ведомством проект подвергала нередко коренной переработке, будто бы только редакционной, но на деле часто затрагивавшей суть правил. Конечно, роль канцелярии ограничивалась подробностями, и основных крупных, а тем более политических сторон проекта она касаться не могла. Но, если принять во внимание, что большинство законов, проходивших в то время, было технического свойства, то надо будет признать, что Государственная канцелярия являлась деятельным фактором в русском законодательстве. Приведу для примера такие законы, как положение о мерах и весах и новые, изданные в 1901 г. правила о взаимном земском страховании, а также правило о виноградно-водочном производстве. Все эти законы были составлены Государственной канцелярией наново, причем для характеристики этой работы достаточно сказать, что Д.И. Менделеев, автор

положения о мерах и весах, сначала пришедший в ужас от сделанных изменений, затем не только признал их правильными, но еще счел долгом выразить благодарность чинам канцелярии за их сложную, кропотливую, добросовестную работу.

Еще большее влияние имели статс-секретари Государственного совета, т.е. лица, ведавшие делопроизводством департаментов, причем каждый департамент имел своего статс-секретаря. Основывалось их влияние на том, что не только от них в конечном результате зависела редакция закона, но и потому, что они же докладывали поступающие проекты председателям департаментов. Последние, как я уже сказал, были люди весьма опытные и в общем деловитые, но заметно устаревшие. Разбираться во всех подробностях сложных законов, что возможно лишь путем тщательного сопоставления отдельных их статей, им было нелегко; от статс-секретаря зависело многое — так или иначе осветить или хотя бы привлечь на какое-либо правило проекта особое внимание.

Статс-секретарями за период с 1897 по 1902 г. были люди с большим опытом: быстро усваивали они самые разнообразные и иногда совершенно им неизвестные перед тем вопросы. Конечно, знакомились они с вопросом лишь теоретически, книжно. Непосредственно народная жизнь им была мало знакома и еще менее выдвигавшиеся ее развитием новые запросы и требования. Не сталкивались они ни с каким конкретным делом и в порядке бюрократического заведования им, а следовательно, не могли и таким путем изучать ни государственные, ни народные потребности. Кругозор их, естественно, отличался при таких обстоятельствах безграничностью, ибо действовали они как бы вне времени и пространства, а составление законодательных правил проникнуто стремлением привести все и вся, на всем пространстве империи, к одному общему уровню, подвести под один общий шаблон. Естественно, что отражалось это в особенности на законах, касавшихся всецело или отчасти окраин государства.

Статс-секретарями отделения законов были за описываемый период барон Ю.А. Икскуль-фон-Гильденбандт, а позднее Г. И. Шамшин. Первый — Икскуль — в душе был ярым балтийцем, в смысле отстаивания баронских интересов, но, однако, тщательно это скрывал и одновременно принимал близко к сердцу общегосударственные интересы. Думается мне, однако, что опять-таки в душе он преклонялся лишь перед германской культурой и отрицал всякое культурное значение за русским народом. Редактор барон Икскуль был превосходный и законодательной техникой обладал в совершенстве. Все поступающие при нем в департамент проекты подвергались самому тщательному рассмотрению, причем происходило это при участии всего состава служащих в отделении. Словом, происходило форменное коллегиальное совещание, состоявшее в том, что сначала лицо, которому поручалось данное дело, излагало его сущность и подвергало его

всесторонней, как по существу, так и во всех его подробностях, критике; затем в обсуждении принимали участие все остальные чиновники отделения вплоть до зеленой молодежи. Порядок этот, способствующий тщательному ознакомлению статс-секретаря с проектом, а следовательно, через его посредство и председателя департамента, служил превосходной школой для всех участников совещания. Он не только заинтересовывал их в деле и вызывал полезное соревнование, так как каждому хотелось выказать и знакомство с делом, и общую образованность; он вместе с тем имел воспитательное значение. Он расширял кругозор, вводил в круг государственных вопросов и даже в гуцу государственного Управления.

Общему развитию, логическому мышлению, усвоению сущности изучаемого вопроса и умению ясно и точно излагать на письме факты и мысли еще больше способствовала основная работа Государственной канцелярии, сводившаяся к составлению журналов заседаний департаментов Совета и перередактированию соответственно с принятыми решениями самих законопроектов. На журналы эти обращалось исключительное, даже, быть может, чрезмерное внимание, и составлялись они в отделении законов превосходно. Будущий историк русского законодательства, равно как исследователь нашего государственного строя за XIX век, найдет в них драгоценный материал. Состояли эти журналы в точном и исчерпывающем изложении сущности внесенного проекта, равно как обстоятельств и мотивов, его вызвавших; затем следовало изложение высказанных в департаментах по основным предположениям законопроекта мнений, и заканчивался журнал сделанными и принятыми замечаниями по поводу отдельных статей или правил проекта; к журналу, составляя его заключение, прилагался законопроект в измененной, соответственно высказанным суждениям, редакции. Весь журнал должен был быть весьма кратким, что, конечно, затрудняло работу. Исчерпать на немногих страницах сущность сложных, захватывающих иногда разнообразные стороны народной жизни положений и правил представляло немалый труд; еще Вольтер, извиняясь за пространность своего письма, писал, что не имеет достаточно времени, чтобы быть кратким.

Не обходилось, однако, при этом без некоторых смешных формальностей. Так, при изложении происшедшего разногласия обязательно было отвести обоим мнениям совершенно одинаковое количество страниц и даже строк: убедительность мнения очевидно расценивалась на меру длины, а не по удельному весу. Зато в изложении единогласно высказанных суждений редактору предоставлялась почти полная свобода; он не был стеснен тем, что фактически говорилось в департаментах, и мог опустить или развить сказанное и даже прибавить ряд собственных соображений, подкрепляющих принятое решение. Объяснялось это тем, что суждения Совета излагались безлично, как бы от всего департамента. Поэтому каждый член Совета мог *ad libitum* либо признать изложенные соображения за свои, либо приписать их

своим коллегам. Ближе придерживались в журналах к фактически высказанному при изложении происшедших разногласий; однако, так как и тут мнения излагались от лица группы членов, развитие сказанного не было исключением, а иногда являлось необходимым ради уравниения по их длине двух разных мнений.

Конечно, одинаково убедительное изложение двух противоположных мнений представляло для образованного и самостоятельно мыслящего редактора задачу и трудную, и тягостную, причем должно было иметь на него в конечном результате влияние развращающее. Приучая к диалектике, а быть может, в известной мере и к объективности, оно одновременно развивало скептицизм, индифферентизм и склонность к соглашательству — свойства и без того присущие русскому правящему слою. Энциклопедичность вопросов и дел, проходивших через руки редакторов, с другой стороны, бессознательно склоняла их к мысли, что они все знают, а в особенности на все способны, а это отражалось на их последующей деятельности. Деятельность же эта была нередко широкая и притом в масштабе Русского государства, так как Государственная канцелярия была рассадником высших должностных лиц. Именно из нее вышли многие из наших последних министров, как то: Кауфман, Харитонов", Рухлов, Философов, Коковцов, Трепов. Все это люди несомненно выдающиеся, но едва ли все они были вполне подготовлены для занятия тех должностей, которые впоследствии занимали. Впрочем, и то сказать, едва ли конституционные министры Запада — журналисты, врачи, адвокаты, прошедшие через стаж народных представителей в парламентских учреждениях, — обладают большими познаниями и большим опытом.

Возвращаюсь к статс-секретарям Государственного совета. Не все они обладали теми свойствами, которые отличали барона Иксуля. Так, заменивший его Г.И. Шамшин (брат члена Государственного совета И.И. Шамшина) представлял совершенно иной тип. Формалист-чиновник, мало интересовавшийся сутью дела, он обращал внимание преимущественно на «корректность» журналов, причем понимал ее своеобразно. По его мнению, она состояла в том, чтобы журналы не только ничего резкого, но и сколько-нибудь определенного не заключали. «Знаете, — говорил он, — как ласточка, летая над водой, чуть-чуть задевает ее поверхность крылом, вот так и в журналах должны мы касаться существа дела; так чуть-чуть, тем самым ничем не связывая решений Совета по другим более или менее аналогичным делам».

Трудолюбив был при этом Шамшин необыкновенно и имел благодаря этому адское терпение писать наново все представляемые ему его подчиненными журналы, причем умудрялся уписать их мелким бисерным почерком на полях будто бы исправляемого им текста и так их изложить, что они заключали лишь гладко нанизанные слова, почти без всякого содержания;

такой уж талант ему природа дала. Зато на редакцию законов Шамшин почти не обращал внимания, сохраняя то их изложение, которое было дано составителем журнала.

Совершенно иначе относился к делу Д.А. Философов, статс-секретарь отделения промышленности и торговли с 1899 г. — времени его образования — по осень 1901 г., когда он был назначен товарищем государственного контролера. Умный, талантливый, он отличался беззастенчивостью и какой-то добродушной наглостью. Весьма честолюбивый и всемерно стремившийся к власти, но вместе с тем ленивый по природе, он, как многие умные, ленивые люди, обладал необыкновенной способностью подыскивать себе таких сотрудников, работу которых он мог бы обернуть в свою пользу, выдавая ее, не стесняясь, за свою. Однако, когда это было необходимо, он мог любую работу исполнить и сам, обладая и этим талантливым, чуждым канцелярского шаблона пером. Назначением в статс-секретари он был обязан собственной работе, а именно проведя в Государственном совете в сессию 1897—1898 гг. положение о промысловом налоге.

С мнениями, высказанными в департаментах, Философов почти не считался, и составляемые при нем журналы являлись весьма слабым отражением того, что было действительно в департаментах сказано. Делом он все же интересовался, причем влияние его, через посредство председателя Департамента промышленности и торговли Чихачева, на решения Совета постоянно чувствовалось.

Экономист по призванию, твердых политических убеждений Философов не имел, а какие имел, неохотно высказывал, всячески избегая быть причисленным к тому или иному лагерю. Стремясь главным образом сделать карьеру и сознавая, что времена изменчивы, он умел сохранить связи во всех лагерях, в том числе и земском, аккуратно участвуя в качестве губернского гласного в псковских губернских земских собраниях. Там он считался умеренным прогрессистом, но участие принимал лишь в разрешении хозяйственных вопросов. Впоследствии в 1905 г. он сдвинулся сначала влево. Состоя в кабинете Витте государственным контролером, он при обсуждении избирательного закона в Государственную думу решительно высказался за так называемую четыреххвостку. Конечно, это не помешало ему впоследствии принять портфель министра торговли и промышленности в кабинете Столыпина и там участвовать в проведении закона 3 июня 1907 г., круто изменившего первоначальный выборный закон в сторону эклектизма избирателей. Должность министра занимал он, однако, недолго: 6 декабря 1907 г. он скоропостижно умер в Мариинском театре во время торжественного представления в царском присутствии «Жизни за царя».

Несколько иного склада был П.А. Харитонов — статс-секретарь отделения духовных и гражданских дел. Не менее честолюбивый, чем Философов, но

пробивавший себе дорогу упорным трудом, он решительно стоял на точке зрения начальства, не стесняясь резко ее изменять при сменявшихся настроениях верхов либо переменившихся обстоятельствах. В описываемый период Харитонов был ближайшим сотрудником Плеве по проектированию различных мероприятий, касавшихся Финляндии, и высказывал самое решительное желание лишить этот край всякой самостоятельности. Благодаря участию Плеве, бывшего в то время государственным секретарем в нашей финляндской политике, вопрос этот был часто темой споров и разговоров между чиновниками Государственной канцелярии. Принимал участие в этих спорах, происходивших, как всегда, в читальне, и Харитонов, причем не стеснялся высказывать самые реакционные взгляды. Помню, как однажды от Финляндии разговор перешел на общую тему местного самоуправления и коснулся земских учреждений. Большинство беседовавших высказалось, разумеется, за земские учреждения, за большую их самостоятельность и за освобождение их от административной опеки. Харитонов возражал и наконец заявил, что не видит разницы между учреждениями правительственными и земскими: те и другие ведают государственными делами, а потому должны быть в одинаковом подчинении у агентов власти. Очевидно, озадаченный такой постановкой вопроса, один из возражавших запальчиво возразил: «А ведь разницу-то легко определить. Сводится она к тому, что, когда здесь, в правительственном учреждении, вы что-либо мне заявляете, я должен вам сказать — слушаюсь, ваше превосходительство; состоя же с вами в земстве, я бы вам сказал: извольте завираться, Петр Алексеевич». На этом спор, среди водворившегося слегка неловкого молчания, как-то сразу прекратился. Но вот наступил бурный 1905 год, Плеве уже был в могиле, а Харитонов внезапно превратился в решительного сторонника парламентарного строя, покоящегося на наиболее демократической системе выборов народных представителей. Когда же в 1906 г. собралась Первая Государственная дума, то Харитонов громил своего бывшего оппонента по вопросу о земских учреждениях за то, что он высказывался против внесенного 33 членами Государственной думы проекта о принудительном отчуждении частновладельческих земель. Насколько такой крутой оборот Харитонова был искренен, я решить, разумеется, не могу, но смелости произведенного *volte-face*⁷³ отрицать нельзя. Собственно в Государственной канцелярии Харитонов проявил незаурядную трудоспособность, в особенности при проведении в Государственном совете нового уголовного уложения. Состоя впоследствии государственным контролером, он не выказал необходимого мужества для обнаружения тех крупных злоупотреблений, которые неизбежно по временам обнаруживались по некоторым ведомствам. При нем, как и при его предшественниках, контроль работал очень тщательно, но следствием его работы были только начеты за неправильно израсходованные рубли и копейки, а растроченные миллионы по-прежнему как-то ускользали из поля зрения. В крайнем случае о них говорилось лишь в не подлежащих опубликованию, совершенно

секретных ежегодных всеподданнейших отчетах государственного контролера.

Другим статс-секретарем Государственного совета, превратившимся впоследствии во время существования Государственной думы в министра, был С.В. Рухлов. Знаток сметных правил, он ежегодно в качестве заведующего делопроизводством Департамента государственной экономии нес огромную работу по составлению государственной росписи доходов и расходов согласно с сделанными департаментом в проекте росписи изменениями. Работа эта была в особенности тяжела вследствие крайней спешности и срочности. К рассмотрению росписи Департамент государственной экономии приступал лишь после 1 октября, времени начала сессии Государственного совета, после летнего перерыва, а 1 января, т.е. через три месяца, роспись, получившая все надлежащие утверждения, неизменно опубликовывалась во всеобщее сведение. Следует при этом отдать справедливость Департаменту государственной экономии и всем причастным к его работе, а следовательно, и Рухлову, что проект росписи рассматривался ими весьма тщательно, и, поскольку, этому не мешали «независящие обстоятельства», исправлялся неизменно к лучшему.

Как это ни странно, но Рухлов также принадлежал к противникам политики Витте, доказывая между прочим, что вся наша металлургическая промышленность вызвана к жизни искусственно и существует лишь казенными заказами, главным образом для надобностей наших железных дорог, оплачиваемыми по чрезвычайно высокой цене. Занимая впоследствии, вплоть до осени 1915 г., должность министра путей сообщения, он поставил себе основной задачей подъем доходности казенных железных дорог, но достиг этого лишь за счет уменьшения капитальной их стоимости, уменьшив почти до полного прекращения пополнение подвижного состава и ухудшив состояние путей. При этом почти совершенно прекратилось проведение новых железнодорожных линий, но в последнем едва ли именно он повинен. Во всяком случае, он остался верен тому, что некогда высказывал о нашей металлургической промышленности. За счет железных дорог она при нем, во всяком случае, не существовала. Пользу от этого государство, однако, не извлекло: с открытием войны пришлось спешно увеличивать железнодорожный подвижной состав, но наши заводы для этого не были, за неимением у них в предшествующие годы значительных заказов, достаточно приспособлены, что и вынудило делать крупные заказы за границей, преимущественно в Америке. Да и нашим заводам пришлось оплатить исполнявшиеся ими во время войны заказы по иным, значительно повышенным ценам.

Живой, подвижной и несколько увертливый Рухлов был, безусловно, честный человек и добросовестный работник, но государственным деятелем он не был. Не хватало у него для этого не столько ума, сколько замаха и

энергии. На нем вполне оправдалась французская пословица *tel brille au second [rang] qui s'eclipse au premier*. В качестве статс-секретаря он был, несомненно, выдающимся работником, а выдвинутый на первые ответственные роли, он не оправдал надежд, которые на него многие возлагали, и оказался в лучшем случае посредственностью. Скажу несколько слов про часть Государственной канцелярии, называвшуюся отделением дел государственного секретаря. Отделение это фактически делилось на две части, из которых одна была занята исключительно составлением так называемых меморий. Заключали эти мемории, в весьма сжатом изложении, сущность внесенного в Государственный совет законопроекта, состоявшихся по нем в Совете суждений и введенных в него Советом изменений, причем в случае происшедшего в Совете разногласия приводилась и сущность двух мнений с перечислением разделяющих каждое из них членов Совета, в том числе и министров. Мемории эти представлялись государю, причем страницы, на которых должна была последовать царская резолюция, отмечались особыми закладками с обозначением на них той формулы царской надписи, которая требовалась для превращения проекта в закон. Разногласия Государственного совета разрешались тем, что под фамилиями тех лиц, мнение которых он разделял, государь писал «и Я». Так как случалось, хотя очень редко, что государь утверждал мнение меньшинства, то возвращение меморий, заключавших разногласие, в особенности если оно касалось какого-нибудь особенно острого злободневного вопроса, ожидалось с большим нетерпением. Единогласные решения Совета царем неизменно утверждались.

Как ни сжато излагались мемории, но все же, в особенности в весенние месяцы, они представляли довольно объемистые фолианты, значительную часть которых занимали, разумеется, самые законопроекты. Поэтому кроме меморий, являвшихся официальным документом, препровождавшимся в Сенат для опубликования утвержденных законов, составлялись еще кратчайшие извлечения из них, в которых самые сложные законоположения излагались в нескольких строчках, в телеграфном стиле, причем столь же кратко излагались и высказанные в Государственном совете разные мнения. Первоначально при государственном секретаре Половцове, когда впервые был введен этот порядок, извлечения если не составлялись, то, по крайней мере, писались собственноручно государственным секретарем. Но уже при предшественнике Плеве Муравьеве это было оставлено: извлечения переписывались на ремингтоне, на обыкновенной без всяких печатных бланков бумаге и прилагались к мемории.

В другой части отделения дел государственного секретаря были сосредоточены все дела, касавшиеся личного состава Государственного совета и Государственной канцелярии. Через эту часть проходили все назначения, награды и представления об увеличении содержания членов Совета и т.п.

Определенного содержания для членов Совета законом установлено не было, и размер его определялся в каждом отдельном случае при назначении нового члена Совета. Назначавшиеся оклады нельзя было считать чрезмерными; обыкновенно они первоначально устанавливались в 10 тысяч рублей и затем повышались до 12 тысяч рублей, а иногда и до 14 тысяч. Больше содержание получали лица, занимавшие в течение многих лет министерские должности; для них они составляли обыкновенно 15 тысяч, и лишь в последние годы несколько лиц получало 18 тысяч рублей. Конечно, для многих эти содержания являлись пенсиями, так как никакой работы эти лица не несли и даже присутствие их в Совете было фактически не обязательно. Едва ли, однако, и как пенсии были эти оклады чрезмерными для лиц, посвятивших всю свою жизнь государственной службе, занимавших на ней высшие должности и так или иначе работавших на пользу родины. Английские министры, если они занимают эту должность в течение 11 месяцев, получают пенсию в размере полного министерского содержания.

Дела, касавшиеся личного состава, сохранялись в величайшей тайне, в которую даже статс-секретарь, ведавший отделением дел, не всегда посвящался. Велись они непосредственно государственным секретарем, а исполнителем был экспедитор отделения, известный всему Государственному совету И.Т. Таточка, личность, пользовавшаяся ввиду этого немалым почетом.

Таточка выслужился из писцов, никаким образовательным цензом не обладал, но канцелярское дело знал в совершенстве, а в смысле хранения тайн был крепче фараоновых могил. Большого роста и значительной дородности, с круглым, немного заплывшим лицом и маленькими, слегка прищуренными, вероятно, чтобы и они случайно не выдали какой-либо тайны, но все же явно хитрыми хохлацкими глазами, Таточка был самым доверенным лицом В.К. Плеве. Естественно, что назначенный весной 1902 г. министром внутренних дел Плеве пожелал сохранить при себе Таточку в качестве личного секретаря. Однако сам Таточка, несмотря на те выгоды, которые ему предоставляло такое назначение, на это не соглашался. За сделанное ему предложение он усиленно благодарил Плеве, но принять его упорно отказывался, опрошенный же о причине своего отказа, долго мялся и наконец сказал: «Вас ведь, ваше высокопревосходительство, скоро убьют, и я останусь ни при чем; новый министр возьмет на мое место своего человека, а я лишусь всякого места, да и пенсии той не получу, на которую я здесь могу рассчитывать». Что было на это ответить? Однако выход был найден: Плеве испросил высочайшее повеление, по которому пенсия Таточки была определена вперед, в случае его выхода в отставку, в почтенную сумму, если не ошибаюсь, трех тысяч рублей. Предусмотрительность Таточки оказалась, как известно, не лишней. Он своевременно воспользовался имевшимся у него на руках повелением, одна ко полученной пенсии не радовался: оставив службу, он как-то сразу захирел и осунулся.

В заключение не могу не упомянуть еще про одно типичное лицо, не имевшее непосредственного отношения к Государственному совету, но составлявшее тем не менее в течение долгих лет его неизменную принадлежность. Посещавшие Мариинский дворец за последние 25 лет, наверно, помнят часто встречавшуюся в залах дворца высокую, неизменно затянутую в мундир фигуру военного, напоминавшего тип времен Александра II. То был заведующий зданием дворца полковник, впоследствии генерал Шевелев. Как некогда про министра императорского двора Александра I фельдмаршала кн. Волконского говорили, что он получил фельдмаршальский жезл *au feu de batteries de cuisine*, так про Шевелева еще с большим основанием и не без некоторой игры слов можно сказать, что генеральский чин он выслужил за кофейником. Действительно, Шевелев славился своим умением, путем смешения различных его сортов, готовить удивительно вкусный кофе, который и подавался вместе с чаем во время перерывов бесчисленных, происходивших в Мариинском дворце заседаний. Сам Шевелев гордился своими гастрономическими способностями, и ему нельзя было сделать большего удовольствия, как похвалить приготовлявшийся по его указаниям действительно вкусный напиток.

В свое время боевой офицер, участвовавший в составе одного из гвардейских пехотных полков в Турецкой кампании 1877—1878 гг., Шевелев тем не менее по природе был прежде всего хозяин, сохранивший, однако, на всю жизнь выправку и старинные военные приемы не только движений, но и речи. Дворец, находившийся на его попечении, содержался им в блестящем порядке, а подведомственная ему многочисленная челядь, не в пример дворцовой прислуге, вообще хамски разнузданной и вороватой, отличалась вежливостью и дисциплиной. От зоркого взгляда Шевелева ничего не укрывалось, и если генеральский чин не вполне подходил к занимаемой им должности, то сам он ей вполне соответствовал, причем отличался безупречной честностью. Должность свою Шевелев сохранил до самой Февральской революции, причем в занимаемой им во дворце квартире укрылись некоторые из министров, застигнутых переворотом во время происходившего во дворце заседания Совета министров.

Оставшись на своем месте и при Временном правительстве, Шевелев, очевидно, был свидетелем разгрома в октябре 1917 г. столь тщательно в течение долгих лет содержимого им Мариинского дворца — этого свидетеля столь разнообразных сцен и событий, начиная от пышных балов, когда дворец еще принадлежал великой княгине Марии Николаевне, и кончая происходившими там заседаниями Временного Совета Российской Республики. 27 октября 1917 г. члены этого совета были сначала задержаны занявшими все входы дворца измайловцами, а затем появились «краса и гордость революции» — кронштадтские моряки и, выгнав членов совета,

тотчас приступили к разгрому дворца. Его-то печальным свидетелем и должен был быть Шевелев.

Глава 11 Кодификационный отдел Государственной канцелярии

В 1893 г. был упразднен кодификационный отдел, преобразованный из II отделения собственной Его Величества канцелярии, а обязанности его, состоявшие в согласовании свода законов с новыми издаваемыми законоположениями, переданы в Государственную канцелярию с образованием при ней особой части, названной отделом свода законов. Указанное согласование, с постоянно вызывавшимся им новым изданием отдельных томов свода, требовало кропотливого труда, исключительной внимательности и тщательного изучения всех 16 томов нашего свода. Происходило это вследствие того, что собственно новых уставов и положений, целиком заменявших старые, издавалось мало; большинство законов постановлялось «в изменение, дополнение и отмену существующих законов»*. Принятая у нас система кодификации законов по своей крайней сложности не существует, насколько мне известно, нигде в мире, хотя и представляет огромное удобство для всех, имеющих дело с законами страны. Немудрено, что постанова ее в тех чисто чиновничьих учреждениях, которые ею раньше ведали, хромала во многих отношениях, почему и решено было с передачей этого дела в Государственную канцелярию привлечь к нему наши ученые силы. Во главе нового отделения канцелярии был поставлен известный криминалист профессор Н.Д. Сергиевский, а среди его сотрудников были такие лица, как известный знаток государственного права профессор Н.М. Коркунов и профессор гражданского права Малышев.

Сергиевский принадлежал к тому меньшинству нашей ученой коллегии, которое исповедовало консервативные взгляды. В частности, Сергиевский слыл сторонником телесных наказаний, почему нередко именовался кнутофилом.

** Исключение составляло лишь уложение о наказаниях и устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Касающиеся их новые правила вводились в них непосредственно при самом их установлении, причем снабжались соответствующим дополнительным номером статьи. .*

В своей докторской диссертации, касавшейся уголовных наказаний в средние века, он имел неосторожность сказать, что одной из причин широкого применения в исследуемое время смертной казни была дешевизна этого вида кары, так как она освобождала государство от необходимости содержать преступный элемент населения. Заявление это вызвало среди официальных оппонентов Сергиевского при защите им своей диссертации бурю негодования, хотя, чем собственно они возмущались, трудно понять. Ведь

Сергиевский приводил лишь одну из причин распространенности смертной казни в Средние века и вовсе не рекомендовал следовать этому примеру. На деле Сергиевский, отличавшийся по внешности и манере говорить некоторой грубоватостью, был прекраснейший человек, отличительным же его свойством был горячий патриотизм, быть может, несколько шовинистического оттенка. Этим обстоятельством воспользовался Плеве для привлечения его к участию в разрешении вопросов, касающихся Финляндии, назначив его председателем особой учрежденной при кодификационном отделе комиссии по систематизации законов Великого княжества Финляндского. С учреждением этой комиссии кодификационный отдел и его главный начальник — государственный секретарь приобрели видное политическое значение и из учреждения и должности, исключительно технически канцелярских, вошли в круг учреждений и лиц, причастных к общей политике государства.

Я до сих пор ничего не сказал о В.К. Плеве, хотя, казалось бы, именно его следовало прежде всего помянуть, говоря о Государственной канцелярии, во главе которой он стоял в течение почти десяти лет. Но дело в том, что Плеве в текущий ход занятий канцелярии почти вовсе не входил, предоставив это всецело статс-секретарям Государственного совета, заведовавшим делопроизводством отдельных департаментов Совета. Он, разумеется, сохранил за собой все назначения по канцелярии, и надо отдать ему справедливость, сумел подобрать и выдвинуть целый рой выдающихся работников. Каким-то непонятным способом он был хорошо осведомлен о личных качествах и способностях почти всех чинов канцелярии, хотя в непосредственное сношение с ними почти не входил. Держал себя при этом Плеве в отношении к своим подчиненным не только начальственно, но даже несколько величественно. Вызов кого-либо служивших в канцелярии к государственному секретарю был всегда событием и служил темой для различных комментариев, сам же вызывавшийся шел к Плеве не без упоминания царя Давида и всей кротости его". Действительно, Плеве отличался острым и даже злым языком и не прочь был при случае огоршить своего подчиненного несколькими ядовитыми сарказмами. Делал он это даже в тех случаях, когда вызывал кого-либо, чтобы поручить ему какую-нибудь особую работу по вопросу, которым он лично был в данное время занят, что, конечно, свидетельствовало о некотором его доверии к вызванному и признании за ним известных познаний или хотя бы способностей.

Значение Плеве как государственного секретаря было несомненное, но исключительно закулисное и не имело отношения собственно к подведомственной ему канцелярии. Оно состояло в том участии, которое он принимал почти во всех образуемых при Государственном совете особых комиссиях по острым политическим вопросам, а также — и это главное — в выборе тех или иных лиц, назначаемых в состав этих комиссий, и, наконец, в выборе, преимущественно среди сенаторов, необходимых для работы в

Государственном совете новых членов его. Действовал он при этом через председателя Совета великого князя Михаила Николаевича. Все это создавало для Плеве влиятельное и для многих даже завидное положение, но его самого, конечно, не удовлетворяло. Он слишком привык за свою прежнюю службу к живой деятельности, а главное — к широкой власти. Директор Департамента полиции, а затем товарищ министра внутренних дел сначала при гр. Д.А. Толстом, а затем при И.Н. Дурново, фактически самостоятельно правивший этим министерством при обоих названных лицах, Плеве не мог не стремиться к возвращению на административное поприще и к занятию министерского кресла. Между тем проходил год за годом, а о нем как-то забыли. Выскакивали неизвестно откуда новые кандидаты такого же, как и он, политического направления, но не обладавшие ни его опытом, ни его значением, вроде дилетанта Сипягина. Для Плеве стало ясно, что, если он не найдет способа иметь более или менее частое общение с верховной властью, ему никогда не дожидаться исполнения своих желаний. По должности государственного секретаря он постоянных докладов у государя не имел, а должен был их испрашивать особо каждый раз, когда к тому представлялась надобность, что случалось весьма редко (почти исключительно для получения согласия на назначение на такие должности по Государственной канцелярии, которые замещались высочайшими указами). Найти, следовательно, такое дело, по которому повод для испрошения всеподданнейших докладов представлялся бы часто, вот тот первый шаг, который ему нужно было сделать. И такое дело наконец нашлось, а именно финляндский вопрос. Возник он, однако, не по инициативе Плеве, но ему удалось скоро его себе присвоить. Возбужден он был военным министерством, пожелавшим слить финляндское войско, состоявшее исключительно из уроженцев Финляндии, и привлечь этих уроженцев к несению воинской повинности в составе русских войск. Но тут было непреодолимое препятствие: законы, касавшиеся Финляндии, проходили в финляндском Сейме, и рассчитывать на принятие этим Сеймом закона, согласованного с предположением военного ведомства, не было никакой возможности. Нужно было, следовательно, изменить самый порядок законодательства по Великому княжеству. К этому и решили прибегнуть, причем по обыкновению образовали для этого особую комиссию при Государственном совете, действовавшую под председательством председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича, а рабочей ее силой был статс-секретарь Совета Харитонов, которому поручено было ее делопроизводство. Комиссия эта выработала те основные положения об издании законов, касающихся Финляндии, но затрагивающих интересы империи, которые были утверждены указом 3 февраля 1899 г. и вызвали такое негодование финляндцев.

Как известно, финляндские политики утверждали, что положения эти нарушали октроированную Александром I при присоединении Финляндии конституцию этой страны, русские же исследователи утверждали, что

Александр I обещал лишь сохранить конституции (т.е. установления) Финляндии, но никакой конституции за ней не признавал. В этом споре о числе конституций финляндцы довольствовались единственным числом, а русская власть предпочитала предоставить им их во множественном числе, причем надо сказать, что в манифесте по этому предмету Александра I говорится о конституциях Финляндии; как это толковать — это, конечно, другой вопрос. Как бы то ни было, но на основании упомянутого положения 3 февраля 1899 г. законы, которых оно касалось, подлежали рассмотрению Государственного совета империи и получали силу по их утверждению русским императором.

Вот этим-то обстоятельством и воспользовался Плеве, дабы ближе стать к финляндскому вопросу, указав, что, коль скоро Государственный совет будет рассматривать некоторые вопросы, касающиеся Финляндии, необходимо, чтобы законы этого края были ему известны, а для этого нужно их собрать и систематизировать. Для исполнения этой работы, весьма сложной и кропотливой, и была образована при кодификационном отделе Государственной канцелярии особая междуведомственная комиссия, председателем которой, как я сказал, был назначен заведующий этим отделом профессор Сергиевский, причем участие в ее работе принимали русские знатоки финляндского законодательства профессор Берендс, назначенный по этому поводу помощником статс-секретаря Государственного совета, и генерал Бородкин, являвшийся в комиссии представителем военного ведомства. Но коль скоро была учреждена эта комиссия, так тотчас же возникло при ходе ее работы множество спорных вопросов, что и дало Плеве возможность в качестве государственного секретаря, под общим руководством которого действовала комиссия, войти в самую гущу русско-финляндских отношений и иметь по их поводу частые доклады у государя. Таким образом, поставленная цель была достигнута.

Не подлежит сомнению, что во многом русские исследователи финляндского вопроса — Ордин, Еленев и сотрудники Плеве — были фактически правы. Финляндцы, естественно, желали отстаивать самостоятельность своего края, но прибегали они при этом к способам недопустимым, в том числе и к явным подлогам и передержкам. Заключались они в тенденциозно неверном переводе на русский язык государственных актов, изданных по-шведски во время шведского господства в Финляндии, и в столь же неверных переводах на местные языки — финский и шведский — русских текстов законов, изданных для Финляндии. Были даже такие курьезы, что действовавшие в Финляндии законы пополнялись в Финляндии правилами, изданными в Швеции уже после отторжения от нее этого края. Такой случай был обнаружен профессором Таганцевым по отношению к действовавшему в Финляндии уголовному уложению. Тем не менее русская политика по отношению к Финляндии была в корне неправильна. Ничего не достигая по существу в смысле закрепления Финляндии за Россией и вообще

обеспечения общегосударственных интересов, она лишь раздражала финляндцев, одновременно уничтожая в них не только всякий страх русской власти, но и всякое уважение к ней. Происходило это вследствие того, что все принимаемые в отношении Финляндии меры были не только полумерами, но фактически даже вовсе не осуществлялись. Зависело же это от двух причин. Первая коренилась в общем бессилии русской государственной власти осуществить что бы то ни было смелое и решительное, так как власть эта была, как я уже старался это доказать, распылена между дюжиной министров, постоянно препятствовавших друг другу, благодаря разности политических взглядов, предпринять что-либо имеющее широкое государственное значение. Вторая причина касалась специально Финляндии и состояла в том, что сама власть смутно сознавала, что проектируемые ею меры в сущности не вызываются государственной необходимостью. Действительно, вопрос состоял вовсе не в том, перевирают ли финляндцы русские и шведские тексты законов при их переводе на другой язык, а имеет ли это перевирание значение для России, вредно ли оно ей. Между тем для всякого было ясно, что России от этого ни тепло, ни холодно. Интерес России относительно Финляндии сводился исключительно к одному — быть безусловным хозяином в Финляндском заливе, в том числе и в шхерах, расположенных у финляндских берегов, и иметь, ввиду близости Финляндии к Петербургу, вполне обеспеченную с ней сухопутную границу. Того и другого можно было достигнуть отнюдь не теми мерами, которые провозглашались в отношении Финляндии; повторяю, провозглашались, но не осуществлялись. Ярким примером такого провозглашения явился закон о несении воинской повинности финляндцами, тот самый закон, ради которого были учреждены вызвавшие столько шума основные положения 3 февраля 1899 г. Проект этого закона рассматривался в Государственном совете в 1901 г. На его основании финляндцы должны были исполнять воинскую повинность на равных основаниях с остальными подданными империи. Чем же он, однако, кончился? Во-первых, он вызвал на редкость ожесточенные прения в Государственном совете, причем во главе оппозиции стал не кто иной, как Витте и сплотил вокруг себя большинство членов Совета. Во-вторых, он в конечном счете свелся к тому, что из подлежащих отбыванию воинской повинности свыше 26 тысяч человек финляндцев фактически были привлечены в 1902 г. — 280 человек, а в 1903 г. всего лишь 190 человек. И так для усиления имперской армии 280 солдатами издали те положения 3 февраля 1899 г., которые так озлобили финляндцев против России и вырыли между Россией и Финляндией ту пропасть, которую уже ничто потом не заполнило и не уничтожило. Для той же цели ежегодно держали свыше 26 тысяч финляндцев под дамокловым мечом привлечения на военную службу, так как ни один из них не мог быть уверен, что жребий не выпадет именно ему, не говоря уже про то, что все они должны были отказаться от своего дела для явки к освидетельствованию, но и этого мало — опубликовав этот закон, привести его в действие, вероятно благодаря его очевидной нелепости, не решились. Ну как не признать, что русская политика по отношению к

Финляндии была политикой булавочных уколов, раздражавших, но отнюдь не обессиливавших противника и даже придававших ему большую силу путем его озлобления, с одной стороны, а с другой — посредством внушения ему уверенности, что в сущности бояться ему нечего, что все сводится к пустым угрозам и бутафорской шумихе.

Если Плеве несколько раздул финляндский вопрос по личным соображениям, то, окунувшись в него, он несомненно им заинтересовался по существу и приложил все усилия к его наиболее целесообразному разрешению. При этом он не мог не сознавать, что принятый военным ведомством способ действия совершенно не отвечает пользе дела. Поэтому с своей стороны он подходил к нему очень осторожно, и когда весной 1901 г. был назначен статс-секретарем Великого княжества Финляндского (с оставлением его в должности государственного секретаря), то попытался прежде всего войти в соглашение с наиболее расположенными к России финскими политическими деятелями и найти тот средний путь, который, обеспечивая интересы России и охраняя ее достоинство как сюзеренного государства, вместе с тем был бы приемлем и для финляндцев. Сделанные в этом направлении попытки (сношения велись преимущественно с видным общественным деятелем Финляндии графом Армфельдом), однако, ни к чему конкретному не привели. Тогда у Плеве появилась другая мысль, и едва ли не самая правильная. Состояла она в том, чтобы исключить из состава Великого княжества так называемую старую Финляндию, т.е. ту ее часть, которая была присоединена к России еще при Петра Великом и заключала сопредельную с Россией Выборгскую губернию. По отношению же ко всей остальной Финляндии он думал принять иную политику, а именно почти не вмешиваться в ее внутренние дела. Последнее было тем более возможно, что при умелой политике, благодаря экономической зависимости от нас Финляндии, мы всегда могли посредством установления тех или иных таможенных пошлин на финляндские товары, главным рынком сбыта которых служила Россия, не только держать ее в руках, но даже принудить ее саму просить об усилении ее связи с империей. В этих видах была даже учреждена под председательством Философова, бывшего в то время товарищем государственного контролера, особая комиссия для разработки таможенного тарифа по финляндской границе. Однако, по обыкновению, ничего из этих предположений не осуществилось и осуществиться не могло. Принятие таких смелых решений было совершенно не по плечу русской государственной власти начала нынешнего века. Как справедливо заметил Сергиевский, меры принимались дубовые, а люди, которые должны были их осуществлять, были осиновы. К тому же сам Плеве, весной 1902 г. достигнув своей заветной цели — назначения министром внутренних дел, хотя и продолжал оставаться статс-секретарем Великого княжества Финляндского, но уже не имел ни времени, ни, вероятно, особой охоты заниматься финляндским вопросом, который до известной степени и заглох, оставив, однако, одно важное, но не касающееся русско-финляндских отношений наследие, а именно возникшее

при прохождении в Государственном совете финляндских законопроектов обостренное отношение между Плеве и Витте. Двум медведям в одной берлоге вообще всегда тесно: соперничество между этими двумя сильными, властными людьми всячески неминуемо должно было возникнуть, но финляндский вопрос помог этому и сделал из министров внутренних дел и финансов двух ожесточенных противников. Свидетелем борьбы между ними явилась зима 1902 на 1903 г.